

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

На правах рукописи

Ермакова Лия Леонидовна

Вячеслав Иванов — переводчик и интерпретатор трагедий Эсхила

Специальность 10.01.01 — «Русская литература»

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук
К. Ю. Лаппо-Данилевский

Санкт-Петербург
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Раздел I. ИСТОРИЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ	21
Глава 1. История работы Вяч. Иванова над переводом Эсхила.....	21
Глава 2. Издания трагедий Эсхила в библиотеке Вяч. Иванова	38
Глава 3. Издания переводов Вяч. Иванова из Эсхила.....	42
§ 1. «Древнегреческая литература эпохи независимости» (1920)	42
§ 2. «Греческая литература в избранных переводах» (1939).....	45
§ 3. «Хрестоматия по античной литературе» (1947. Т. 1).....	46
§ 4. «Греческая трагедия: Эсхил, Софокл, Эврипид» (1950)	48
§ 5. «Эсхил. Трагедии» (1989)	49
Раздел II. СИМВОЛЫ И ПОНЯТИЯ.....	54
Глава 1. Двойной топор (лабрис) в переводе «Орестей» и его символика в творчестве Вяч. Иванова	54
§ 1. Двойной топор в «Орестее»	54
§ 2. Двойной топор в статьях и работах Вяч. Иванова	62
Глава 2. Понятие «грех» в переводах Вяч. Иванова из Эсхила	73
§ 1. «Грех»: значение	73
§ 2. «Грех»: переводы Гомера Н. И. Гнедича и В. А. Жуковского.....	75
§ 3. «Грех» в переводах греческих трагиков, выполненных современниками Вяч. Иванова.....	76
§ 4. «Грех» в переводах Вяч. Иванова из Эсхила	78
§ 5. Понятие греха и трагедия.....	94
Глава 3. Лексико-семантическая группа «судьба» в переводе трагедий Эсхила	96
§ 1. «Судьба»: значение.....	96
§ 2. Лексико-семантическая группа «судьба» в русских переводах Эсхила	97
§ 3. Лексико-семантическая группа «судьба» в переводах Вяч. Иванова из Эсхила	100
§ 4. Судьба и трагедия	110
Глава 4. Христианские коннотации в переводе Эсхила.....	113
§ 1. Лицо земли.....	115

§ 2. Страстотерпец. Страстной	120
§ 3. Богоотступники. Безбожники	126
§ 4. Святой	129
§ 5. Двусоставные слова	132
§ 6. Разное	139
Раздел III. СТИЛЬ	143
Глава 1. Двусоставные слова в переводе Вяч. Иванова	143
Глава 2. Лексические и звуковые повторы	152
§ 1. Повторы однокоренных слов	154
§ 2. Повторы слов с разными корнями. Этимологизация имени собственного	161
§ 3. Гомеотелевты и рифма	164
§ 4. Аллитерация	168
Раздел IV. МЕТР	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	195
БИБЛИОГРАФИЯ	198
ПРИЛОЖЕНИЕ	225
Приложение 1. Двусоставные слова в переводах Вяч. Иванова из Эсхила ...	225
Приложение 2. Рифмы и гомеотелевты в переводах Вяч. Иванова из Эсхила	232

ВВЕДЕНИЕ

Вячеславу Ивановичу Иванову (1866–1949), поэту и теоретику символизма, принадлежит перевод с древнегреческого на русский язык шести трагедий Эсхила, из которых четыре переведены им полностью («Агамемнон», «Хоэфоры», «Эвмениды» и «Персы»), а две не до конца («Просительницы», «Семеро против Фив»). Кроме того, Иванов опубликовал ряд теоретических и историко-философских работ, посвященных древнегреческой трагедии и религии Диониса, с которой он связывал происхождение трагедии.

К тому времени, как Вяч. Иванов взялся за перевод Эсхила, уже существовали русские переводы его трагедий — как прозаические, так и поэтические. Одним из первых¹ к Эсхилу обратился А. Ф. Мерзляков: в его книгу «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев» (1825) вошли отрывки из «Агамемнона» (под заглавием «Кассандра») и «Семерых против Фив». Но переводом это назвать нельзя, скорее, очень вольным переложением, выполненным александрийским стихом. Позднее А. Н. Майков перевел из «Агамемнона» самое начало трагедии и сцену безумия Кассандры (впервые — «Русский вестник» 1874. №5. С. 84).

«Персы» на русском языке впервые вышли полностью в 1856 году в журнале «Москвитянин» в прозаическом переводе профессора греческой и римской словесности Б. И. Ордынского (Отдельный оттиск: 1857). Перевод этот не только прозаический, но и очень буквальный. В 1864 году «Персы» в переводе Н. П. Котелова вошли в книгу «Драмы Эсхила»; там же была напечатана «Орестея» в его переводе. Все переводы трудно назвать удачными. В 1883 году Котелов снова издал «Орестею», переведя ее заново: во втором переводе заметны

¹ Если не считать долгое время неизвестный перевод В. К. Кюхельбекера из «Агамемнона» (монолог стража, открывающий трагедию). О нем: *Бочкарев В. А.* Ранние драматические произведения Кюхельбекера // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1961. № 1. С. 88–98. *Забудская Я. Л.* Эсхил в переводе В. К. Кюхельбекера // Литература и культура эллинизма. Сборник статей по материалам конференции памяти В. П. Завьяловой (МГУ, 14–15 ноября 2016 года). М., 2017. С. 115–123.

попытки внести разные стилистические оттенки и кое-где введена рифма: так, хоровые партии передаются хорейми и анапестами, иногда с перекрестной рифмой, спорадически рифма появляется и в монологах героев, а Агамемнон свою первую речь вообще произносит александрийским стихом (в предыдущем переводе Котелова рифмы не было), что после перевода Майкова уже кажется шагом назад.

В 1888 году «Персы» вышли в переводе В. Г. Аппельрота. Аппельрот, помимо «Персов», перевел также «Семерых против Фив» (1887) и «Прометея» (1888). Его переводы, несомненно, отличаются большей точностью, чем переводы Котелова, но художественные достоинства их также невелики.

«Прометея Прикованного» в России переводили чаще других трагедий Эсхила: до 1917 года некоторые отрывки из «Прометея» были переведены А. Тарховым (1841), К. К. Павловой (1850), М. Илецким (псевдоним М. Л. Михайлова, 1863), В. Турбиным (1882). Полностью эту трагедию перевели И. А. Коссович (1873), Л. Н. Дурдуфи (1893), Д. С. Мережковский (1891) и — прозой — В. А. Алексеев (1890). С художественной точки зрения, из всех этих переводов выделяется перевод Мережковского.² Прозаические переводы филолога-классика Алексеева (еще он перевел «Орестею»), выходявшие в серии «Дешевая библиотека», скорее, были призваны познакомить русского читателя с содержанием трагедий, но никак не передавали их стилистические особенности.

«Орестею» также переводили несколько раз. Так, помимо уже упомянутых двух переводов Котелова и перевода Алексеева, В. Зенкевич и А. Воротников издали перевод «Хоэфор» (1910), где ритм присутствует только в хоровых партиях, а остальное переведено прозой. Филолог-классик С. И. Радциг перевел «Агамемнона» (1913): ямбические триметры передаются пятистопным ямбом, а

² О переводах Мережковского: *Успенская А. В.* Греческая трагедия в переводах Д. С. Мережковского // *Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи.* М.: Наука, 2010. С. 231–238.

лирические партии — разными размерами с рифмой. Переводчик, тем не менее, не стремился воспроизводить метрику греческого оригинала.

В советское время «Прикованный Прометей» вышел в переводе В. О. Нилендера и С. М. Соловьева (1943), но до изданного в «Литпамятниках» перевода Вяч. Иванова читатель был знаком с Эсхилом преимущественно в переводах С. К. Апта, который перевел все дошедшие трагедии Эсхила. Более ранний по времени полный перевод Эсхила принадлежит А. И. Пиотровскому (1937), который, несомненно, был знаком с переводами Иванова. Об этом говорит тот факт, что при внимательном сравнении двух переводов можно увидеть явные заимствования целых стихов из перевода Иванова (с некоторыми изменениями).³ Эсхил Апта в отличие от Эсхила Пиотровского в стилистическом отношении более гладок.⁴ С точки зрения Пиотровского, «язык Эсхила — в основе своей живой, реалистический язык страстного и бурного времени афинской истории»⁵. Ключевое слово здесь — «реалистический», то есть понятный современникам Эсхила и при этом стилистически эклектичный. Эту многослойность эсхилевского стиля Пиотровский пытался передавать при помощи русской просторечной и сниженной лексики.

Перевод трагедий Эсхила, выполненный Вячеславом Ивановым, — это, во-первых, перевод филолога, прекрасно владевшего классическими языками.⁶ Во-

³ Например, из «Агамемнона» в переводе Пиотровского: ст. 686–688, 928–930, 1064–1066, 1075–1079, 1084–1107, 1115–1123, 1136–1141, 1161–1162.

⁴ Как пишет А. Каждан, Апт «... сознательно или с провидческой бессознательностью художника — освобождал Эсхила (особенно «Персов») от примет времени и тем самым рассчитывал приблизить греческую трагедию к нам». Каждан А. Обретенный и утерянный Эсхил // Мастерство перевода. М., 1977. Сб. 11. С. 343.

⁵ Эсхил. Трагедии / Пер., вступ. ст. и коммент. А. Пиотровского. М.; Л., 1937. С. XXXI.

⁶ С древнегреческого Вяч. Иванов не только переводил, но и писал на этом языке стихи, см.: Ермолаева Е. Л. Греческое послание Вяч. Иванова Г. А. Рачинскому // *Philologia Classica*. 2019. 14 (1). С. 121–130. *Ermolaeva E. Three Greek Poems by the Neohumanist Vyacheslav Ivanov (1866–1949) // Meilicha dôra: Poems and Prose in Greek from Renaissance and Early Modern Europe / Eds. V. M. Kajavan, T. Korhonen, & J. Vesterinen. Helsinki, 2020. (Commentationes Humanarum Litterarum, T. 138). P. 333–348.*

вторых, это перевод поэта, теоретика символизма, чуткого к чужому поэтическому слову. Наконец, это перевод исследователя религии Диониса и древнегреческой трагедии, чьи изыскания отразились в таких работах, как «Дионис и прадионисийство», «Эллинская религия страдающего бога», «О существе трагедии», «Ницше и Дионис», «О действии и действе» и др. Именно эта последняя деталь отличает Иванова от других переводчиков Эсхила: у Эсхила он искал подтверждение своих тезисов о трагедии и дионисизме,⁷ поскольку Эсхил — самый ранний греческий трагик, объем дошедших текстов которого позволяет судить о ранней греческой трагедии. Перевод трагедий Эсхила, выполненный Ивановым, в смысловом отношении нередко отдалается от оригинала. Особый интерес представляют те случаи, когда в нем возникают смыслы, отсутствующие в греческом тексте. Иногда их можно объяснить проблемой передачи таких греческих понятий, которые не имеют точных соответствий в русском языке. Иногда — попыткой интерпретации и стремлением «подправить» текст Эсхила, исходя из концепции дионисизма, с которым греческая трагедия, по мнению Иванова, непосредственно связана.

Примечательно в связи с этим высказывание (хотя и позднее) самого Вяч. Иванова о своем переводческом методе, которое в некоторой мере объясняет вольности, допускаемые им в переводе: «Я растворяю кристаллизованный в слове поэтический образ как бы в эфирную среду, его породившую, и, вобрав его в себя, растворенный, ставший бесплотным, сызнова кристаллирую его в сфере другого языка, сообразно законам и внушениям этой сферы, стремясь добыть идейный и музыкальный эквивалент прежнего воплощения, которое в новой реинкарнации перестает быть внешне похожим на свой первоначальный облик».⁸ Из этого метафорического высказывания со всей очевидностью следует то, что ивановский подход прямо противоположен буквалистскому переводу.

⁷ См., например: *Иванов В. И.* Гуманизм и религия. О религиозно-историческом наследии Виладельца / Пер. с нем., комм. и послесловие К. Ю. Лаппо-Данилевского // Символ. 2009. № 53–54. С. 203.

⁸ В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Вступ. ст. и публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. 3. С. 311.

Стоит также отметить, что речь идет как об «идейном», так и о «музыкальном» эквиваленте, подразумевающим и метрическое, и звуковое воплощение в целом.⁹

Работы, посвященные трагедиям Эсхила в переводе Вяч. Иванова, на сегодняшний день нельзя назвать многочисленными. Впервые к этой теме обратился Н. В. Котрелев, который подробно исследовал историю создания перевода и проработал важнейшие архивные материалы.¹⁰ Его статья «Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила» (1989) была опубликована в первом полном издании перевода, вышедшем в серии «Литературные памятники», которое сделало Эсхила в интерпретации Иванова доступным широким читательским кругам. Именно после выхода этой книги перевод Иванова наконец-то становится предметом специальных исследований. Текст ивановского перевода Эсхила в нашей работе цитируется по указанному изданию, включая нумерацию стихов, представленную в нем.¹¹ Ряд замечаний (в том числе текстологического характера) к этому изданию был высказан в

⁹ Схожую мысль Иванов высказывает в предисловии ко второму изданию «Алкея и Сафо», также говоря о создании «музыкального эквивалента подлинника» как цели переводчика (Алкея и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. 2-е изд. М., 1915. С. 232). О взглядах Иванова-переводчика: *Ланно-Данилевский К. Ю.* «Перевод-истолкование» в понимании Вяч. Иванова // Вяч. Иванов в контексте эпохи модернизма / под ред. Д. М. Сегала, Н. М. Сегал-Рудник, О. М. Левитан и др. М., 2021 (в печати).

¹⁰ *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила / Эсхил. Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова; изд. подготовили Н. И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М. Л. Гаспаров, Г. Ч. Гусейнов, Н. В. Котрелев, В. Н. Ярхо; отв. ред. Н. И. Балашов. М., 1989. С. 497–522. *Котрелев Н. В.* Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых: (Переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. научных трудов. М., 1990. С. 127–150.

¹¹ В некоторых случаях приводятся также разночтения по неучтенным издателями рукописям. Греческий текст («Просительницы» и «Персы») цитируется по изданиям Г. Германа (*Aeschyli tragoediae / Rec. G. Hermann. Lipsiae, 1852. Vol. 1*) и А. Вейля (остальные трагедии: *Aeschyli tragoediae / Rec. H. Weil. Lipsiae, 1884*) с указанием при необходимости вариантов и конъектур других издателей. Так как в издании переводов Иванова 1989 года нумерация стихов согласована с более поздним изданием Д. Пэйджа (1972), в случае несовпадения ее с указанными изданиями приводятся как номера стиха в издании Германа или Вейля, так и в переводе Иванова (по изданию 1989 года).

рецензии Я. М. Боровского, которую стоит упомянуть.¹² В статье Н. Н. Казанского¹³ рассматривается эволюция перевода «Агамемнона» и особенности рукописей. Анализируя отдельные пассажи, исследователь делает в своей статье попытку «последовательно провести мысль о том, что текст Иванова именно на языковом уровне объединял в себе церковнославянский, фольклорный и лежащий в основе текста русского перевода древнегреческий текст».¹⁴ С. С. Аверинцев также обращался к проблеме синтеза элементов греческого и церковнославянского (точнее — христианского) в переводе Иванова, хотя и не посвятил ему отдельной работы.¹⁵ Я. Л. Забудская опубликовала ряд статей, в которых дается как общая характеристика Эсхила в переводе Иванова,¹⁶ так и разбираются его конкретные особенности: стиль,¹⁷ метрика¹⁸ и звукопись.¹⁹ Так, в статье «Дионисийство и трагедия: Эсхил в переводах Вячеслава Иванова» в качестве основных особенностей стиля

¹² *Боровский Я. М.* Эсхил в переводе Вячеслава Иванова. Рец. на кн.: Эсхил. Трагедии / В переводе Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989 // Боровский Я. М. Opera philologica / Изд. подгот. А. К. Гаврилов, В. В. Зельченко, Т. В. Шабурина. СПб., 2009. С. 51–56.

¹³ *Казанский Н. Н.* Вяч. Иванов как переводчик Эсхила // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы междунар. науч. конф. 9–11 сент. 2002 г. Томск; М., 2003. С. 15–24.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ *Аверинцев С. С.* Единство общечеловеческого культурного предания как тема поэзии и мысли Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – Мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М., 2003. С. 5–14.

¹⁶ *Забудская Я. Л.* Дионисийство и трагедия: Эсхил в переводах Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 141–147. *Забудская Я. Л.* Эсхил в переводах Вяч. Иванова // Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе. М., 2014. С. 631–640.

¹⁷ *Забудская Я. Л.* Проблемы стилистики художественного перевода античных текстов // Colloquia classica et indo-germanica IV. (Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН). СПб., 2008. Т. 4. С. 453–470.

¹⁸ *Забудская Я. Л.* Эквиметризм как принцип в художественном переводе греческой трагедии // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2010. С. 65–74.

¹⁹ *Забудская Я. Л.* О возможностях передачи звукописи в художественном переводе (на материале переводов эсхилового Агамемнона Вяч. Ивановым и С. И. Радцигом) // Индоевропейское языкознание и классическая филология (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы конференции, проходившей 20–22 июня 2005 г. СПб., 2005. Т. 9. С. 82–85.

переводчика называются композиты, архаизация и реалии древнерусской культуры. Кроме того, автор статьи рассматривает ряд мест, где Иванов вводит в текст отсутствующие в оригинале символы и понятия, а также демонстрирует, как стремление передать метрику лирических партий хора порой ведет к неточной передаче смысла или его искажению.

Исследователи творчества Вяч. Иванова обращаются также и к его переводам греческой лирики, что весьма существенно в контексте данной работы. В статье Т. Ф. Теперик анализируется перевод гимна Алкея к Аполлону, который вернее назвать реконструкцией, а не собственно переводом, ибо Иванов опирается на пересказ ритора Гимерия.²⁰ На примере перевода Первой Пифийской оды Пиндара и сколия Алкея в статье С. А. Завьялова²¹ демонстрируются особенности подхода Иванова, оценивается точность перевода по методу М. Л. Гаспарова, а также анализируется поэтика и метрика. Автор показывает, что эти переводы весьма вольные (вольность перевода Пиндара по его подсчетам 65%, Алкея — 56%), и Пиндар в трактовке Иванова приобретает несвойственные ему черты: аллитерационность, а вместо эффекта новизны — архаизацию и фольклорную формульность. Другая работа Завьялова посвящена более специфическому вопросу, а именно методам работы Иванова с источниками и его способам обращения с теми греческими текстами, от которых дошли лишь фрагменты разной степени сохранности.²² История создания и публикации перевода Первой Пифийской оды подробно изложена в совместной статье Завьялова и К. Ю. Лаппо-Данилевского.²³ Последнему также принадлежит

²⁰ *Теперик Т. Ф.* Вячеслав Иванов: поэтика перевода (на материале «Гимна к Аполлону» Алкея) // Вячеслав Иванов: творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 148–155.

²¹ *Завьялов С. А.* Вячеслав Иванов — переводчик греческой лирики // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. С. 163–184.

²² *Завьялов С. А.* Вячеслав Иванов в работе над греческими папирусами // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 354–370.

²³ *Завьялов С. А., Лаппо-Данилевский К. Ю.* К истории текста Первой Пифийской оды в переводе Вячеслава Иванова // *Musenalmnach*. В честь 80-летия Ростислава Юрьевича Данилевского. СПб., 2013. С. 86–105.

ряд статей о переводах античной лирики, выполненных Ивановым: Лаппо-Данилевский опубликовал ранее неизвестные переводы Иванова из греческой лирики, снабдив их исследованием биографических обстоятельств взаимоотношения Вяч. Иванова с В. О. Нилендером в связи с планировавшимся участием Иванова в хрестоматии последнего.²⁴ В других статьях исследователь опубликовал переводы цитат из римских авторов, сделанные Ивановым для несостоявшегося издания трактата Данте «Монархия»,²⁵ ранний перевод Иванова из Овидия (1885) и переводы стихов из «Энеиды» Вергилия, из Ювенала и Горация.²⁶ Трудami К. Ю. Лаппо-Данилевского и С. А. Завьялова недавно было подготовлено третье издание переводов Иванова из Алкея и Сапфо, снабженное предисловием (С. V–LXIV) и комментарием.²⁷ Отклики современников Иванова на этот перевод анализируются Лаппо-Данилевским в более ранней статье;²⁸ они также активно используются во вступительной статье и комментариях вышеназванного издания.

Переводы Вяч. Иванова можно считать новаторскими с точки зрения традиции передачи метрики: он одним из первых систематически пытался воспроизводить метрику античных лирических размеров с помощью

²⁴ *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Неизвестные переводы Вяч. Иванова, предназначенные для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера» // *Русская литература.* 2014. № 1. С. 178–205. См. также: Ранее неизвестные переводы Вячеслава Иванова из древних поэтов / Вступ. статья и подготовка текстов К. Ю. Лаппо-Данилевского, комментарии С. А. Завьялова // *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: альманах.* СПб., 2014. Вып. V. С. 331–365.

²⁵ *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Римские поэты в трактате Данте «Монархия»: неизвестные переводы Вячеслава Иванова // *Русская литература.* 2013. № 2. С. 173–179.

²⁶ *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Из наблюдений над рукописями переводов Вяч. Иванова // *Petra Philologica: профессору П. В. Бухаркину ко дню шестидесятилетия.* СПб., 2015. С. 358–370.

²⁷ *Алкей и Сапфо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. Третье, переработанное издание / науч. редакция, сост., вступ. статья и текстология К. Ю. Лаппо-Данилевского; комментарии С. А. Завьялова.* СПб., 2019.

²⁸ *Лаппо-Данилевский К. Ю.* «Алкей и Сафо» Вяч. Иванова в рецепции современников (Кузмин, Ходасевич и др.) // *Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда / под ред. П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова.* СПб., 2015. С. 119–131.

возможностей русского стихосложения — потому неудивительно, что его эквиметрические опыты особенно привлекают внимание исследователей. Так, помимо уже указанных работ, где метрика так или иначе затрагивается, стоит отметить статью Ю. Б. Орлицкого «О роли переводов Пиндара в развитии русского стиха», который предлагает стиховедческий анализ логаядов Иванова.²⁹ Г. В. Обатнин, разбирая ивановский перевод оды Горация (Ш. 12), особое место уделяет метрике, а именно передаче восходящих иоников.³⁰ Интересна также попытка автора статьи включить этот перевод в биографический контекст. Кроме того, там же приводятся некоторые наблюдения в связи с переводом Иванова «Духовных стихов» Новалиса.

О переводах из Новалиса писали также Е. Г. Эткинд,³¹ Н. А. Богомолов³² и М. Вахтель.³³ Эти работы для нас важны в том отношении, что некоторые наблюдения и замечания, высказанные исследователями, релевантны и для нашего материала. Например, тот факт, что неточность и вольность перевода иногда можно истолковать особым отношением Вяч. Иванова к переводимому им автору, на что указывает Е. Г. Эткинд: «Перевод обоих поэтических циклов Новалиса свидетельствует о пристрастном отношении русского поэта к своему предшественнику. Он хочет видеть его цельным и единым, устранить его

²⁹ Орлицкий Ю. Б. О роли переводов Пиндара в развитии русского стиха (силлаботонический логаяд Иванова и «пиндарический отрывок» Мандельштама «Нашедший подкову») // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб., 2016. Вып. 2. С. 229–247.

³⁰ Обатнин Г. В. Из наблюдений над темой «Вяч. Иванов и перевод» // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4. С. 467–493.

³¹ Эткинд Е. Г. Поэзия Новалиса: «Мифологический перевод» Вячеслава Иванова // Культура и память. Третий международный симпозиум, посвященный Вячеславу Иванову. Доклады на русском языке. Firenze, 1988. Vol. II. С. 171–186.

³² Богомолов Н. А. Из предыстории «Лиры Новалиса» Вяч. Иванова // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 203–210.

³³ Wachtel M. 1) From German Romanticism to Russian Symbolism. Vjačeslav Ivanov's Reception of Novalis // Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph. Heidelberg, 1993. P. 349–364. 2) Russian Symbolism and Literary Tradition. Goethe, Novalis and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison, 1994. Вахтель М. 1) К проблеме перевода размером подлинника у Вячеслава Иванова // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1996. Vol. 41. С. 45–54. 2) Дополнения к «Лире Новалиса» Вяч. Иванова // Русская литература. 2011. № 4. С. 61–64.

противоречивую расщепленность, в переводе на свой язык усовершенствовать, даже идеализировать его».³⁴ М. Вахтель отмечает, что в переводах из Новалиса можно найти образы и символы, которые у самого Новалиса отсутствуют, но которые значимы для Иванова: среди них образ пламенеющего сердца³⁵ и мотив улыбки.³⁶ Схожие наблюдения относятся и к переводам Иванова из Данте.³⁷

Актуальность настоящей работы обусловлена недостаточной изученностью переводов Вяч. Иванова из Эсхила на фоне общего роста внимания ученых к теме «Иванов-переводчик». Научная **новизна** заключается в том, что предлагается комплексный подход к рассматриваемому переводу, впервые подробно описываются рукописи, в том числе не учтенные в издании Эсхила 1989 года, а также при анализе привлекаются работы Иванова о дионисизме и греческой трагедии, которые, как уже отмечалось исследователями, могут служить «логическим комментарием к его переводам Эсхила».³⁸ Исследователи творчества Иванова нечасто обращаются к этому переводу, хотя он крайне важен при изучении поэтического и драматического наследия Иванова, — среди возможных причин этой недостаточной востребованности назовем представление многих исследователей о том, что перевод нужно рассматривать отдельно от оригинальных произведений и наоборот. Возможно, такой подход справедлив по отношению к тем

³⁴ *Эткинд Е. Г.* Поэзия Новалиса: «Мифологический перевод» Вячеслава Иванова. С. 185.

³⁵ «Most remarkable is Ivanov's readiness to transfer this extremely personal symbol from his own poetry to his Novalis translations. The image of a burning heart is suggested five times in the Novalis translations, although it is absent from the originals». «The added "burning heart" demonstrates how Ivanov's translations from Novalis are mediated by personal concerns and poetic convictions» (*Wachtel M.* From German Romanticism to Russian Symbolism. P. 363).

³⁶ «Самое значительное добавление Иванова — мотив улыбки. Димитрий Иванов возводит его к четвертой эклоге Вергилия, хорошо известной русскому читателю в переводе Владимира Соловьева. Наблюдение тонкое и безусловно верное. Однако этот мотив встречается и у самого Вячеслава Иванова, сопутствуя моменту прозрения, прикосновения к божественному» (*Вахтель М.* К проблеме перевода размером подлинника у Вячеслава Иванова. С. 52).

³⁷ *Davidson P.* The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge, 1989. P. 239.

³⁸ *Забудская Я. Л.* Дионисийство и трагедия. С. 141.

переводчикам, которые стремятся устраниться из текста переводимого ими автора. В случае же Иванова стоит говорить об обратном:³⁹ к древнегреческой трагедии он подходил не с позиции переводчика-ремесленника, а с позиции переводчика-творца, поэтому особенности переводов Иванова прямо связаны с его изысканиями на тему дионисизма и возникновения трагедии.

Научная литература, посвященная комплексу идей Вяч. Иванова, касающихся дионисийства, весьма обширна. Прежде всего, следует назвать монографию и статьи Ф. Вестбрука.⁴⁰ Дионисийская концепция Иванова рассматривается исследователями в контексте научных представлений и философских тенденций начала XX в.⁴¹ и современного состояния вопроса;⁴² ряд

³⁹ См.: «Однако иногда остается неясным, из чего исходил Иванов, строя порой весьма далекий от оригинала текст, который хотя бы в силу этого должен быть рассмотрен не только как собственно переводной, но и как оригинальный, со всеми вытекающими отсюда особенностями подхода: стилистическим, стиховедческим и интертекстуальным анализом». (*Обатнин Г. В.* Из наблюдений над темой «Вяч. Иванов и перевод». С. 470–471).

⁴⁰ *Вестбрук Ф.* 1) Дионис и дионисийская трагедия. Вячеслав Иванов: филологические и философские идеи о дионисийстве. München, 2009. 2) Вячеслав Иванов о возникновении греческой трагедии и филологические дискуссии начала XX века // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 345–353.

⁴¹ *Брагинская Н. В.* Трагедия и ритуал у Вячеслава Иванова // Архаический ритуал в фольклоре и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 294–329. *Буева Л. П.* Дионисийство как культурно-антропологическая проблема (вариации на тему Вяч. Иванова) // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 442–461. *Сычева С. Г.* Тема Диониса в творчестве Вячеслава Иванова // Ф. Ницше и русская философия. Екатеринбург, 2000. С. 158–169. *Carpi G.* Дионисийская религия и матриархат. Вячеслав Иванов и Й. Й. Бахофен // Вячеслав Иванов и его время. Frankfurt am Main etc., 2002. С. 261–272. *Ваганова Н. А.* Дионисийство как прахристианство в книге Вяч. Иванова «Дионис и прадионисийство» // Вестник СПТГУ. I: Богословие. Философия. 2010. Вып. 4 (32). С. 63–74. *Титаренко С. Д.* «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб., 2012. С. 134–147.

⁴² *Андреев Ю. В.* Русский человек между Христом и Дионисом: Вячеслав Иванов как исследователь и истолкователь греческой религии // Древний мир и мы: Альманах. СПб., 2000. Вып. 2. С. 282–293.

работ посвящен ее отражению в поэтическом творчестве Иванова,⁴³ в литературно-философских статьях,⁴⁴ в биографии.⁴⁵

Цель настоящего исследования — всесторонний анализ перевода Вяч. Иванова из Эсхила с привлечением его идей о древнегреческой трагедии и религии Диониса.

Задачи, решению которых посвящены отдельные разделы нашего исследования, можно объединить в три группы. Первый круг задач связан с изучением истории создания перевода и выявлением наиболее авторитетных источников текста перевода. Решению этих задач посвящен первый раздел настоящей работы. Здесь мы рассмотрим, помимо истории перевода и источников текста, также вопрос о том, к каким изданиям обращался Вяч. Иванов в процессе своей работы. Второй круг задач включает анализ переводческих стратегий Иванова на примере перевода отдельных древнегреческих понятий и реалий. Так, во втором разделе рассматривается символика двойного топора (лабриса) в переводе «Орестей» в контексте идей Иванова о происхождении трагедии, анализируется понятие «грех», лексико-семантическая группа «судьба» и христианские коннотации, возникающие в переводе. Эта последняя глава раздела находится на стыке лексико-понятийного и стилистического анализа. Стилистическим аспектам перевода посвящен третий раздел: среди наших задач — показать обращение Иванова с характерными особенностями стиля греческой трагедии, а именно передачу двусоставных слов и разного рода лексических и звуковых повторов (включая

⁴³ *Сегал-Рудник Н. М.* Дионисийство как прием: к вопросу о метафизическом хронотопе поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб., 2016. Вып. 2. С. 27–70. *Силард Л.* «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 210–249. *Тюриня И. И.* Дионисийский миф и его воплощение в лирике Вяч. Иванова («Кормчие звезды», «Прозрачность», «Cor ardens»). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1997.

⁴⁴ *Александрова А.* Дионисийский комплекс идей раннего Вячеслава Иванова // *Studia Slavica*. Budapest, 2001. Т. 46, fasc. 3/4. С. 361–394.

⁴⁵ *Гусейнов Г. Ч.* Проекция «дионисийства» в биографии Вячеслава Иванова // *Символ*. 2015. № 65. С. 430–470.

некоторые риторические фигуры, аллитерацию и гомеотелевты). В последнем, четвертом разделе работы рассматриваются метрические особенности перевода. Задача — сравнить перевод Иванова с другими переводами Эсхила на русский язык с точки зрения метрических решений.

Объектом диссертационной работы являются тексты трагедий Эсхила в переводе Вячеслава Иванова, **предметом** — особенности этого перевода, характеризующие переводческие стратегии Иванова и специфику его подхода к трагедиям Эсхила, которые были для него важны в том числе и как источник его изысканий о дионисизме и истоках греческой трагедии.

Художественному переводу как научной проблеме посвящено немало исследований, в которых рассматриваются как общие аспекты перевода и теоретические принципы, так и история перевода в России: среди них можно выделить работы К. И. Чуковского, Ю. Д. Левина, М. Л. Гаспарова, Е. Г. Эткинда, А. В. Федорова, А. Д. Швейцера, П. М. Топера, А. Н. Гиривенко и др.,⁴⁶ сборники статей «Мастерство перевода» и «Тетради переводчика». С методологической и теоретической точки зрения особенно важны для нас работы, посвященные переводам греческих трагиков на русский язык, и переводам, выполненным современниками Вяч. Иванова: кроме уже названных ранее, это статьи М. Л. Гаспарова об Анненском и Брюсове, В. Н. Ярхо о Зелинском, А. В. Успенской о

⁴⁶ *Чуковский К. И.* Высокое искусство // Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. М., 2001. Т. 3. С. 3–318. *Левин Ю. Д.* 1) Об исторической эволюции принципов перевода // Международные связи русской литературы. М.-Л., 1963. С. 41–78. 2) Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. М., 1985. *Гаспаров М. Л.* 1) Стилистическая перспектива в переводах художественной литературы // Взаимообогащение национальных советских литератур и художественный перевод: Сборник научных статей. Фрунзе, 1987. 2) Размышления о переводах // Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2000. С. 319–326. 3) Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики. СПб., 2001. С. 361–372. С. 3–14. *Эткинд Е. Г.* 1) Поэтический перевод в истории русской литературы // Мастера русского стихотворного перевода. Книга первая. Л., 1968. С. 5–72. 2) Поэзия и перевод. М.-Л., 1963. 3) Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. *Федоров А. В.* Введение в теорию перевода. М., 1953. *Швейцер А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988. *Топер П. М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2001. *Гиривенко А. Н.* Русский поэтический перевод в культурном контексте эпохи романтизма. М., 2000.

Мережковском.⁴⁷ Наконец, следует назвать монографию А. Н. Егунова о русских переводах Гомера.⁴⁸

Очерченный круг задач требует различных **методов** для их решения. Для решения задач, связанных с историей текста, применим метод текстологического анализа рукописей, историко-литературный метод, а также сопоставительный анализ изданий текста. Для решения задач второй и третьей группы актуальны общепринятые и традиционные методы филологического анализа и критики текста, включая сравнительно-сопоставительный анализ, а при рассмотрении лексико-семантических групп будет применен также количественно-статистический и лексико-стилистический анализ.

На защиту выносятся следующие **положения**:

— Наиболее авторитетными рукописями перевода Вячеслава Иванова из Эсхила являются: для «Персов» — беловой автограф из Римского архива Иванова (РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 1. Л. 1–48), для неоконченных «Просительниц» и «Семерых против Фив» — единственные черновые автографы из РАИ (соответственно: РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 12. Л. 1–8; РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 3. Л. 1–17). Последние по хронологии машинописи «Орестей», на которые стоит ориентироваться при издании переводов Иванова, хранятся в личном фонде В. О. Нилендера («Агамемнон» — РГБ. Ф. 583. Карт. 14. № 18. Л. 1–59; «Плакальщицы» — РГБ. Ф. 583. Карт. 14. № 18. Л. 60–106; «Эвмениды» — РГБ. Ф. 583. Карт. 14. № 18. Л. 107–152).

— Изыскания Вячеслава Иванова в области греческой религии сказываются и на его переводе трагедий Эсхила, которые служили одним из источников для этих изысканий: так, двойной топор (лабрис), послуживший,

⁴⁷ *Гаспаров М. Л.* 1) Анненский — переводчик Эсхила // Гаспаров М. Л. Избранные труды. М., 1997. Т. 2. О стихах. С. 141–147. 2) Брюсов и буквализм // Мастерство перевода. М., 1971. С. 90–128. *Ярхо В. Н.* Зелинский — переводчик Софокла // Софокл. Драмы / В пер. Ф. Ф. Зелинского. М., 1990. С. 509–541. *Успенская А. В.* 1) Греческая трагедия в переводах Д. С. Мережковского // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2010. С. 231–238. 2) Античность в русской поэзии второй половины XIX века. СПб., 2005. С. 292–352.

⁴⁸ *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. 2-е изд. М., 2001.

согласно одной из версий мифа, орудием убийства Агамемнона, несколько раз встречается в его переводе, хотя у Эсхила он нигде прямо не называется; такой акцент важен для Иванова в связи с его стремлением видеть в Клитемнестре фигуру жрицы матриархального прадионисийского культа, убивающей жертвенного быка, которого олицетворяет Агамемнон.

— Вячеслав Иванов обращается к существительному «грех» и однокоренным словам при переводе разных греческих слов (тринадцать лексических единиц) и выражений, что объясняется не только трудностью адекватной передачи некоторых греческих понятий на русский язык, но также тезисом Иванова «действие — грех» и акцентом на исконности идеи первородного греха для дионисийской религии.

— Среди слов, входящих в лексико-семантическую группу «судьба», в переводе Вячеслава Иванова чаще всего фигурируют собственно существительное «судьба» и «рок», причем они могут передавать самые разные греческие понятия; сам Иванов отмечал, что трагедии Эсхила нельзя считать «трагедиями рока», ибо его герои действуют, руководствуясь собственной свободной волей.

— Некоторые слова и выражения в переводе трагедий Эсхила обладают библейскими и христианскими коннотациями, и в ряде случаев введение такой лексики в текст перевода можно объяснить тезисами Вячеслава Иванова о греческой трагедии и религии, о тесной связи между дионисийством и христианством, нашедшими выражение в его работах «Дионис и прадионисийство» и «Эллинская религия страдающего бога».

— Трагедии Эсхила в переводе Вячеслава Иванова насыщены двусоставными существительными и прилагательными; сравнительный анализ показывает, во-первых, что их в несколько раз больше, чем у других переводчиков Эсхила, во-вторых, что в большинстве случаев (около сотни лексических единиц) Иванов скрупулезно подбирал русские соответствия для греческих композитов, наконец, что зачастую русскому двусоставному слову в греческом тексте соответствует односложное слово, несколько слов или же

композит является вольным добавлением переводчика (около восьмидесяти лексических единиц).

— В своем переводе Вячеслав Иванов особенно чуток к стилю Эсхила: он не только передает разного рода риторические фигуры, основанные на звуковом или лексическом повторе, но сохраняет аллитерации, в отличие от других переводчиков Эсхила, и дополнительно насыщает ими текст; кроме этого, он мастерски прибегает к спорадической рифме, имитирующей греческие гомеотелевты.

— Вяч. Иванов первым из русских переводчиков греческой трагедии попытался создать «эквиметрический» перевод: античный ямбический триметр он передает шестистопным ямбом с константой на пятой стопе, а в переводе хоровых частей прибегает к логаядам, имитирующих греческие метры в их базовой форме. Переводческие принципы Иванова в XX веке во многом отразились на других русских переводах Эсхила, а именно А. Пиотровского и С. Апта.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее основные результаты могут быть использованы при подготовке нового издания трагедий Эсхила в переводе Вячеслава Иванова, а также в возможности применять полученные выводы при разработке курсов по истории и практике художественного перевода, истории перевода античных авторов на русский язык, рецепции античности в России, творчеству Вячеслава Иванова.

Апробация работы. Основные результаты исследования были изложены в докладах, прочитанных на научных конференциях: XVII Международная конференция студентов-филологов (Санкт-Петербург, 2014), «Вяч. Иванов и дионисийство: *Disputatio metaphysica et culturalis*» (Санкт-Петербург, 2015), «Символ и миф у Вячеслава Иванова и Андрея Белого» (Смоленск, 2018), «*Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism*» (Иерусалим, 2019). Выводы отражены в следующих статьях: Трагедии Эсхила в переводе Вяч. Иванова: эдиционные проблемы // Русская литература. 2015. № 2. С. 215–230; Лабрис, или двойной топор, в переводах Вячеслава Иванова из Эсхила // *Philologia Classica*.

2017. № 12-2. С. 218–230; Греческие composita в переводах Вячеслава Иванова из Эсхила // *Philologia Classica*. 2018. № 13-2. С. 276-287; Мифологема страдающего бога в «Орестее» Эсхила в переводе Вячеслава Иванова // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 4. С. 220–231.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех разделов, заключения, списка сокращений, библиографии и приложения.

Раздел I. ИСТОРИЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ

Глава 1. История работы Вяч. Иванова над переводом Эсхила

История работы Вяч. Иванова над переводами Эсхила подробно рассмотрена Н. В. Котрелевым,⁴⁹ позволим себе вкратце повторить основные сведения из его статьи, дополнив их некоторыми подробностями. Первое упоминание о намерении Иванова перевести трагедии Эсхила встречается в письме к нему В. Э. Мейерхольда от 25 июля 1908 года, который обсуждал идею перевода греческих трагедий, собираясь расширить репертуар Александрийского театра, где он в тот момент служил. Позже, летом 1911 года М. В. Сабашников, задумавший серию книг «Памятники мировой литературы», получил согласие Иванова перевести всего Эсхила для серии. Когда именно поэт начал работу над переводом — неизвестно, но в конце января – начале февраля 1913 года он сообщал издателю, что занят переводом «Агамемнона» и «меньше, чем через два месяца» его завершит.⁵⁰ В письме от 26 июня 1913 года Сабашников благодарил Иванова за присланную им рукопись перевода этой трагедии. Летом того же года поэт принялся за «Плакальщиц» («Хоэфор»), то есть за вторую трагедию трилогии «Орестея», но вскоре работа прекратилась.

Вернулся Вяч. Иванов к Эсхилу, если сообщение О. А. Шор верно,⁵¹ только в 1916 году. Н. В. Котрелев предполагает, что «Иванов летом, либо ранней осенью 1917 года передал Сабашникову полную “Орестею” (и, может быть, фрагменты перевода других трагедий...)».⁵² В октябре 1917 года

⁴⁹ Котрелев Н. В. 1) Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // Эсхил. Трагедии. М., 1989. С. 497–522. 2) Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (Переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. научных трудов. М., 1990. С. 127–150.

⁵⁰ Не исключено также, что какие-то фрагменты из Эсхила Иванов мог переводить для курсов Н. П. Раева, где он преподавал осенью 1910 – весной 1913 года (*Ланно-Данилевский К. Ю.* О преподавании Вячеслава Иванова на курсах Н. П. Раева // Русская литература. 2011. № 4. С. 66–79).

⁵¹ Deschartes O. Vyacheslav Ivanov // Oxford Slavonic Papers. 1954. Vol. 5. P. 46.

⁵² Котрелев, 1989. С. 510.

издательство Сабашниковых пострадало от пожара, но рукописи Иванова удалось спасти.

Ф. Ф. Зелинский, собиравший материал для своей хрестоматии по греческой литературе, которая должна была служить также и учебным пособием на Высших (Бестужевских) женских курсах, где он тогда преподавал, обратился к Вяч. Иванову в письме от 17 октября 1918 года с просьбой предоставить три фрагмента из Эсхила: «Во всяком случае, мне очень хотелось бы украсить мою хрестоматию Вашим и только Вашим Эсхилом — ξύνες ὁ τοι λέγω.⁵³ Прибавлю, что дело это спешное, ибо Эсхил — поэт из первых по хронологии. А потому очень прошу Вас незамедлительно отдать переписать указанные отрывки, поскольку они у Вас готовы, и столь же незамедлительно прислать мне копии».⁵⁴ В 1920 году фрагменты из «Агамемнона», «Эвменид» и «Персов» были опубликованы в хрестоматии.⁵⁵

Известно, что Вяч. Иванов неоднократно публично читал некоторые трагедии в своем переводе: 4 февраля 1916 года он читал свой перевод «Агамемнона» «размерами подлинника» в Обществе свободной эстетики;⁵⁶ в январе-феврале 1919 года в рамках цикла лекций об античном театре в клубе-мастерской искусств «Красный петух»,⁵⁷ а 16 мая 1920 года им были прочитаны три сцены из «Агамемнона» на заседании Общества Любителей Российской Словесности.⁵⁸ В Сочи 30 декабря 1916 года он читал в литературном кружке перевод «Агамемнона», а 2 января 1917 года — «Хоэфор» и «Эвменид».⁵⁹

⁵³ «Слушай, что я тебе говорю» (ср.: Пиндар, фр. 71; Аристофан, «Птицы», ст. 945).

⁵⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 20. № 55. Л. 28.

⁵⁵ *Зелинский Ф. Ф.* Древнегреческая литература эпохи независимости. Пг., 1920. Ч. 2: Образцы. С. 127–142.

⁵⁶ *Соболев А. Л.* Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике. Часть вторая: 1912–1917 // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 148. (За указание на эту публикацию выражаю благодарность А. В. Лаврову).

⁵⁷ *Глухова Е. В.* Вячеслав Иванов в проектах Наркомпроса: Клуб «Красный петух» 1918–1919 // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. М., 2018. Вып. 3. С. 368, 371.

⁵⁸ *Котрелев, 1989.* С. 512.

⁵⁹ *Субботин С. И.* «...Мои встречи с Вами нетленны...»: Вяч. Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П. А. Журова // Новое литературное обозрение. 1994. №10. С. 210, 215.

В августе 1924 года Вяч. Иванов уехал из России; в 1926 году, уже обосновавшись в Риме, он сделал последнюю попытку издать Эсхила в России — на этот раз в издательстве Государственной Академии художественных наук (ГАХН). Но в 1929 году ГАХН была ликвидирована, и эта идея осталась неосуществленной.

О некоторых деталях, касающихся издательства Сабашниковых и ГАХН, позволяющих установить происхождение и судьбу рукописей, будет сказано далее. А вначале перечислим источники переводов шести трагедий Эсхила, которыми мы располагаем. В целом перечисленные ниже рукописи датируются приблизительно промежутком между 1912–1924 годами; в тех случаях, когда возможны более точные указания, они вводятся в описание.

1) «Просительницы»

*ЧА*⁶⁰ — РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 12. Л. 1–8. Стихи 1–309.

Карандашом.⁶¹ Орфография старая. Нумерация страниц красным и зеленым карандашами (1–18 страницы), титул и список действующих лиц отсутствует. По-видимому, эту трагедию Иванов перевел не полностью, другие рукописи неизвестны.

2) «Персы»

БАП₁ — РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 2. Л. 1–24. Стихи 1–1045.

Карандашом. Правка поверх стертых строк. Нумерация страниц авторская красным карандашом с 1 по 48. Орфография старая. Судя по бумаге, этот автограф создан примерно в то же время, что и черновой автограф «Просительниц».

БАП₂ — РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 1. Л. 1–48. Стихи 1–1045.

⁶⁰ Расшифровку аббревиатур, используемых здесь и далее при характеристике рукописей, см. в Списке сокращений.

⁶¹ Если автограф чернилами, это специально не оговаривается.

Подчеркивания синим и красным карандашом. Нумерация страниц авторская синим карандашом (1–46 страницы), не включающая титульный лист и список действующих лиц. Орфография старая. Стихи 1–743 рукой В. К. Шварсалон, стихи 744–759 (л. 34) напечатаны на машинке, стихи 760–1045 рукой Вяч. Иванова. На всех листах, кроме л. 34, есть штемпель фабрики-изготовителя бумаги (Компания рижских писчебумажных фабрик): «№ 6. Э. Б. и КРПФ. Рига». Предположительная датировка 1916–1917 годы.

3) «Семеро против Фив»

ЧА — РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 3. Л. 1–17. Стихи 1–777.

Карандашом. Нумерация страниц синим карандашом и чернилами (1–31 страницы), не включающая титульный лист. Орфография старая. Иванов перевел только 777 стихов, другие рукописи перевода этой трагедии неизвестны. На л. 13–17 есть штемпель фабрики-изготовителя бумаги (Компания рижских писчебумажных фабрик): «№ 6. Э. Б. и КРПФ. Рига». Предположительная датировка 1916–1917 годы.

4) «Агамемнон»

ЧА — РНБ. Ф. 304 (В. И. Иванов). № 11. Л. 1–84. Стихи 1–1673.

В 7 тетрадях (всего их было 8, но 6-я тетрадь в архиве отсутствует), приобретенных в Италии. Стихи 1–1447 рукой М. М. Замятниной, стихи 1448–1576 рукой Вяч. Иванова. Правка преимущественно в хоровых партиях. Поначалу она выполнена карандашом рукой Иванова, который затем обведен чернилами рукой Замятниной. Орфография старая. Датировка: *terminus post quem* — осень⁶² 1912 года, время поездки в Италию (если предположить, что

⁶² «В конце осени [1912 – Л. Е.] приехала Маруся [М. М. Замятниной – Л. Е.]. Мы переехали в Рим и поселились на Piazza del Popolo...» (Иванова Л. В. Воспоминания. Книга об отце. Paris, 1990. С. 50). См. также в стихотворении «Милый, довольно двух слов от тебя...», посвященном Ю. Верховскому, с датой 22. II / 2. III 1913 (беловой автограф рукой Замятниной: РАИ. Оп. 1. Кар. 5. Папка. 1. Лл. 2–3): «Так мной владеет Эсхила стоустого вызванный демон; / Голосом вторить живым нудит он пленный язык / Смолкнувшим древним

тетради были приобретены им в Италии). *Terminus ante quem* — июнь 1913 года, которым датирована следующая рукопись.

БАП₁ — РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 9. Л. 1–101. Стихи 1–1673.

Правка незначительная. Имеется нумерация страниц синим карандашом с 3 листа (архивного), где начинается текст трагедии. Листы с обложкой тетради, титулом и действующими лицами (архивные лл. 1, 2 и 2 об.) не пронумерованы; таким образом, нумерация синим карандашом с 1 по 99. Орфография старая. На обложке тетради указано: «Рим, 1 июня (14.VI) 1913, piazza del Popolo, 18». Эту рукопись Сабашников получил от Иванова не позднее 26 июня 1913 года.⁶³

БАП₂ — РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 5. Л. 1–22. В общей сложности 521 стих.

На некоторых листах есть штемпель фабрики-изготовителя бумаги (Компания рижских писчебумажных фабрик): «№ 6. Э. Б. и КРПФ. Рига». Орфография старая. Содержит следующие стихи «Агамемнона»: 1–39, 258–354, 489–680, 819–965 (отдельные стихи), 1035–1079, 1178–1213, 1577–1673. Имеются авторские подчеркивания красным и синим карандашами. Синим карандашом — указания, какие стихи остаются без изменения, и нумерация страниц, не включающая титульный лист (1–21 страницы).⁶⁴ Таким образом, эта рукопись содержит исправления, которые Иванов вносит в редакцию 1913 года и которые затем будут учтены в следующей машинописи (*АМ₁*).

Датировать рукопись можно только на основании косвенных данных. Во-первых, она на той же бумаге, что и беловые автографы «Плакальщиц» и «Эвменид». И так же, как и они, содержит подчеркивания красным и синим карандашом, которыми обозначены указания для издателя. Во-вторых, в этой

глаголом, — и в ужасе сладостном сердце / С сердцем пророческим в лад, тесное, биться должно...». В письме к М. О. Гершензону от 20 декабря 1912 года Иванов пишет: «"Агамемнон" же переводится; готова, по крайней мере, одна треть» (Вяч. Иванов: *pro et contra*, антология. СПб., 2016. Т. 2. С. 623).

⁶³ *Котрелев, 1989. С. 507.*

⁶⁴ Отметим, что правка синим карандашом, как правило, вносилась Вяч. Ивановым на финальном этапе работы.

рукописи лицо, возглавляющее хор, указано как «Хоровожатый», тогда как в беловых автографах «Плакальщиц» и «Эвменид» — «Предводитель хора», который позже исправлен на «Хоровожатого». Приблизительная датировка: зима 1916–1917 годов.⁶⁵

К этому же времени, по-видимому, относятся несколько разрозненных листов (РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 15), содержащих фрагменты из «Агамемнона», по которым можно проследить работу автора над вторым вариантом перевода.

AM₁ — РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 10. Л. 1–29. Стихи 1–1673.

Правка рукой Вяч. Иванова карандашом и чернилами. Нумерация страниц карандашом (1–58 страницы), титул и лист с действующими лицами пронумерованы. Карандашом от руки проставлены знаки экспрессии. Нумерация стихов, которая есть в предыдущих рукописях (отмечен каждый пятый стих), отсутствует. Орфография новая, но встречается фита.

Характер опечаток позволяет предположить, что машинопись была набрана непосредственно с рукописного автографа. При более детальном рассмотрении оказывается, что она следует за *БАП₂*. Стихи же, оставленные без изменения, даны по беловому автографу 1913 года.⁶⁶ Это видно по следующей особенности: в рукописи 1913 года — «Предводитель хора», в *БАП₂*, как указано выше, «Хоровожатый». В рассматриваемой машинописи там, где текст соответствует варианту 1913 года, — «Предводитель хора», а где он включает изменения, внесенные в 1916–1917 годах, — «Хоровожатый». Иванов при просмотре машинописи, вероятно, это различие не заметил и оставил неисправленным. Авторская правка заключается в основном в исправлении опечаток, но есть и ряд изменений текста перевода.

AM₂ — РГАЛИ (Е. Ф. Никитина). Ф. 341. Оп. 1. № 464. Л. 1–16. Стихи 1–1673.

⁶⁵ *Котрелев, 1989. С. 509–510.*

⁶⁶ См. сравнительную таблицу этой машинописи и беловой рукописи 1913 года: *Казанский, 2003. С. 16.*

На некоторых листах имеется штампель фабрики Говарда с серпом и молотом и номером бумаги (№ 7). Подпись: «Вячеслав Иванов. Проф<фессор> Гос<ударственного> Университета АССР, Москва 27 августа 1924 г<ода>». Нумерация страниц машинописная (1–27 страницы), титульный лист не пронумерован. Рукописной правки нет. Знаки экспрессии отсутствуют. Нумерация стихов отсутствует. Орфография новая.

Машинопись плохого качества, поскольку содержит множество неисправленных опечаток, а некоторые стихи и вовсе пропущены. Она восходит к предыдущей машинописи из РАИ: некоторые исправления она учитывает, но большинство — нет. Разнобой в указании действующего лица «Хоровожатый» / «Предводитель хора» такой же, как и в AM_1 . Таким образом, возможны два варианта соотношения этой машинописи с предыдущей: или AM_2 была набрана непосредственно по AM_1 в промежутке между несколькими правками AM_1 , или же она набрана по какой-то копии AM_1 .

Обстоятельства, при которых эта рукопись оказалась в архиве Е. Ф. Никитиной, неизвестны. Дата «27 августа 1924 г.» может означать не дату, когда она была набрана, а, скорее, дату ее поступления от Иванова к Никитиной или к предыдущему владельцу рукописи. Отметим, что 27 августа 1924 года — это день, предшествовавший отъезду Иванова из Москвы за границу.

AM_3 — РГБ (В. О. Нилендер). Ф. 583. Карт. 14. № 18. Л. 1–59. Стихи 1–1673.

На некоторых листах имеется штампель фабрики Говарда (№ 6) с серпом и молотом. Нумерация страниц вверху по центру. На первом листе синим карандашом рукой Иванова: «перевел Вяч. Иванов». Орфография новая.

Запятые, точки над буквой «ё» и знаки ударения расставлены от руки. Простым карандашом нумерация каждой пятой строки, но не по всему тексту, знаки краткости слогов, указание отступов, кое-где постраничные примечания, ремарки, правка авторского текста. Часть правки, судя по почерку, сделана Нилендером. Кому принадлежит расставление запятых, ударений и буквы «ё» — Нилендеру, Иванову или кому-то еще — неясно. Против того, что эта правка

принадлежит Иванову, говорят два факта: во-первых, ударений здесь больше, чем в других рукописях «Агамемнона» с несомненной авторской правкой. Во-вторых, точки над буквой «ё», в частности в словах «все» и «всё» Иванов в машинописях, набранных в новой орфографии, никогда не проставлял. Она появляется у него только там, где имеет значение для размера или различения смысла в омографах. Рукой Иванова карандашом вписан вариант для 172 стиха.

Датировка вызывает затруднения. С большой долей уверенности можно утверждать, что эта машинопись следует непосредственно за AM_1 , а может быть, набрана прямо по ней, ибо рукописная авторская правка в AM_3 вошла, а опечатки, не исправленные в AM_1 , перешли в AM_3 .

Каким образом и когда машинопись оказалась у Нилендера, неясно. Н. В. Котрелев полагает, что если Нилендер включил в свою хрестоматию⁶⁷ только тот отрывок из «Агамемнона», который ранее был опубликован Зелинским,⁶⁸ то полная машинопись поступила к нему уже после выхода хрестоматии.⁶⁹ Однако, как будет показано далее, Нилендер печатал «Агамемнона» именно по AM_3 , так что она попала к нему до 1939 года.

AM_4 — РО ИРЛИ РАН. Ф. 607 (В. И. Иванов). № 361. Л. 1–59. Стихи 1–1673.

Машинописная копия под копирку. Знаки экспрессии расставлены чернилами от руки. Вместо буквы «ъ» используется знак «'». Орфография новая. Нумерация стихов отсутствует, авторской правки нет, никаких помет нет. Текст в этой машинописи не отличается от текста в AM_3 . Она была передана в ИРЛИ Б. В. Шапошниковым в 1948 году.⁷⁰ В 1919–1930 годах Шапошников состоял действительным членом президиума Государственной академии

⁶⁷ Греческая литература в избранных переводах / составил В. О. Нилендер. М., 1939. С. 176–180.

⁶⁸ Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. Пг., 1920. Ч. 2: Образцы. С. 131–137.

⁶⁹ Котрелев, 1989. С. 520.

⁷⁰ Там же.

художественных наук,⁷¹ и вероятно, тогда же машинопись оказалась в его распоряжении. Более того, в мае 1927 года он встретился с Ивановым в Павии, и, как справедливо замечает Е. В. Кочнева, «возможно, посещение Шапошниковым Иванова в Павии было связано с предполагаемой публикацией переводов Эсхила, поскольку он, помимо всего прочего, выполнял обязанности технического редактора ГАХН».⁷² Таким образом, он мог получить эту копию напрямую от Иванова.

5) «Плакальщицы» («Хоэфоры»)

ЧА₁ — РНБ. Ф. 304 (В. И. Иванов). № 12. Л. 1–15. В общей сложности 273 стиха.

Частично карандашом. Орфография старая. В тетради итальянского происхождения. Стихи 291–493, 585–652. Логично предположить, что Иванов начал переводить «Хоэфор» сразу после «Агамемнона», так как эта трагедия в трилогии «Орестея» идет второй, и тогда рукопись можно датировать весной–осенью 1913 года. В той же тетради — белой автограф стихотворения «Я для раздолий черноземных...», посвященного Ю. Верховскому, с датой 25 августа 1913 года; недатированный черновой автограф стихотворения «Те глыбы, что нежно засыпали гроб...», позже опубликованного в 1914 году (альманах «Сирин») с посвящением С. Булгакову.

ЧА₂ — РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 7. Л. 1–39. Стихи 1–1076.

Синим карандашом нумерация страниц (1–48 страницы), отсутствуют листы 3–7, 9, 17, 22, 23. На некоторых листах штемпель «Бумага писчая № 513». Правка чернилами и карандашом. Орфография старая. Приблизительная датировка: зима 1916–1917 годов.

БАП — РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 6. Л. 1–54. Стихи 1–1076.

⁷¹ Подробнее: *Кочнева Е. В.* 1) Б. В. Шапошников (1890–1956): материалы к биографии // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 215–265. 2) «Человек Европы»: художник и искусствовед Б. В. Шапошников // Наше наследие. 2016. № 119. С. 101–111.

⁷² *Кочнева Е. В.* «Человек Европы»: художник и искусствовед Б. В. Шапошников. С. 107.

На листах 1–43 и 54 есть фабричный штампель «№ 6. Э. Б. и КРПФ. Рига». Стихи 1–837 рукой В. К. Шварсалон, стихи 838–1076 рукой Вяч. Иванова. Имеются авторские подчеркивания красным и синим карандашами. Синим карандашом нумерация страниц, не включающая титульный лист и лист с указанием действующих лиц (1–51 страницы). «Предводительница хора» везде исправлена карандашом на «Хоровожатую». Правка незначительная. Орфография старая.

Этот автограф следует непосредственно за предыдущим и датируется, по видимому, тем же временем.

АМ — РГБ. Ф. 583 (В. О. Нилендер). Карт. 14. № 18. Л. 60–106. Стихи 1–1076.

На некоторых листах стоит штампель фабрики Говарда (№ 6) с серпом и молотом. Нумерация страниц вверху по центру (1–47 страницы). На первом листе синим карандашом рукой Иванова: «перевел Вяч. Иванов». Орфография новая, но карандашом кое-где проставлена «фита».

Простым карандашом правка и пометы рукой Нилендера, а также рукой неустановленного лица: знаки краткости слогов, кое-где постраничные примечания, ремарки, правка авторского текста. Есть небольшая правка рукой Иванова.

Машинопись набрана по предыдущему автографу. Об этом свидетельствует, в том числе, одна забавная описка *БАП*, которая попала в машинопись и затем была исправлена карандашом: после стиха 478 ремарка «Орест и Эсхил сходят с кургана» (должно быть «Орест и Электра сходят с кургана» — так в черновом автографе).

б) «Эвмениды»

ЧА — РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 11. Л. 1–21, 25, 27, 33–35, 37. Стихи 1–1047.

Нумерация страниц с 1 по 39 страницу. Орфография старая.

На титульном листе — рисунок простым карандашом: голова лошади в обрамлении в виде сердца. В нижнем левом углу простым карандашом с подчеркиванием синим и красным карандашами — стихотворение рукой Л. В. Ивановой, по-видимому, её же авторства:

Потомок в поколеньи новом
Прочтет ретивые слова:
«Сия обложка Курлыковым⁷³
Начертана была».
Глубокомыслен был сей муж
И тайну Эвменид постиг.
Ее средь черноморских стуж
Изобразил в один он миг.
Благоговейте бесталанные
И трепещите даровитые
Сего коня лучи туманные
Не ваши ль души неумытые?

Таким образом, эта рукопись датируется зимой 1916–1917 годов, когда Ивановы были в Сочи.

БАП — РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 8. Л. 1–52. Стихи 1–1047.

Рукой Л. В. Ивановой, но ремарки вписаны рукой Вяч. Иванова. На некоторых листах есть фабричный штампель «№ 6. Э. Б. и КРПФ. Рига». Авторские подчеркивания простым, красным и синим карандашами. Синим карандашом нумерация страниц, не включающая титульный лист и лист с указанием действующих лиц (1–50 страница). «Предводительница хора» исправлена карандашом на «Хоровожатая». Правка незначительная. Орфография старая.

АМ — РГБ. Ф. 583 (В. О. Нилендер). Карт. 14. № 18. Л. 107–152. Стихи 1–1047.

⁷³ Домашнее прозвище Л. В. Ивановой.

На некоторых листах имеется штамп фабрики Говарда № 6 с серпом и молотом. Нумерация страниц сверху по центру (1 – 46 страница). На первом листе синим карандашом рукой Иванова: «перевел Вяч. Иванов». Орфография новая, но карандашом проставлена «фита».

Простым карандашом правка и пометы рукой Нилендера, а также рукой неустановленного лица: постраничные примечания, ремарки, правка авторского текста. Имеется и небольшая авторская правка.

Таким образом, наиболее полные рукописи, включающие последнюю авторскую правку, следующие:

- 1) Для «Персов» таковой является *БАП₂*.
- 2) Для «Просительниц» и «Семерых против Фив» — это единственные автографы из РАИ;
- 3) Последние по хронологии машинописи «Агамемнона» — это *АМ₃* и *АМ₄*. Текст в обеих машинописях идентичен, но *АМ₄* является копией, сделанной под копирку, и не имеет следов авторской правки. Исправления, внесенные Ивановым в первоначальный текст перевода «Агамемнона» (*БАП₁* — именно по этой рукописи перевод напечатан в «Литпамятниках») отражены сначала в *БАП₂*, а затем в машинописях. Различия между *АМ₃* и *БАП₁* в общей сложности составляют 184 стиха, поэтому далее мы будем говорить о двух редакциях перевода «Агамемнона».
- 4) В «Литпамятниках» «Плакальщицы» («Хоэфоры») напечатаны по *БАП* из РАИ. Однако позднейшей, как видно из описания рукописей, является *АМ* из архива Нилендера в РГБ. Более того, там имеется несколько исправлений, сделанных автором, которые не зафиксированы в других автографах. Различия между *АМ* и *БАП* составляют 28 стихов.
- 5) Для «Эвменид» наиболее авторитетной является машинопись из архива Нилендера, так как в ней имеется позднейшая авторская правка. Различия между *АМ* и *БАП* содержат 25 стихов.

Как было уже сказано, изначально Вяч. Иванов собирался печатать переводы трагедий в издательстве М. и С. Сабашниковых. В РГБ хранятся регистрационные карточки (машинопись) из картотеки рукописей издательства, с данными которых целесообразно соотнести перечисленные и описанные рукописи переводов, которые есть в нашем распоряжении. Рукописи Эсхила, находившиеся в издательстве, представлены в следующих объемах:

«Агамемнон»: [21 стр.]⁷⁴, 59 стр.⁷⁵, 99 стр.⁷⁶

«Плакальщицы» («Хозфоры»): [51 стр.], 47 стр.⁷⁷

«Эвмениды»: [50 стр.], 46 стр.⁷⁸

«Персы»: 46 стр.⁷⁹

Трагедий «Просительницы» и «Семеро против Фив» в распоряжении Сабашникова не было, поскольку Вяч. Иванов эти переводы не завершил. Кроме того, в описи рукописей, находившихся в издательстве на 1 декабря 1917 года, значатся «Агамемнон» (две рукописи объемом 21 и 99 страниц), «Плакальщицы» (51 страница), «Эвмениды» (50 страниц) и «Персы» (46 страниц),⁸⁰ то есть рукопись «Агамемнона» объемом 59 страниц, «Плакальщиц» объемом 47 страниц и «Эвменид» объемом 46 страниц поступили в издательство, видимо, после указанной даты.

Сравним число листов, указанных на регистрационных карточках, с их числом в известных нам беловых рукописях, учитывая авторскую пагинацию, а не архивную:

«Агамемнон»: 99 (БАП₁), 21 (БАП₂), 58 (АМ₁), 27 (АМ₂), 59 (АМ₃), 59 (АМ₄).

«Плакальщицы» («Хозфоры»): 51 (БАП), 47 (АМ).

«Эвмениды»: 50 (БАП), 46 (АМ).

⁷⁴ В квадратных скобках зачеркнутый текст.

⁷⁵ Вписано в карточку чернилами.

⁷⁶ На отдельной карточке.

⁷⁷ Вписано в карточку чернилами.

⁷⁸ Вписано в карточку чернилами.

⁷⁹ РГБ. Ф. 261. Карт. 24. № 1. Л. 349, 396, 397, 399, 400. Опубл.: *Котрелев, 1989. С. 511.*

⁸⁰ РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 1. Л. 2, 3.

«Персы»: 46 (*БАП₂*).

Из совпадения числа листов в рукописях с указанными на регистрационных карточках, у Сабашникова могли находиться *БАП₁*, *БАП₂*, *АМ₃*, «Агамемнона», *БАП₂* «Персов» и все известные нам беловые рукописи «Эвменид» и «Хоэфор».

В 1920 году⁸¹ Вяч. Иванов взял рукописи для просмотра, но вернул, вероятно, не все, так что у Сабашникова остались только машинописи «Агамемнона», «Эвменид» и «Плакальщиц», и, возможно, еще рукопись «Агамемнона» в 99 листов. Автографы, которые Иванов изъясил из издательства, зачеркнуты на соответствующих карточках. Другая версия, на наш взгляд более вероятная: он забрал рукописи, а отдал Сабашникову те машинописи, которые позже отложились в архиве В. О. Нилендера,⁸² поэтому «Агамемнон» объемом 59 стр., «Плакальщицы» 47 стр. и «Эвмениды» 46 стр. вписаны в регистрационные карточки, набранные на машинке, чернилами. К тому же в письме к Сабашникову Иванов пишет: «осенью 1920 г. Вы получили, вторично и окончательно, мою “Орестею” в редакции, которую я признал наконец годною к печати»⁸³ — то есть речь идет о новой редакции, и следовательно, о новых рукописях.

Известно, что Вяч. Иванов забирал из редакции рукописи еще раз через свою дочь Лидию, о чем свидетельствует расписка⁸⁴, и возвратил их в августе 1924 года.⁸⁵ И еще один важный факт, приводимый Котрелевым: в своих воспоминаниях Сабашников пишет, что «Агамемнона» Иванов у него

⁸¹ См. его письмо к Сабашникову от 9 августа 1926 года: РГБ. Ф. 261. Карт. 4. № 25. Л. 15–16. Опубл.: *Котрелев, 1989*. С. 514–515.

⁸² Вполне вероятно, что это именно те самые машинописи, а не их копии. В. О. Нилендер был секретарем издательства и отвечал за серию «Памятники мировой литературы», для которой Иванов переводил Эсхила.

⁸³ *Котрелев, 1989*. С. 514.

⁸⁴ РГБ. Ф. 261. Карт. 9. № 71. *Котрелев, 1989*. С. 511–512.

⁸⁵ РГБ. Ф. 261. Карт. 24. № 1. Л. 396 об.

«...вытребовал через Ю. Н. Верховского чуть ли не в день своего отъезда».⁸⁶ Не вполне ясно, что это была за рукопись (мы предполагаем, что это мог быть *БАП₁* «Агамемнона» объемом в 99 страниц, который хранится в РАИ) и когда возникла *АМ₁* «Агамемнона», которая датируется как раз временем за день до отъезда Иванова.

В августе 1926 года, по всей видимости, Сабашников передал О. А. Шор оставшиеся у него машинописные копии, которые она, в свою очередь, должна была отдать в ГАХН. Но произошло ли это, нам неизвестно. Судя по письмам к Шор, в сентябре 1926 года Иванова волновала дальнейшая судьба переводов, но Шор медлила с ответом: «М. В. Сабашников написал мне, вот уже с неделю тому назад, что передает Вам рукопись: дело теперь за Академией Х<удожественных> Н<аук>, но Ваше молчание знаменует новые затруднения? <...> Спешно хочу успокоить Вас <...>, что у меня здесь есть копия «Орестей» и я пересматриваю ее опять, исправляя все опечатки и внося новые перемены в текст: так что при печатании книги у Вас будет канонический экземпляр, коего и нужно будет тщательно держаться» (из письма Иванова от 11 сентября 1926 года).⁸⁷ Позже, не дождавшись ответа, Иванов посылает заказное письмо с той же просьбой.⁸⁸

В Римской архиве Вяч. Иванова также сохранилась машинописная записка с пропуском для даты («Рим...дня 1926 г.»), адресованная издательству М. и С. Сабашниковых в Москве: «На основании прежних наших соглашений Вам принадлежит исключительное право издания исполненных мною стихотворных переводов трагедий Эсхила: Агамемнон, Плакальщицы и Эвмениды. Перевод Вами был в свое время оплачен полностью. С Вашего согласия я предоставляю Академии Художест. Наук в Москве выпуск в свет означенных вещей в одном

⁸⁶ Сабашников М. В. Записки / Под общ. ред. А. Л. Паниной. М., 1995. С. 362. *Котрелев*, 1989. С. 516.

⁸⁷ Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор / Предисл. А. А. Кондюриной, публ. А. А. Кондюриной, Л. Н. Ивановой, Д. Рицци и А. Б. Шишкина // Русско-итальянский архив / Сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Салерно, 2001. Т. III. Вячеслав Иванов — новые материалы. С. 235.

⁸⁸ Там же. С. 236.

издании в течение сего 1926–7 г. Сим подтверждаю, что за Вами тем не менее сохраняется право на издание вышеозначенных моих переводов».⁸⁹

16 октября 1926 года Вяч. Иванов отправил Шор «Предисловие переводчика» с посвящением Ф. Ф. Зелинскому.⁹⁰ «Предисловие» сохранилось в РГАЛИ, куда оно попало из архива Л. Я. Гуревич. О. А. Шор в одном из писем (датируется 20–24 январем 1927 года) писала, что «корректуру прочтет Любовь Яковлевна Гуревич; она прекрасный корректор, а здесь еще особенно постарается. Верховный надзор передаст она Густаву Густавовичу <Шпету>».⁹¹ В октябре Иванов переслал также и «Орестею», о которой он спрашивал в письме от 1 ноября 1926 года: «Получена ли рукопись «Орестеи», посланная Пл. М. Керженцевым в Ак<адемию> Х<удожественных> Наук на имя П. С. Когана?»⁹² Этот вопрос он повторил в письме от 13 ноября: «Получен ли высланный Пл. М. Керженцевым на имя П. С. Когана в Ак<адемию> Х<удожественных> Наук через дипл<оматического> курьера мой экземпляр «Орестеи», в который я внес немало важных изменений прежнего текста и которым при печатании прошу руководствоваться как текстом окончательным, каноническим».⁹³

Работа над переводом «Орестеи» осенью 1926 года упоминается Вяч. Ивановым и в письмах к детям. В частности, в письме от 8 сентября 1926 года:

«Неожиданно переброшен в своих занятиях на «Орестею», которую *спешно* (вот что значит быть умным и сидеть на своем месте, а не искать легкомысленно наслаждений по вилледжатурам!) исправляю, сравнивая с подлинником, и истребляя опечатки ремингтона, для пересылки в «Ак<адемию> Худ<ожественных> Наук», что

⁸⁹ РАИ. Оп. 3. Карт. 1. Папка 30. Л. 1.

⁹⁰ Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор. С. 238–239.

⁹¹ Там же. С. 240.

⁹² Там же. С. 240.

⁹³ Там же. С. 243. Также в письме к М. Буберу от 8 ноября 1926 года Иванов сообщал, что он просматривает текст своего перевода «Орестеи» для издания его в России (*Ivanov, Vjačeslav I.: Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass / Hrsg. von Michael Wachtel. Mainz, 1995. S. 34*).

на Пречистенке. Ибо получил от Сабашникова письмо, где он, после жалобных *gemissements*, соглашается уступить названному Светочу Советского Просвещения первое издание Орестей, не будучи в силах напечатать ее, как я предложил ему настоятельно, «тотчас же», чтобы обеспечить мой приоритет, в виду перебежавшего мне дорогу и стакнувшегося с Госиздатом отца Сергия Мих<айловича> Соловьева,⁹⁴ изготовившего свою Орестею. А Ольга Ал<ексан>др<овна> устроила так, что Ак<адемия> Худ<ожественных> Наук берется напечатать мой перевод незамедлительно, хотя и *безденежно* (что столь же справедливо, — Саб<ашников> уже всемерно за нее расплатился, — сколь горестно). К счастью, у меня есть копия (ремингтонная) изготовленная в Москве, помнишь, Театр<альной> Студией, которая с моим Эсхилом носилась, и исправления на этой копии заменят, хоть немного, мою личную корректуру. Наврут, боюсь, все равно в три короба».⁹⁵

Выше мы писали о машинописи (АМ₄) «Агамемнона» из архива Б. В. Шапошникова и о том, что тот навещал Вяч. Иванова в Италии весной 1927 года. Об этом визите Шапошников позже вспоминал так: «В эмигрантских изданиях он печататься не хотел, а советские издательства о нем забыли, что его очень обижало, так как он справедливо считал, что если его лирика сейчас “не ко двору”, то, как переводчик и филолог, он мог бы найти применение, и в этой области у него, кажется, неоспоримые знания. Почему не издаются его переводы Эсхила? Почему ему не закажут перевода «Божественной Комедии», «Фауста», сонетов Микель-Анжелло или еще чего-нибудь?»⁹⁶ Если верить этому мемуару, похоже, что к весне 1927 года Иванов уже отчаялся опубликовать свой перевод Эсхила в России. Наконец, еще одна существенная деталь: в 1930-е годы Адриан

⁹⁴ Перевод «Орестей» С. М. Соловьева, который подготовил его для МХАТа, не опубликован. Рукописи, датируемые осенью и зимой 1925 года, хранятся в РГАЛИ: ф. 475 (Соловьев С. М.). Оп. 1. Ед. хр. 3 («Орестея»). Перевод трагедии Эсхила с древнегреческого языка. Черновой автограф (14 октября 1925)); ф. 656 (Главрепертком). Оп. 1. Ед. хр. 3205. (Эсхил. «Орестейя». Трагедия в 3 действиях, 5 картинах. Машинопись (23 декабря 1925)).

⁹⁵ *Иванов В. И.* Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией (1925–1941) / Вступ. статья Ф. Лесур. Подг. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко. Комм. С. Кульюс и А. Шишкина // Символ. 2009. № 53–54. С. 477.

⁹⁶ *Шапошников Б. В.* Огонь святилища Аполлона. Публ. и комм. Е. В. Кочневой // Наше наследие. № 119. 2016. С. 95.

Пиотровский переводил Эсхила для издательства «Academia», и, согласно первоначальному издательскому договору от 23 ноября 1932 года, он должен был подготовить перевод четырех трагедий («Персы», «Семеро против Фив», «Умоляющие», «Прикованный Прометей»).⁹⁷ Лишь через год, в договоре от 20 октября 1933 года, к этим трагедиям был добавлен перевод «Орестей».⁹⁸ С большой долей осторожности можно предположить, что Пиотровский не стал браться за «Орестею» сразу, потому что вопрос об издании перевода Иванова еще не был закрыт окончательно.

Итак, если предположить, что три машинописи «Орестей», отложившиеся в архиве Нилендера, некогда были в распоряжении Сабашникова (судя по совпадению числа страниц) и именно их Шор передала (?) в ГАХН, где те рукописи, которые Иванов прислал из Рима? *AM*₂ «Агамемнона» из РГАЛИ — это явно какой-то промежуточный вариант. Таким образом, не следует отвергать мысль, что о каких-то рукописях (вернее машинописях, см. выше: «у меня есть копия (ремингтонная) изготовленная в Москве, помнишь, Театр<альной> Студией, которая с моим Эсхилом носилась, и исправления на этой копии заменят, хоть немного, мою личную корректуру») «Агамемнона», «Плакальщиц» и «Эвменид» нам пока ничего неизвестно.⁹⁹

Глава 2. Издания трагедий Эсхила в библиотеке Вяч. Иванова

Немаловажно установить издания, которыми пользовался Вяч. Иванов, когда переводил трагедии Эсхила, так как интерпретация поэтом греческого

⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 1.

⁹⁸ Там же. Л. 5.

⁹⁹ Спустя годы, Иванов писал в письме к С. Л. Франку (18 мая – 3 июня 1947 года): «Менее благоприятную судьбу имел мой другой [выше в письме речь шла о «Дионисе и прадионисийстве» – Л. Е.] большой труд — поэтический перевод трагедий Эсхила, сделанный для издательства Сабашниковых, но перехваченный советским Госиздатом, который — быть может, от того что я уехал за границу, — похоронил его в своих недрах» (Переписка С. Л. Франка и В. И. Иванова / Подг. текста Дим. Иванова и А. Шишкина, комм. В. Франка, Дим. Иванова, А. Шишкина // Символ. 2008. № 53–54. С. 444).

текста определяется в том числе интерпретацией издателя, подготовившего книгу, востребованную переводчиком.

Известно, что Вяч. Иванов располагал изданием Эсхила, подготовленным А. Кирхгофом (*Aeschyli tragoediae / Edidit A. Kirchhoff. Berolini: Weidmann, 1880*), которое ему одолжил В. О. Нилендер. В письме к О. А. Шор от 29 сентября 1924 года он просит переслать его в Рим.¹⁰⁰ Она, не найдя именно этот экземпляр, предлагает Иванову раздобыть издание Кирхгофа через ее двоюродного брата Евсея Давидовича Шора.¹⁰¹ В письме к Шору от 25 ноября 1924 года Иванов пишет: «Новое Тейбнеровское издание под редакцией Weil'а также не со мной,¹⁰² иметь его было бы полезно, но особенно важно – и заменяет Кирхгофа издание Willamowitz-Moellendorff'a (sic! — Л. Е.) [*Aschyl.: Tragoediae, edidit Willamowitz-Moellendorff (sic! — Л. Е.). Leipzig, Breitkopf und Härtel*. Но боюсь, что это издание очень дорого. Сколько оно стоит?]¹⁰³ Из писем к О. А. Шор и к Е. Д. Шору¹⁰⁴ известно, что Иванов издание Кирхгофа получил, а вот издания Виламовица, по-видимому, у него на руках не было, и в описях личной библиотеки оно также отсутствует.

В описях книг Вяч. Иванова, опубликованных Г. В. Обатниным, под номерами 993 и 1109 значатся соответственно «*Aeschyli tragoediae. V. II*» и «*Aeschyli tragoediae. V. I, II*».¹⁰⁵ «*Aeschyli tragoediae*» в двух томах может быть, либо изданием Г. Германа (*Aeschyli tragoediae / Recensuit Godofredus Hermannus*.

¹⁰⁰ Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор. С. 168–169. Отметим, что Иванов в годы своего обучения в Германии, а именно в 1887–1888 годах, посещал семинар по Фукидиду у А. Кирхгофа. См.: *Вахтель М.* Вячеслав Иванов студент Берлинского университета // *Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps*. Paris, 1994. P. 364.

¹⁰¹ Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор. С. 170.

¹⁰² Последнее на тот момент переиздание Эсхила под ред. А. Вейля вышло в 1910 году.

¹⁰³ *Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции: Переписка Е. Д. Шора с Ф. А. Степуном и Вячеславом Ивановым // *Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума*. Вена, 1998. М.; Berlin; Bern [et al.], 2002. С. 535. Квадратные скобки принадлежат Иванову.

¹⁰⁴ Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор. С. 176. *Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции. С. 536.

¹⁰⁵ *Обатнин Г. В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // *Europa Orientalis*. 2002. Vol. 21. № 2. С. 267, 308, 312.

Lipsiae: Weidmann, 1852–1853. Vol. 1–2), первый том которого включает тексты трагедий и фрагментов, а второй — комментарии, либо более ранним двухтомным изданием А. Веляуэра (*Aeschyli tragoediae / Recensuit Augustus Wellauer. Lipsiae: Vogelius, 1823–1824. Vol. 1–2*), где второй том содержит «Орестею», а первый — остальные трагедии.

Кроме того, у Вяч. Иванова было издание А. Вейля (*Aeschyli tragoediae / Edidit Henricus Weil. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1884*),¹⁰⁶ и Хр. Шютца (*Aeschyli tragoediae quae supersunt ac deperditarum fragmenta / Recensuit Christian Gottfried Schütz. Halae: J. J. Gebauer, 1808–1811. Vol. 1–3*),¹⁰⁷ которые остались в Баку. Вполне возможно, что у него было еще и более позднее издание Вейля (1910), поскольку в цитируемом выше письме Иванов пишет о «Новом Тейбнеровском издании под редакцией Weil'а».

Что касается переводов Эсхила, то, во-первых, к ним, по-видимому, можно отнести издание, обозначенное как «*Aeschylus, The tragedies*», которое числится в списке книг, проданных библиотеке Азербайджанского Государственного университета (список составлен Е. А. Миллиор и прислан Иванову по его просьбе в письме от 4 апреля 1925 года¹⁰⁸). Полные выходные данные там не указаны, поэтому идентифицировать его представляется затруднительным, но судя по названию, это английский перевод. Во-вторых, в том же списке присутствует перевод на немецкий язык, изданный У. Виламовицем-Мёллендорфом («*Wilamowitz-Moellendorf U. von, Griechische Tragoedien. II B.*»). Вторая часть содержит только перевод «Орестей». Наконец, в описи Зуммера находим: «*Aeschyli Tragédies. Paris 1905*».¹⁰⁹ Вероятно, это французский перевод трагедий, выполненный А. Буйе (*Adolphe Bouillet*).

¹⁰⁶ РАИ. Оп. 5. Карт. 4. Папка 18. Л. 5–13. *Обатнин Г. В.* Ук. соч. С. 328. № 1574 в описи В. М. Зуммера.

¹⁰⁷ *Обатнин Г. В.* Ук. соч. С. 328. № 1575 в описи В. М. Зуммера.

¹⁰⁸ РАИ. Оп. 5. Карт. 8. Папка 1. Л. 13, 14. Оpubл.: *Ланто-Данилевский К. Ю.* К истории библиотеки Вяч. Иванова // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 224–239.

¹⁰⁹ *Обатнин Г. В.* Ук. соч. С. 328. № 1576 в описи Зуммера.

Определить издания, на которые Вяч. Иванов в основном ориентировался при переводе, несложно, так как он старался строго следовать нумерации стихов, делению на колоны в хоровых партиях и исправлениям, связанным с перестановкой стихов. Это видно при сравнении его переводов с конкретными изданиями греческих текстов. «Агамемнона», «Плакальщиц», «Эвменид» и «Семерых против Фив» Иванов переводил, ориентируясь преимущественно на издание А. Вейля.¹¹⁰ А остальные трагедии, то есть «Персы» и «Просительницы» переведены по изданию Г. Германа.¹¹¹ Безусловно, нельзя исключать, что Иванов прибегал и к изданию Кирхгофа,¹¹² но, по-видимому, оно имело для него меньшее значение. К тому же мы не знаем, когда именно Иванов получил эту книгу от Нилендера. Определенное значение для его перевода имел и перевод Вилаговица на немецкий,¹¹³ а позже, вероятно, также и издание греческого текста, подготовленное Вилаговицем (1914).¹¹⁴

Так, например, в «Агамемноне» у Вяч. Иванова стихи 1313–1314 следуют после стиха 1326, такую перестановку можно найти только у Вейля, тогда как ни у Германа, ни у Кирхгофа, ни у Вилаговица ее нет. Но в то же время, например, стихи 1327–1330 у Иванова, как и у Германа и Вилаговица, принадлежат Кассандре, однако Вейль и Кирхгоф отдают их хору. Повтор стихов 1538–1546

¹¹⁰ Aeschylus tragoediae / Rec. H. Weil. Lipsiae, 1884.

¹¹¹ Aeschylus tragoediae / Rec. G. Hermann. Lipsiae, 1852–1853. Vol. 1–2. Таким образом, мы склоняемся к тому, что «Aeschylus tragoediae» в двух томах в описи книг Иванова — это издание Германа, а не Веляуэра. В последнем нумерация отличается. Возможно также, что этот двухтомник Иванов имеет в виду в письме к В. Я. Брюсову от 28 мая 1911 года: «У Сабашниковых я взял Эсхила, в двух томах, срочно, — а ты?» (Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов. Неизданная переписка (Вступ. статья, подготовка текста и примечания А. Л. Соболева) // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб., 2016. Вып. 2. С. 364).

¹¹² Н. Н. Казанский высказал мнение, что Вяч. Иванов руководствовался главным образом изданием Кирхгофа. См.: *Казанский*, 2003. С. 23. Прим. 5.

¹¹³ Griechische Tragoedien / Übersetzt von U. von Wilamowitz-Moellendorff. Berlin: Weidmann, 1900. Bd. 2.

¹¹⁴ Aeschylus tragoediae / Ed. U. von Wilamowitz-Moellendorff. Berolini: Weidmann, 1914. «Агамемнон» и «Хозфоры» (греческий текст с параллельным немецким переводом) выходили отдельными изданиями в 1885 и в 1896 году соответственно, но, по-видимому, не были доступны Иванову.

после стиха 1566 есть у Кирхгофа и Виламовица, но его нет у Вейля. Помещение стиха 1664 между 1649 и 1650, отразившееся в переводе Иванова, принадлежит Виламовицу. В «Персах» в стихах 675–676, которые считаются испорченными, Иванов не только использует ту же нумерацию, что и Герман, но и принимает конъектуру διδύμα δι' ἄνοιαν ἀμαρτία («двойной из-за неразумия ошибке») (в переводе Иванова «неразумия грех двойной»), которой нет у других издателей текста, вместо рукописного διδύμα διαλύεν ἀμαρτία.

Вполне вероятно, что «Персы» и «Просительницы» переведены не по изданию Вейля, в отличие от остальных трагедий, потому что у поэта на тот момент, когда он их переводил, было только издание Германа. Бумага, почерк и одинаковая нумерация страниц красным карандашом *ЧА* «Просительниц» и *БАП₁* «Персов» подтверждают, что работа над этими трагедиями шла в одно время.

Глава 3. Издания переводов Вяч. Иванова из Эсхила

§ 1. «Древнегреческая литература эпохи независимости» (1920)

Впервые фрагменты переводов из Эсхила появились в хрестоматии, изданной Ф. Ф. Зелинским в 1920 году,¹¹⁵ а именно: «Персы» (стихи 65–158), «Агамемнон» (стихи 1073–1177) и «Эвмениды» (стихи 322–396). Тексты Иванов отослал Зелинскому, по-видимому, в марте 1919 года, поскольку мы располагаем письмом Зелинского от 3 апр<еля> 1919 года,¹¹⁶ в котором тот благодарит поэта за предоставленные переводы.¹¹⁷ Как было уже показано на примере опубликованного в хрестоматии ивановского перевода Первой Пифийской оды

¹¹⁵ Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. Пг., 1920. Ч. 2: Образцы. С. 127–142.

¹¹⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 607. № 252. Л. 1.

¹¹⁷ См. об истории издания: Завьялов С. А., Лаппо-Данилевский К. Ю. К истории текста Первой Пифийской оды в переводе Вячеслава Иванова // *Musen Almanach*. В честь 80-летия Р. Ю. Данилевского. СПб., 2013. С. 86–105.

Пиндара,¹¹⁸ тексты в этом издании плохо вычитаны и содержат значительное количество огрехов. Что касается Эсхила, то здесь кое-где сбилась нумерация стихов, а также деление на колонны, которое не соответствует делению в автографах. Кроме того, имеются разночтения и опечатки.

В хоровой партии в «Персах» иной порядок стихов. В основном тексте (БАП₂) после первой и второй строф и антистроф следует пассаж, озаглавленный «месод» (стихи 94–102), тогда как в хрестоматии эти строки озаглавлены «эпод» и следуют после третьей антистрофы. Такой порядок можно видеть, например, в издании Кирхгофа. Прочие разночтения см. в таблице.

Таблица 1. Разночтения основного текста¹¹⁹ «Персов» с фрагментом в хрестоматии Зелинского.

БАП₂	Хрестоматия Зелинского
89 Супротив стать боевых тем	Супротив стать боевых сил
129 В заморский край, стезей, два берега	В заморский край: зане два берега
130 Дивным сопряг царь звеном	Дивным сопряг он звеном
137 Упряг двойной, два ярма ¹²⁰	Упряг двойного ярма
142 Верным думу глубокою думать	Чтоб нам думу глубокою думать

Таблица 2. Разночтения основного текста «Агамемнона» с фрагментом в хрестоматии Зелинского.

АМ₃	Хрестоматия Зелинского
1078 Заплачкой прогневляешь ты кощунственной	Заплачкой прогневляет богохульница
1079 Того, кто отвращает лик от воплениц!	Того, кто отвращает лик от вопленниц
1100 ...Злодейство новое в дому,	...В дому злодейство новое,

¹¹⁸ Там же. С. 90–91.

¹¹⁹ Рукописи, текст которых мы называем здесь и далее «основным», указаны в настоящей работе (глава 1.1.).

¹²⁰ В обеих рукописях «Персов» есть исправленный вариант 137 стиха. Остальных вариантов нигде не находим.

1101 Великое, готовит, — ближним злой удар.	Великое вершится, ужас родичам!
1105 ...смысл его понять нельзя	...смысл его постичь нельзя
1109 Его встречая — в баню повела? Зачем?	В купель сойти торопишь, искупать спешишь?
1113 Вещание загадками мне застит свет.	Загадками вещанье мне застлало свет.
1139 В сей дом? Чтоб вместе смерть приять?	В сей дом? Чтоб вместе смерть принять?
1160 ...зовет Коцит.	...зовет Кокит.
1161 Пророчицу, иль Ахеронт, вещать теням.	Иль Ахерон вещунью — прорицать теням.

Таблица 3. Разночтения основного текста «Эвменид» с фрагментом в хрестоматии Зелинского.

<i>АМ</i>	Хрестоматия Зелинского
324 Лато	Лето
332 Околдован, иссушен	Пеньем скован, иссушен.
343 ...мстящий гимн	...страшный гимн
345 Околдован, иссушен	Пеньем скован, иссушен.
364 Распрей о царственных льготах	Тяжбой о царственных льготах.
380 Грозовой над домом гнев!	Грозовой над домом мрак.
391 Устав начальный древних Мойр	Устав начальный древних Мир
392 Скрепленный клятвой бессмертных богов?	Скрепленный клятвою вышних богов?

Варианты в напечатанных Зелинским фрагментах «Агамемнона» и «Эвменид» не обнаруживаются ни в одной дошедшей рукописи. Если в стихе 391 «Эвменид» у Зелинского точно опечатка, то про другие разночтения с текстом рукописей трудно определенно сказать, являются ли они авторскими или принадлежат редактору, то есть Зелинскому, который вообще был не слишком деликатен при редактировании чужих переводов.

В 1923 году в Баку была опубликована работа Вяч. Иванова «Дионис и прадионисийство», в которой встречаются некоторые фрагменты из трагедий Эсхила: их автор приводит преимущественно в своем художественном переводе.

Среди них: стихи 381–388¹²¹ из «Персов», стихи 268–270¹²² из «Семерых против Фив», стихи 121,¹²³ 264–265,¹²⁴ 1125–1128¹²⁵ из «Агамемнона», стихи 19–20,¹²⁶ 24–26¹²⁷ из «Эвменид». Фрагменты из «Агамемнона» совпадают с редакцией 1913 года из РАИ, а стихи из «Эвменид», по-видимому, приводятся по какому-то черновому автографу.

§ 2. «Греческая литература в избранных переводах» (1939)

Следующее издание, в котором появились переводы из Эсхила, — это хрестоматия В. О. Нилендера (1939 год).¹²⁸ В нее вошли стихи 1073–1077 из «Агамемнона» и стихи 322–396 из «Эвменид», то есть те же фрагменты (исключая «Персов»), которые были опубликованы Зелинским. «Предводитель хора» здесь обозначен как «Корифей».¹²⁹ При сравнении с рукописями и с фрагментами в хрестоматии Зелинского оказалось, что фрагмент из «Агамемнона» совпадает с *АМ₃* «Агамемнона», которой располагал Нилендер. В самой машинописи есть его правка, в частности, «Хоровожатый» исправлен на «Корифея», пронумерованы строки, и т. п.¹³⁰ Однако при нумерации стихов

¹²¹ Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. 215. Далее – ДП.

¹²² ДП. С. 251.

¹²³ ДП. С. 38, 235.

¹²⁴ ДП. С. 103.

¹²⁵ ДП. С. 65.

¹²⁶ ДП. С. 23.

¹²⁷ ДП. С. 26.

¹²⁸ Греческая литература в избранных переводах / составил В. О. Нилендер. М.: Советский писатель, 1939. С. 176–183. Об истории этого издания см.: *Котрелев Н. В.* Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы». С. 127–150. *Ланно-Данилевский К. Ю.* Переводы Вяч. Иванова, предназначавшиеся для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера» // Русская литература. 2014. № 1. С. 178–205.

¹²⁹ Сам Иванов колебался при обозначении этого действующего лица. В *ЧА* «Агамемнона» (РНБ. Ф. 304. № 11. Л. 1–84) сначала это лицо обозначено как «Корифей» (кстати, то же в издании Зелинского), но в этой же рукописи далее исправлено на «Предводителя / Предводительницу хора». Еще позднее появляется вариант «Хоровожатый / Хоровожатая». Этот факт отмечался ранее: *Казанский, 2003.* С. 23.

¹³⁰ РГБ. Ф. 583. Карт. 14. № 18. Л. 37.

Нилендер следует Зелинскому, что очевидно было вызвано отсутствием ее в машинописи. Фрагмент же из «Эвменид» полностью дан по хрестоматии Зелинского. Это можно объяснить только тем, что *АМ* «Эвменид» попала к Нилендеру позже машинописи «Агамемнона». Но почему он, имея на руках полную машинопись «Агамемнона», включил в свое издание только те стихи из этой трагедии, что и Зелинский в свою хрестоматию, объяснить трудно.

§ 3. «Хрестоматия по античной литературе» (1947. Т. 1)

В 1947 году в хрестоматии Н. Ф. Дератани и Н. А. Тимофеевой¹³¹ выходят другие фрагменты трагедий Эсхила, а именно: стихи 270–366, 774–969, 1035–1213, 1305–1398 из «Агамемнона» и стихи 566–777 из «Эвменид». В этом издании много опечаток и прослеживается стремление издателей упростить текст Иванова.

Таблица 4. Разночтения основного текста «Агамемнона» с фрагментом в хрестоматии Дератани и Тимофеевой.

<i>АМ₃</i>	Хрестоматия Дератани и Тимофеевой
895 Я страхов знала, чуть забудусь. Так была	Я страхов знала, чуть забудусь. Всё прошло.
896 Я стад твоих овчаркой... Ныне все прошло	Псом, стадо стерегушим, назову тебя.
907 Поправшей Трою, вместе ль повелителю	Поправшей Трою, уместно ль повелителю
936 По тканям пурпуровым верно б шествовал.	По тканям он пурпурным верно б шествовал.
1079 Того, кто отвращает лик от воплениц!	Того, кто отвращает лик от плачущих!

«Агамемнон» напечатан здесь по *АМ₃*: издатели включили немногочисленные рукописные пометки карандашом из «Агамемнона», преимущественно комментарии географического и мифологического характера,

¹³¹ Хрестоматия по античной литературе: для высших учебных заведений: в 2-х т. / Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева. М.: Учпедгиз, 1947. Т. I: Греческая литература. С. 151–177.

а также указание, что «все ремарки принадлежат переводчику», которое присутствует в *АМ*₃ (Л. 10)¹³². Более того, разночтения с основным текстом, которые есть в хрестоматии (кроме стиха 1079), можно видеть в машинописи.

Таблица 5. Разночтения основного текста «Эвменид» с фрагментом в хрестоматии Дератани и Тимофеевой.

<i>АМ</i>	Хрестоматия Дератани и Тимофеевой
640 Честь отчая священной чести матерней,	Честь отчая священной чести матери,
682 Вершите вы впервые уголовный суд!	Вершите вы впервые над убийцей суд!
683 Навек пребудет в племени Эгеевом	И ввек пребудет в племени Эгеевом
685 Вам виден холм Ареев. Амазоны там	Вам виден холм Ареев. Амазонки там
686 Стояли станом в оны дни, когда царя	Стояли станом в оны дни, когда с царем
687 Тесея воевали. Многобашенный	Тесеем воевали. Многобашенный
689 Служительниц Арея. Так и холм прослыл	Служительниц Арея; и прозвали холм
690 Ареопагом, иль скалой Ареевой.	Ареопагом; и на веки вечные
692 И страх вины, с ним соприродный, — день и ночь	И страх вины, на всех преступных — день и ночь
693 На весь народ мой. Новшеством праправнуки	И на народ мой. Новшеством праправнуки
694 Сих чар да не нарушат! Не мути ключа	Сего да не нарушат! Не мути ключа

«Эвмениды» изданы в хрестоматии по *АМ* из архива Нилендера, в машинописи содержится правка карандашом, которая вошла в хрестоматию. Частично она принадлежит Нилендеру, частично — неустановленному лицу. Комментарии и нумерация в этой машинописи имеются преимущественно в тех фрагментах, которые были напечатаны в хрестоматии. То же касается и «Агамемнона».

¹³² Там же. С. 151.

§ 4. «Греческая трагедия: Эсхил, Софокл, Эврипид» (1950)

В 1950 году вышел сборник древнегреческих трагедий,¹³³ в который, в частности, вошли трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» (перевод В. О. Нилендера и С. М. Соловьева) и все три трагедии «Орестеи»: «Агамемнон» (стихи 1–1696), «Хоэфоры» (стихи 1–1193) и «Эвмениды» (стихи 1–1155). В издании указано, что последние три трагедии печатаются в переводе под редакцией Ф. А. Петровского, однако в действительности в этой книге опубликованы переводы Вяч. Иванова, претерпевшие редакторские изменения. Наиболее показательны примеры из «Агамемнона».

Таблица 6. Разночтения основного текста «Агамемнона» с изданием 1950 года под ред. Петровского.

<i>АМз</i>	Издание под ред. Петровского 1950 года
30 Заголосит: «Победа! Рухнул вражий кремль!»	Заголосит: «Победа! Взят врагов оплот!»
97 Возлиянья скончав, мне, царица, скажи, 124 Брашен орлих	Возлиянья свершив, мне, царица, скажи, Знак орлиный
125 Знак разгадал и молвил:	Он разгадал и молвил:
167 Отженит от сердца страх.	Отгнав от сердца страх.
205 Возгóворил старший брат: «Постигнет 227 Только б войну воздвигнуть!	Промолвил тут старший брат: «Постигнет Ради войны с врагами.
301 Огромней жжет кладницу, чем показано.	И больше, чем велели, разожгла костер.
338 Коль чтить богов кремлевых догадаются	Коль чтить богов твердыни догадаются
356 Дароносица слав лучезарных,	Святозарной владычица славы,
357 Что набросила сеть на Троянский кремль, 387 Сулит покрыть следы.	На твердыню Троян ты набросила сеть Сулит стереть следы.
417 Ненавистно прельщенье:	Не мила ему прелесть
422 Простерлась облак тонкий удержать рука, —	Простерлась призрак тонкий удержать рука, —

¹³³ Греческая трагедия: Эсхил, Софокл, Эврипид / Под ред. Ф. А. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 50–200.

440 Даешь в обмен — персть за кровь, 539 Возрадован, и ныне умереть готов. 615 Краснó царица речь вела, — толковникам, 616 Витийствовать искусным, в научение. 636 День светлой вести грех сквернить печалию, 637 И купно разноликим угождать богам. 643 Всех обоюдо-изошренный ранил рок!»	Даешь в обмен — прах за кровь, Обрадован, и ныне умереть готов. Краснó царица речь вела, — научит всех, Кто мудр и слова толковать умеет смысл. День светлый вестью осквернять печальнойю Не следует: не вместе разных чтут богов. Двойным бичом жестоко всех изранил рок!»
1078 Заплачкой прогнеvlaешь ты кощунственной	Что прогнеvlaешь воплями кощунственно
1079 Того, кто отвращает лик от воплениц!	Того, кто отвращает лик от плакальщиц?

Как видно из примеров, редактирование текста Вяч. Иванова было направлено на упрощение его архаизированного стиля. Исправление слов «кремль» и «кремлевый» в стихах 30, 338, 357, вероятно, было сделано по цензурным соображениям. По каким рукописям было выполнено это издание, определить не представляется возможным.

§ 5. «Эсхил. Трагедии» (1989)

Трагедии Эсхила в переводе Вяч. Иванова стали широко доступны читателю лишь в 1989 году, после выхода книги в серии «Литературные памятники».¹³⁴ До этого, как мы показали, в печати появлялись тексты, не лишенные опечаток и подвергнутые редакторской правке, зачастую вносящей изменения в авторский стиль переводчика. К тому же политические обстоятельства не способствовали изданию в СССР переводов поэта-эмигранта. Так, если в хрестоматии 1947 года, составленной Дератани и Тимофеевой,

¹³⁴ Эсхил. Трагедии / в пер. Вячеслава Иванова; изд. подготовили Н. И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М. Л. Гаспаров, Г. Ч. Гусейнов, Н. В. Котрелев, В. Н. Ярхо; отв. ред. Н. И. Балашов. М.: Наука, 1989.

авторство переводов Иванова еще указано,¹³⁵ то в издании 1950 года, история появления которого пока не прояснена, назван только редактор перевода — Ф. А. Петровский.

В издание 1989 года вошли следующие пьесы: «Просительницы» (стихи 1–323), «Персы» (стихи 1–1045), «Семеро против Фив» (стихи 1–777), «Агамемнон» (стихи 1–1673), «Плакальщицы» («Хоэфоры») (стихи 1–1076), «Эвмениды» (стихи 1–1046). Не переведенные Ивановым части трагедий, а именно стихи 324–1074 из «Просительниц», стихи 778–1078 из «Семерых против Фив» и «Прикованный Прометей» напечатаны здесь в переводе А. И. Пиотровского; фрагменты не сохранившихся трагедий Эсхила — в переводе М. Л. Гаспарова. Ценность издания заключается еще и в том, что в разделе «Дополнения» помещены работы Иванова о религии Диониса, текст которых до этого времени не перепечатывался, а именно «Эллинская религия страдающего бога» и фрагменты из книги «Дионис и прадионисийство» (1923).

Издание 1989 года явилось важной вехой в иванововедении, но его эдиционные принципы, к сожалению, не были в книге изложены систематично, что привело к ряду неясностей. Так, хотя в статье Н. И. Балашова оговорено, что в основу издания «положены рукописи, находившиеся до самой кончины поэта в его римской квартире» и что в двух случаях использованы «варианты, восходящие к рукописям, оставшимся в СССР»,¹³⁶ в самой книге отсутствуют указания на конкретные рукописи, не приведены их шифры и не произведен их сопоставительный анализ.

Как показывает проведенное нами сравнение источников, издание «Литературных памятников» основывается на следующих рукописях: «Просительницы» напечатаны по неполному черновому автографу (РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 12. Л. 1–8), «Персы» — по беловому автографу (РАИ. Оп. 2.

¹³⁵ Авторство эмигрировавшего Ф. Ф. Зелинского и репрессированных Г. Ф. Церетели и А. И. Пиотровского обозначено здесь только инициалами.

¹³⁶ Балашов Н. И. Эсхил Иванова — двойной памятник культуры // *Эсхил, 1989*. С. 458–459.

Карт. 33. Папка 1. Л. 1–48), «Семеро против Фив» — по неполному черновому автографу (РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 3. Л. 1–17), «Агамемнон» напечатан в ранней редакции 1913 года (РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 9. Л. 1–101), «Плакальщицы» — по беловому автографу (РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 6. Л. 1–54), «Эвмениды» — по белой рукописи рукой Л. В. Ивановой с правкой автора (РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 8. Л. 1–52). Приходится также констатировать, что при воспроизведении переводов Иванова не удалось избежать погрешностей и опечаток.¹³⁷ Наконец, нумерация стихов в издании 1989 года согласована с изданием Эсхила, подготовленным Д. Пэйджем и вышедшим в 1972 году, что вряд ли можно признать удачным решением.¹³⁸ Нумерация в критических изданиях древних текстов может сильно отличаться из-за индивидуальной трактовки текста издателем. Например, он может переставить стихи местами, иначе разделить на колоны текст в хоровых партиях, включить в нумерацию предполагаемые им лакуны или испорченные места, либо, наоборот, атетировать

¹³⁷ Позволим себе привести некоторые примеры. В «Персах» стих 38 (в автографе это стих 37) напечатан как «Властелин Сусискан, и Пегас, и Тагон» — тогда как в рукописи читается «властели», то есть множественное число существительного «властель», архаического синонима слова «властитель». В «Семерых против Фив»: 1) стих 737 напечатан как «Скверну крови выпьет перстю», а в единственном автографе читается «Скверну крови выпьет персть»; «персть» в значении «прах, пыль» у Иванова в переводах Эсхила встречается не раз. 2) Стихи 758–760: «Вздывает море так за валом вал: / Едва упадет один – новый, / Втрое грозней, налетает...». К «налетает» дан комментарий, что «слово в рукописи написано неразборчиво», но оно прочитывается как «напухает». «Вал» в соседстве с тем же глаголом можно найти также в стихотворении из сборника «Прозрачность»: «Ты — море. Лоб твой напухает, / Как вал крутой...». В «Агамемноне»: 1) Стих 204: «Не сон ли, ночью виденный, за вещей множь» — в рукописи вместо «множь» стоит «мнишь». 2) Стих 620: «К чему друзей мне тешить вестью радостной» — в рукописи вместо «вестью» читается «лестью». 3) Стих 644: «Таких вестей слагая грудь, поет гонец» — в автографе вместо «грудь» читаем «груз». 4) Стих 1220: «В горестях окровавленных держат снесь...» — в автографе вместо «горестях» читается «горстях». 5) Стих 824 «Агамемнона»: «Загрыз аргивский зверь и в прах зарыл народ». В примечании к нему указано, что «в римской рукописи описка: стих восстановлен по варианту Ф. А. Петровского» (*Эсхил, 1989. С. 98*), то есть по изданию 1950 года. Ни в одной из семи рукописей «Агамемнона» такой вариант нами не обнаружен, везде 824 стих читается как «Народ загрыз и в прах зарыл аргивский зверь».

¹³⁸ *Aeschylī septem quae supersunt tragoedias / Edidit D. Page. Oxonii, 1972. Эсхил, 1989. С. 523.*

некоторые стихи, посчитав, что они являются поздними вставками. Таким образом, на наш взгляд, куда целесообразнее ориентироваться на нумерацию, которую предпочел переводчик, определив, каким изданием Иванов пользовался в своем труде, чтобы в случае необходимости читатель мог найти нужное место в тексте оригинала и наоборот.

Эти недостатки уже были отмечены исследователями. Так, Я. М. Боровский в своей рецензии, написанной вскоре после выхода книги, но напечатанной гораздо позднее,¹³⁹ указал на опечатки и неясности, которые необходимо устранить при последующем переиздании переводов Иванова. Его упреки имеют преимущественно общезнакомый и общекультурный характер, тогда как замечания Н. Н. Казанского¹⁴⁰ в статье, посвященной ивановским переводам Эсхила, напрямую затрагивают вопросы текстологии. Исследователь сравнил рукописи, содержащие перевод «Агамемнона», и пришел к выводу, что эту трагедию следует печатать не по автографу 1913 года из РАИ, на который ориентировано издание 1989 года, а по более поздней машинописи, предположительно датированной серединой 20-х годов (РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 10. Л. 1–29).

Отдельную трудность для издателя переводов Вяч. Иванова представляет их орфография: после проведения реформы Иванов отказался от старых орфографических правил, что явствует из рукописей, однако сохранил «фиту» в тех словах, которые были заимствованы или транслитерированы в русский язык из древнегреческого и содержали греческую букву «тету». Так, например, в «Дионисе и прадиионисийстве», изданном в 1923 году, то есть после реформы, «фита» сохранена. В некоторых машинописях им (либо другим лицом по его

¹³⁹ *Боровский Я. М.* Эсхил в переводе Вячеслава Иванова. Рец. на кн.: Эсхил. Трагедии / В переводе Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989 // Боровский Я. М. Opera philologica / Изд. подгот. А. К. Гаврилов, В. В. Зельченко, Т. В. Шабурина. СПб., 2009. С. 51–56. (Ранее опубли.: Древний мир и мы. СПб., 1997. Вып. 1. С. 214–220). Отметим, что в Античном кабинете в Санкт-Петербурге (Bibliotheca Classica Petropolitana) хранится экземпляр издания 1989 года, принадлежавший Боровскому, с его многочисленными пометами, которые также представляют ценность при исправлении опечаток и ошибок прочтения рукописей.

¹⁴⁰ *Казанский, 2003.* С. 15–24.

просьбе) проставлена «фита». В письме к О. А. Шор от 16 октября 1926 года Иванов пишет: «Кстати о фите. Она необходима в трудах о классической древности (я ее провел в своей книге о Дионисе, иначе получилась бы бессмыслица: исследование было бы и смешно, и лишено — буквально — смысла). Эгисфа, Фив, Талфибия, Фиеста на свете не было. Фита в греческих словах совсем другое, чем ферт. Надеюсь, что мое упорствование в борьбе против засилья этого хулигана и влюбленность в престарелую фиту не покажутся “сущей ересью” и контрреволюцией нашим старообрядцам “новой” (кадетской и уже оказывающей разрушительное влияние на русскую речь, на язык наш) „орфографии“». ¹⁴¹ То же, только без слова «контрреволюция» и без фразы о разрушительном влиянии новой орфографии Иванов написал в предисловии, отправленном им в Москву. ¹⁴² Как мы видим, для Иванова была крайне важна этимология слов, в частности, имен собственных, о чем говорит как приводимая выше цитата, так и акцент на этом в работе «Дионис и прадионисийство». На наш взгляд, при подготовке нового издания трагедий Эсхила в переводе Вяч. Иванова необходимо взвесить, с одной стороны, волю автора, а с другой — современные эдиционные принципы и горизонт ожиданий современного читателя, которого от орфографической реформы отделяет столетний промежуток.

Таким образом, несмотря на важное значение издания 1989 года, назрела необходимость в новом, тщательно выверенном издании ивановских переводов, в котором будут учтены не рассмотренные ранее источники текста, а принципы его подачи будут детально аргументированы.

¹⁴¹ Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор. С. 238.

¹⁴² РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. № 29. Л. 1. О важности сохранения старой орфографии, которая отражает эллинское влияние на русский язык, Вяч. Иванов писал также в статьях: *Иванов В. И.* К вопросу об орфографической реформе: [рец. на кн.:] Архимандрит Мефодий (Великанов), член орфографической комиссии. К вопросу о реформе русского правописания. СПб., 1905 // Вопросы жизни. 1905. № 9 (сент.). С. 254–256; *Иванов Вяч.* Наш язык // Из глубины: сб. статей о русской революции С. А. Аскольдова, Николая Бердяева, Сергея Булгакова, Вячеслава Иванова, А. С. Изгоева, С. А. Котляревского, В. Муравьева, П. Новгородцева, И. Покровского, Петра Струве, С. Франка. М., Пг., 1918. С. 133–140.

Раздел II. СИМВОЛЫ И ПОНЯТИЯ

Глава 1. Двойной топор (лабрис) в переводе «Орестей» и его символика в творчестве Вяч. Иванова

§ 1. Двойной топор в «Орестее»

Согласно Эсхилу, Клитемнестра убила своего супруга Агамемнона, набросив на него покрывало, в котором тот запутался и не смог сопротивляться. Поскольку Эсхил нигде однозначно не называет само орудие убийства, этот вопрос стал предметом дискуссий среди исследователей. Краткое изложение основных точек зрения можно найти, например, в комментарии к «Агамемнону» Эдуарда Френкеля.¹⁴³

Согласно первому мнению, которого, в частности, придерживался Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф, Клитемнестра убила Агамемнона при помощи секиры или топора. Хотя у Эсхила здесь не все ясно, такая традиция нашла свое отражение в трагедиях более поздних авторов, а именно у Софокла и Еврипида, а также в изобразительном искусстве. Поскольку топор как орудие убийства Агамемнона фигурирует в произведениях литературы и изобразительного искусства (по преимуществу) более позднего времени, чем трагедия Эсхила, Э. Френкель считает, что нельзя уверенно считать эту традицию первоначальной.¹⁴⁴ Сразу следует отметить, что топор, с которым Клитемнестра изображается, например, в вазописи, — это двойной топор, то есть имеющий два лезвия с двух сторон. В греческом языке он обозначается словом *πέλεκυς*,¹⁴⁵ однако в научной традиции двойной топор как артефакт не только греческой культуры, но и любой другой принято называть словом «лабрис» (*labrys* — греч.

¹⁴³ *Fraenkel, 1950. Vol. 3. P. 806–809.*

¹⁴⁴ *Fraenkel, 1950. P. 809.*

¹⁴⁵ Гомеровское слово для обозначения топора с одним лезвием: *ἡμιπέλεκκον* (Hom. II. 23. 851, 858, 883).

λάβρυς)¹⁴⁶, которое встречается лишь однажды у Плутарха (*Aetia Romana et Graeca* 302a. 8) как лидийское слово, соответствующее греческому πέλεκυς.¹⁴⁷

Согласно другой точке зрения, орудием убийства Клитемнестре послужил меч: одним из аргументов служат стихи 1262–1263 из «Агамемнона», которые будут рассмотрены далее.

Наконец, согласно третьему мнению, которого придерживается Френкель, однозначно ответить на этот вопрос невозможно, так как Эсхил нарочно употребляет разные слова для обозначения орудия убийства — ему важно его не назвать, чтобы акцентировать внимание на покрывале, брошенном на Агамемнона, как инструменте женского коварства и хитрости.¹⁴⁸

Вячеслав Иванов придерживается первой точки зрения, причем в его переводе «обоюдоострая / двуострая секира» или «двуострый топор» встречаются даже там, где их нет в греческом тексте.

В своей книге «Дионис и прадионисийство» Вяч. Иванов пишет о «царстве двойного топора, милого женщинам и царящего, как таинственный символ, над Эсхиловой Орестеей, в которой еще могущественно звучит старинная обида женщины за утрату ее бывшего господства».¹⁴⁹ Что же имеет в виду Иванов в этом пассаже, говоря о двойном топоре как о «таинственном символе»? Какова его символика в «Орестее» и почему он имеет отношение к некой «старинной обиде женщины за утрату ее бывшего господства»? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся сначала к самому тексту «Орестей» и рассмотрим те места, в которых в переводе Иванова фигурирует двойной топор или секира.

В ряде пассажей «Орестей» орудие убийства Агамемнона называется, либо присутствует хотя бы намек на него. Так, в трагедии «Хоэфоры»

¹⁴⁶ Подробнее о его применении, изображениях, археологических находках и т. д.: *Ganschinietz R. Labrys // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1924. Hbd. 23. Sp. 286–307.*

¹⁴⁷ Λυδοὶ γὰρ «λάβρυν» τὸν πέλεκυν ὀνομάζουσι — «лидийцы называют топор “лабрисом”».

¹⁴⁸ *Fraenkel, 1950. P. 809.*

¹⁴⁹ *ДП. С. 251.*

(«Плакальщицы») слуга сообщает Клитемнестре о том, что Эгисф убит Орестом, и она требует принести ей топор:

δοίη τις ἀνδροκμήτα πέλεκυν ὡς τάχος (Ch. 889).

Дословно: «пусть кто-нибудь как можно скорее даст мне **топор-мужеубийцу**».

Перевод Иванова: «Эй, **секиру** мне **двуострую**, / **Мужеубийцу!**» (Ch. 889–890)

В этом пассаже топор является, скорее, орудием для обороны,¹⁵⁰ и комментаторы отмечают, что, во-первых, нет оснований видеть в πέλεκυς то же орудие, при помощи которого был убит Агамемнон,¹⁵¹ а во-вторых, существует другая традиция, нашедшая отражение, в частности, в вазописи,¹⁵² согласно которой Клитемнестра присутствовала при убийстве Эгисфа и пыталась защитить его при помощи меча.¹⁵³ Иванов добавляет в перевод эпитет «двуострая», который отсутствует в приведенном выше тексте Эсхила, таким образом поясняя слово πέλεκυς, обозначающее двойной топор.

Во втором пассаже, который нас интересует, хор сообщает о гибели Агамемнона:

ᾠμοι μοι, κοίταν τάνδ' ἀνελεύθερον, / δολίῳ μόρῳ δαμείς / ἐκ χειρὸς [δάμαρτος]
ἀμφιτόμῳ βελέμῳ (Ag. 1494–1496).

Дословно: «увы мне, ложе это рабское! / Вероломным роком убит / от руки [жены] при помощи **обоюдоострого дротика**».

Перевод Иванова: «Горе и стыд очам! Ложе позорное! / Пал, женой осетен вероломной, / Свержен ударом **двойной секиры!**»

¹⁵⁰ «A typical emergency weapon» (Prag A. J. N. *The Oresteia — Iconographic and Narrative Tradition*. Warminster, 1985. P. 82).

¹⁵¹ *Aeschylus. Choephoroi / With introduction and commentary by A. F. Garvie*. Oxford, 1986. P. 289–290.

¹⁵² Впрочем, есть также изображения, на которых Клитемнестра, спешащая на помощь убиваемому Эгисфу, представлена с двойным топориком в руке: s.v. *Klytaimestra* (fig. 16) // *LIMC*.

¹⁵³ *Tierney M. Three notes on the Choephoroi // The Classical Quarterly*. 1936. Vol. 30, № 2. P. 103.

Существительное βέλεμνον обозначает метательное орудие, но никак не топор и не меч (если только не считать, что здесь, как и в следующем случае, это «оружие» вообще), однако Иванов переводит его как «двойная секира». Конъектуры δάμαρτος («жены») после слов ἐκ χερῶς, предложенной Р. Энгером, нет в изданиях Кирхгофа и Вейля, но ее учитывает Виламовиц-Меллендорф.¹⁵⁴ Нужно думать, что на Иванова мог оказать влияние перевод Виламовица, увидевший свет в 1900 году,¹⁵⁵ тем более что в переводе этого пассажи фигурирует двойная секира: «Wie liegst du so schmähdlich / gefällt durch Verrat. / Es schlug dich **das Beil mit doppelter Schneide**. / Es führte den Streich / dein eigenes Weib» («Как лежишь ты позорно, / сраженный предательством. / Тебя сразила секира с двойным лезвием. / Удар нанесла / твоя собственная жена»)¹⁵⁶

Далее, Кассандра, в исступлении предсказывающая свою гибель и убийство Агамемнона, несколько раз упоминает орудие убийства, в качестве которого в одном месте фигурирует копье, в другом — меч, а в третьем — она намекает на забивание жертвы камнями. Эсхил здесь нарочно избегает какой-либо ясности, но пророчество оно на то и пророчество, чтобы не быть однозначным.

ἐμοὶ δὲ μῖνετ' ὄμφηκεῖ δόρι (Ag. 1149).

Дословно: «а мне остается расщепление двуострого копья / древка».

Перевод Иванова: «Мне ж — от **секиры обоюдоострой** пасть!»

Э. Френкель предполагает, что слово δόρι, которое употребляется для обозначения древка копья или может означать само копье, здесь следует понимать шире — как «оружие»,¹⁵⁷ но такая интерпретация необязательна, если принимать во внимание, что это пророчество Кассандры, которое и не должно во

¹⁵⁴ Wilamowitz, 1914. P. 237.

¹⁵⁵ Мы уже отмечали ранее, что греческий текст «Агамемнона» с немецким переводом Виламовиц издал ранее, в 1885 году, но никаких свидетельств о том, что Иванов имел в распоряжении эту книгу, у нас нет.

¹⁵⁶ Wilamowitz, 1901. S. 106–107.

¹⁵⁷ Fraenkel, 1950. P. 527.

всех деталях соответствовать грядущим событиям. В переводе Виламовица здесь «ein Streich mit scharfem Beil» («удар острой секиры»)¹⁵⁸

В следующих строках Кассандра утверждает, что Клитемнестра точит меч, готовясь к убийству Агамемнона. Хотя здесь употреблено слово *φάσγανον*, которое обозначает меч, Иванов переводит это слово как «топор», что не соответствует оригиналу:¹⁵⁹

κάλεύχεται, θήγουσα φωτὶ *φάσγανον*, / ἐμῆς ἀγωγῆς ἀντιτείσεσθαι φόνον (Ag. 1262–1263).

Дословно: «и она похваляется, точа **меч** на мужа, / что отплатит убийством и за мой увод [в плен]».¹⁶⁰

Перевод Иванова: «Точа **топор-цареубийцу**, выместит / И на царевой спутнице ревнивый гнев».

Наконец, в следующей реплике, насыщенной сравнениями и олицетворениями, Кассандра говорит о *θῦμα λεύσιμον*, то есть «жертве, забиваемой камнями» — эта метафора в переводе Иванова отсутствует.

ἐῆ, παλαῖ παλαῖ, τί τόδε φαίνεται; / ἦ δίκτυόν τί γ' Αἰδοῦ; / μάλ' ἄρκυς ἂ ξύνευνος, ἂ ξυλαιτία / φόνου. στάσις δ' ἀκόρετος γένει / κατολολυξάτω θύματος λευσίμου (Ag. 1114–1118).

Дословно: «увы, увы, что это мне видится? / Невод ли это Аида? / Это сеть, с которой она спала, сопричастная / убийству. Ненасытный раздор для рода / пусть завопит над жертвой, забиваемой камнями».

Перевод Иванова: «А!.. а!.. Увы! Увы! Что я увидела? / Аида сеть! **Секира!** / **Топор двуострый!** С ним она, с убийцею, / Давно спала... Демон семьи, Раздор, / Жадный, ликуй! Вдыхай крови дым. Грех свершен».

¹⁵⁸ Wilamowitz, 1901. S. 91.

¹⁵⁹ Стоит отметить, что в переводе Виламовица здесь — «das Messer» («нож»), так что нельзя сказать, что Иванов всегда слепо следует его переводу тех мест, где речь идет об оружии убийства. Wilamowitz, 1901. S. 96.

¹⁶⁰ Т. е.: «убьет и меня».

В издании греческого текста «Агамемнона», подготовленного Виламовицем, в стихе 1116 есть исправление, принадлежащее издателю: его начало вместо ἄλλ' ἄρκυς ἢ ζύνευος читается как ἄλλ' ἢ γένυς ζύνευος (досл. «секира, которая спит вместе»)¹⁶¹.

В переводе Виламовица стихи 1114–1118 переданы так:

«Sieh' da, sieh' da. / Was ist denn das? Ein Höllennetz. / **Das Beil**, das ist ein alter Mordgeselle, / das schlief in ihrer Kammer. / Des scheusslichen Opfers freue sich jubelnd / Hader, des Hauses gieriger Geist»

«Посмотри сюда, посмотри! / Что же это такое? Адская сеть. / **Топор**, старый соучастник убийства, / который покоился в ее комнате. / Отвратительной жертве радуйся, ликуя, / Раздор, ненасытный дух дома»¹⁶².

Таким образом, Виламовиц в переводе следует своему исправлению в греческом тексте («das Beil» — «топор», «секира»).

В нескольких пассажах инструмент убийства и вовсе не указан, однако в переводе Вяч. Иванова появляется «топор» или «секира». Так, например, Кассандра пророчит свою гибель и говорит, что ей остается только молить о легкой и быстрой смерти:

¹⁶¹ Wilamowitz, 1914. S. 222. Это место трудно понять, поэтому считается, что оно испорчено. Слово ἄρκυς («сеть» — как рыболовная, так и охотничья, в отличие от δίκτυον, означающего только рыболовную сеть) понимается исследователями либо как синоним к δίκτυον (то есть метафорическое обозначение покрывала или пеплоса, в котором запутывается Агамемнон), либо как обозначение самой Клитемнестры, поскольку ἢ ζύνευος дословно переводится «та, которая спит вместе» и может обозначать жену. Если придерживаться первого мнения, то ἢ ζύναιτία φόνου (досл. «совиновница убийства») дает прекрасный смысл: покрывало как инструмент убийства, наряду с топором или мечом (см.: Fraenkel, 1950. P. 503–504). Однако остается неясным, как тогда понимать ἢ ζύνευος: исправление Виламовица явно излишне и никем более из исследователей не поддерживается. Перевод Иванова «с ним она, с убийцею, / Давно спала...», который звучит несколько комично и, возможно, ориентируется на «das schlief in ihrer Kammer», предполагает, что Клитемнестра давно приготовила оружие убийства, держа его наготове в своей комнате, что, однако, является лишь домыслом переводчика.

¹⁶² Wilamowitz, 1901. S. 90.

ἐλεύχομαι δὲ καιρίας πληγῆς τυχεῖν, / ὡς ἀσφάδαστος, αἱμάτων εὐθνησίμων / ἀπορρυνέντων, ὄμμα συμβάλω τόδε (Ag. 1292–1294).

Дословно: «Прошу смертельный удар мне встретить / так, чтобы без мучений (или: без судорог), когда кровь / вытечет, принеся легкую смерть,¹⁶³ я закрыла глаза».

Перевод Иванова: «Одно желанье на устах: без промаха / Рази, **топор**, чтоб я не билась, чтоб зараз / Жизнь вытекла из жарких жил — и свет потух!»

В последней реплике Кассандры есть слово «удар» (πληγή), которое мало что говорит об орудии убийства. Оно же (или однокоренной глагол) встречается в некоторых других пассажах, где речь идет о гибели Агамемнона уже как о свершающемся событии. В переводе Иванова там так же присутствует «топор» / «секира», которого нет в греческом тексте.

1. {Аγ.} ὄμοι, πέπληγμαί καιρίαν <πλευρῶν> ἔσω.

{Хо.} σῖγα: τίς πληγὴν ἀϋτεῖ καιρίως οὐτασμένος; (Ag. 1343–1344)

Дословно: «Агамемнон: увы, я сражен смертельным ударом.¹⁶⁴

Хор: Тихо! Кто это кричит, смертельно раненный ударом?»

Перевод Иванова:

«Агамемнон (изнутри дома): **Секирой** насмерть я сражен в моем дому!

Предводитель хора: Тише! Чье стенанье слышу под ударом **топора?**»

2. (Клитемнестра):

καὶ πεπτωκότι / τρίτην ἐπενδίδωμι, τοῦ κατὰ χθονός / Διὸς¹⁶⁵ νεκρῶν σωτήρος, εὐκταίαν χάριν (Ag. 1385–1387).

¹⁶³ εὐθνήσιμος — прилагательное, которому невозможно найти точное соответствие в русском языке, состоит из двух казалось бы несовместимых по смыслу компонентов: εὐ- «благой, хороший» и -θνήσιμος, связанного θνήσκω «умирать» и θάνατος «смерть».

¹⁶⁴ ἔσω «в, внутрь» Иванов понимает как «в моем дому», хотя комментаторы и издатели считают, что речь идет о глубокой ране (*Fraenkel, 1950. P. 633*). Ср. в переводе Виламовица, который принимает конъектуру Вейля *πλευρῶν* вместо рукописного *πληγὴν*: «Weh mir, ich bin ermordet, tödlich traf der Schlag» (*Wilamowitz, 1901. S. 100*). Ивановская ремарка «изнутри дома» соответствует ремарке в переводе Виламовица «von innen».

¹⁶⁵ Исправление вместо рукописного Ἰδίου.

Дословно: «и упавшего я в третий раз ударила — для подземного / Зевса, спасителя мертвых, посвятельный дар».¹⁶⁶

Перевод Иванова: «И в третий раз / Взнеслась **секира** — в дар обетный спасу душ / И солнцу мертвых, Зевсу подземельных недр».

3. (Клитемнестра):

αὐχεῖς εἶναι τόδε τοῦργον ἐμόν· / μηδ' ἐπιλεχθῆς / Ἀγαμεμνονίαν εἶναι μ' ἄλοχον (Ag. 1497–1499).

Дословно: «Ты думаешь, что это мое деяние: / не считай, что / я супруга Агамемнона».¹⁶⁷

Перевод Иванова: «Не мое это дело, хоть руки мои / Заносили **топор**. / Все ж подумай, старик: Агамемнон — мне муж!..».

Наконец, следующие два пассажа не связаны с убийством Агамемнона и Кассандры, однако и там в переводе Иванова возникает образ секиры.

Клитемнестра, встретив прибывшую с Агамемноном Кассандру, которая медлит войти во дворец, говорит ей:

οὗτοι θυραῖαν τήνδ' ἐμοὶ σχολὴν πάρα / τρίβειν· τὰ μὲν γὰρ ἐστίας μεσομφάλου / ἔστηκεν ἤδη μῆλα πρὸς σφαγὰς πάρος (Ag. 1055–1057).

Дословно: «У меня нет времени, чтобы тратить его возле дверей, так как овцы для заклания уже стоят у центрального алтаря».

Перевод Иванова: «Досуга нет мне медлить. У срединного / Палат царевых жертвенника овцы ждут / **Секиры** острой».¹⁶⁸

Возможно, что в этих словах есть намек на то, что Кассандра будет убита, словно овцы, приносимые в жертву в честь возвращения Агамемнона, однако в оригинале слово «секира» отсутствует: так Вяч. Иванов переводит

¹⁶⁶ Здесь, вероятно, обыгрывается тот факт, что в честь Ζεὺς Σωτήρ (Зевса Спасителя) обычно совершалось третье возлияние: *Fraenkel, 1950. P. 652.*

¹⁶⁷ Эти стихи содержат текстуальные трудности, на которых мы не будем здесь останавливаться (об этом: *Fraenkel, 1950. P. 707–711; Aeschylus: Agamemnon / Ed. J. D. Denniston and D. L. Page. Oxford, 1957. P. 207–208.*)

¹⁶⁸ Так во второй редакции (*AM3*): РГБ. Ф. 583. Карт. 14. № 18. Л. 36.

существительное «σφαγή» — то есть «убийство», «заклание» (глагол σφάττω «закалывать» — обычно именно о жертвенном животном). Интересно, что в первой редакции перевода «Агамемнона» было: «Досуга нет мне медлить здесь. Уж агнцы ждут / Заклания у жертвенника среднего / Палат царевых»¹⁶⁹ — таким образом, «секира» была добавлена в текст позже.

Во втором фрагменте вестник, прибывший в Аргос, сообщает о кораблекрушении, постигшем войско Агамемнона:

πόλει μὲν ἔλκος ἐν τὸ δῆμιον τυχεῖν, / πολλοὺς δὲ πολλῶν ἐξαγισθέντας δόμων / ἄνδρας
διπλῆ μάστιγι, τὴν Ἄρης φιλεῖ, / **δίλογγον ἄτην**, φοινίαν **ξυνορίδα** (Ag. 640–643).

Дословно: «[вестник сообщает], что государству выпала единая рана, затронувшая весь народ, / что изъяты из многих домов много / мужей **двойным бичом**, который любит Арес — / рок с **двойным острием**, кровавую **упряжь**».

Перевод Иванова: «Всем плач двойной творить — по граду общиной, / В домах — по кровным! В каждый дом вошел Арей / **С двуострою секирой**, алча красных жертв! / Всех **ранил обоюдо-изошренный рок!**»

Комментаторы считают, что словосочетание διπλῆ μάστιγι («двойным бичом») можно понять следующим образом: война затронула как государство в целом, так и каждый отдельный дом в частности. Прилагательное δίλογγον возможно интерпретировать как «с двумя копьями» или (что менее вероятно) — «с двумя остриями».¹⁷⁰ Таким образом, никакой «двуострой секиры» у Эсхила в этом фрагменте нет.

§ 2. Двойной топор в статьях и работах Вяч. Иванова

Чтобы понять, почему для Вяч. Иванова так важно показать, что именно обоюдоострый топор явился орудием убийства Агамемнона, обратимся к его

¹⁶⁹ Эсхил, 1989. С. 104.

¹⁷⁰ Fraenkel, 1950. P. 319. Aeschylus: Agamemnon / Ed. J. D. Denniston and D. L. Page. Oxford, 1957. P. 129.

работам о греческой трагедии и религии Диониса. Самый ранний текст, в котором упоминается двойной топор, это работа Иванова «Эллинская религия страдающего бога» (1904). Автор, говоря о Кносском дворце на Крите и его знаменитых фресках, пишет:

«Стенные фрески Лабиринта, храма или дворца, посвященного “богу двойного топора”, изображают род боя быков, где жертвами разъяренных животных оказываются отданные им на добычу пленники. Миф о растерзании Дирки, привязанной к дикому быку, позволяет видеть в этом обычае элементы религии дионисического характера. <...> На Тенедосе, где Дионису был усвоен упомянутый символ двойного топора, приносился в жертву телец; перед жертвоприношением на копыта тельца надевались котурны — высокая обувь, употребительная в трагедиях, и тот, кто нанес топором удар жертве, спасался к морю от предполагаемого преследования мстителей за убийство, — что повторяется и в обряде аттических Буфоний».¹⁷¹

Далее Вяч. Иванов отождествляет «критского бога двойного топора» с Зевсом и утверждает, что это божество — прообраз Диониса на Крите.¹⁷² То же он повторяет позже в следующей статье «Религия Диониса» (1905), продолжая заявленную тему: «Религия критская — религия Артемиды и некоего Дионисова первообраза; и священная пляска, конечно, отрасль оргиастических обрядов критского бога двойного топора».¹⁷³

В процитированном выше отрывке автор «Эллинской религии» по своему обыкновению произвольно, не приводя ссылок, соединяет относящиеся к разному времени и локализуемые в разных областях античного мира свидетельства. Слово «лабиринт» (λαβύρινθος) для Вяч. Иванова уже

¹⁷¹ Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. № 5. С. 29–30. Ср.: *Символ*, 2014. С. 87–88.

¹⁷² Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. № 9. С. 52. Ср.: *Символ*, 2014. С. 113.

¹⁷³ Иванов В. И. Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 126–127. *Символ*, 2014. С. 179.

существенно ввиду возможной и, вероятно, предполагавшейся им этимологической связи с λάβρυς.¹⁷⁴ Очевидно, именно эта связь позволила утверждать, что «Лабиринт» (т. е. Кносский дворец) посвящен «богу двойного топора». Пусть даже двойные топоры, в том числе вотивные, их изображения на керамике, печатях и в качестве орнаментального элемента найдены на Крите в большом количестве,¹⁷⁵ подобное утверждение трудно считать обоснованным. Двойной топор на Крите, вполне возможно, являлся элементом культа, будучи каким-то образом объединяем с быком: фасады святилищ и алтари (в том числе на изображениях) нередко увенчаны каменными бычьими рогами («рогами посвящения», как их именуют археологи), причем между рогами иногда помещается лабрис. О характере культа остается только гадать. Что на фресках изображен «род боя быков, где жертвами разъяренных животных оказываются отданные им на добычу пленники», доказать опять-таки нечем: на прославленной фреске¹⁷⁶ изображены три искусных акробата, но нет никаких оснований считать их обреченными на смерть пленниками.¹⁷⁷ О жертвоприношении на Тенедосе сообщает только Элиан (*De natura animalium*. 12, 34); источник неизвестен, зато хорошо известно, насколько недостоверны подчас приводимые этим писателем сведения.

С «богом двойного топора» и Дионисом Вяч. Иванов также связывает и других богов или героев, в чьем культе или изображениях фигурирует двойной топор. К ним относятся хеттский бог Тешуб,¹⁷⁸ изображаемый с двойным

¹⁷⁴ *Chantraine*. P. 610. В новейшем словаре данная этимология признается спекулятивной: *Beekes R. Etymological Dictionary of Greek*. Leiden; Boston, 2010. P. 819.

¹⁷⁵ *Nilsson M. P. The Minoan-Mycenaean Religion and Its Survival in Greek Religion*. Lund, 1950. P. 194–235. *Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion*. München, 1955. S. 275–278.

¹⁷⁶ Подробное описание: *Shaw M. C. The Bull-Leaping Fresco from below the Ramp House at Mycenae: A Study in Iconography and Artistic Transmission // The Annual of the British School at Athens*. 1996. № 91. P. 167–190.

¹⁷⁷ *Marinatos N. Minoan Religion: Ritual, Image, and Symbol: Studies in Comparative Religion*. Columbia, 1993. P. 213–220.

¹⁷⁸ ДП. С. 272.

топором в руках, хеттский бог Сандон, карийский Зевс Лабрандий,¹⁷⁹ а также греческий Геракл.¹⁸⁰

Кроме того, к ним добавляются Макарей и Ликург. О Макарее Вяч. Иванов пишет, что он — «первоначально прадионисийский оргиастический бог, потом грозный и вместе страдальческий герой, коему приносятся жертвы на его гробнице, наконец — quasi-историческое лицо...».¹⁸¹ Он приводит легенду, о которой сообщает Клавдий Элиан (*Varia historia* 13. 2): митиленский жрец Диониса Макарей в гневе убил тирсом свою жену за убийство их сына, которого та умертвила за то, что юноша «убил брата отцовским жреческим оружием (sphagis), подражая священнослужению отца, и сжег тело отрока на алтаре Дионисовом в пору празднования триетерий».¹⁸² Ключевое слово в этом тексте для Иванова — σφαγίς, обозначающее здесь некое орудие для жертвоприношений, в котором он, конечно же, усматривает двойной топор.¹⁸³ Сам Иванов ссылается на статью К. Тюмпеля, который считал Макарея «божественным существом», связанным с культом митиленского Диониса.¹⁸⁴

Другой подобный персонаж — это Ликург, фракийский царь эдонов, о котором упоминается в «Илиаде» (Ном. II. 6, 130).¹⁸⁵ За то, что Ликург изгнал Диониса, он был наказан безумием и, приняв своего сына за виноградную лозу, убил его, разрубив на куски топором. Упоминаемый Гомером βουλλήξ Ликурга,

¹⁷⁹ ДП. С. 3, 140.

¹⁸⁰ «В свою раннюю пору Геракл (по-видимому — Сандон хеттского Тарса) был прадионисийским сопредстольником оргиастической богини, умирающим на костре и воскресающим, увенчанным виноградными гроздиями, грозным своими рогами и обоюдоострой секирой». Там же. С. 69.

¹⁸¹ ДП. С. 11.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ «...жреческая „сфагида“, под которою, в данном случае, едва-ли не разумеется двуострая секира» (ДП. С. 11).

¹⁸⁴ *Tümpel K. Lesbiaka // Philologus. 1889. № 2. S. 118.* В свою очередь, ссылку на эту статью Иванов, очевидно, извлек из статьи того же автора в «Лексиконе» Рошера: *Tümpel K. Makareus 8 // Roscher. Bd. 2. Sp. 1894–1897, 2291.*

¹⁸⁵ ДП. С. 9. Прим. 3.

в отличие от σφαγίς, по-видимому, может обозначать топор.¹⁸⁶ Иванов пишет следующее:

«что такое *buplêx* (Hom. Z 135)? Конечно, не тирс, который неправильно усмотрели некоторые в этом оружии, но или рожон, бодило (прободающая „сулица“, как перевел гомеровское слово Гнедич), следовательно — *kentron* буколов, или же двойной топор, обоюдоострая секира. В пользу приписания Ликургу именно секиры (*labrys*) говорят и схолии, и все античные изображения Ликурга...».¹⁸⁷

Сам миф о Ликурге позволил Вяч. Иванову усмотреть и в этом персонаже прадионисийское божество: «в лице Ликурга, лютого волка плотоядного (*ômetês, lykos ômorphagos*), легко узнается фракийский пра-Дионис Омадий».¹⁸⁸

Как же отразился культ двойного топора в греческой трагедии? Сама трагедия, по мнению Вяч. Иванова, обязана своим возникновением дифирамбу, или, как он его называет, «песне топора» («песне двуострой секиры»¹⁸⁹), которая первоначально исполнялась женским хором. В статье «О существе трагедии» (1912) в сжатом виде представлены те размышления о дифирамбе и хоре, которые будут более подробно проиллюстрированы примерами из греческих религиозных обрядов и мифов позже в «Дионисе и прадионисийстве»:

«Когда дифирамб, песнь Топора, — т. е. обрядовая хоровая песнь, сопровождавшая убиение быка обоюдоострою секирой в честь бога, атрибутом которого был двойной топор, у эллинов — Диониса, — стал достоянием «козлов», т.е. кругового хора в козлиных харях, и утратил связь с быком и топором, — в эту эпоху исконные носительницы дионисийских вдохновений — мэнады — давно были оттеснены мужскими служителями Диониса от всенародного празднования его страстей. За ними осталась сокровенная, мистическая область религии, важнейшее в культе, но лишь эсотерически-богослужебное — повременные мистерии горных радений, мужчинам

¹⁸⁶ βουπλήξ in: *LSJ*. P. 291.

¹⁸⁷ *ДП*. С. 9. Прим. 3.

¹⁸⁸ Там же. С. 9.

¹⁸⁹ Там же. С. 139.

недоступных, и другие особенные местные обряды. Уже и в позднейшую эпоху песни Топора женщины не участвуют в дифирамбе. В более древнюю эпоху было, по-видимому, не так, и дифирамбический хор был хором женским. По крайней мере, двойная секира осталась в предании оружием фракийских мэнэд и амазонок, амазонки же — лишь разновидность мэнэд; и на критских изображениях культа двуострой Секиры мы встречаем экстатические пляски жриц. <...> Хор в козлиных масках выработал «драму сатиров», которая вобрала в свой состав все, что было в первоначальном дифирамбе неустроенного, импровизованного, разнузданного и резвого. Все же героическое, похоронно-торжественное и плачевно-поминальное, высокое и важное стало достоянием того дифирамба — музыкального диалога между хором и протагонистом-героем, — откуда вышла трагедия».¹⁹⁰

Далее автор замечает, что об изначальной главенствующей роли женщин в обряде свидетельствует тот факт, что в трагедиях Эсхила женские персонажи представлены весьма ярко:

«Эсхил стремится выявить гигантские лики мужей-полубогов, но как бы принужден постоянно прибегать к женским образам. Вспомним его Клитэмнестру, Кассандру, Антигону; вообразим, по свидетельствам древности, его потерянную для нас Ниобу. В древнейшей и наиболее архаической из дошедших до нас трагедий главная роль принадлежит хору дев-Данаид. Действие «Персов» несет Атосса; прикованному Прометею противопоставлена, с большою, быть может, энтузиастическою силою изображения (и, конечно, самим Эсхилом, а не позднейшими издателями), — блуждающая Ио; и как Прометея-узника окружает хор Океанид, так освобожденного обступал смешанный хор Титанов и их жен».¹⁹¹

С менадами-вакханками, «исконными носительницами дионисийских вдохновений», в которых Вяч. Иванов видит прообраз трагического хора («Трагедия — мэнэда, и действующее лицо ее в древнейшем действе единственно — мэнэда. Действие происходит между богом и вдохновенною им женщиной, представленною хором; но древний хор сознает себя одним лицом,

¹⁹⁰ *Иванов Вяч.* О существе трагедии // *СС.* Т. 2 С. 196.

¹⁹¹ Там же. С. 197.

говорит о себе в единственном числе»¹⁹²) он также связывает амазонок¹⁹³ и эриний,¹⁹⁴ а подтверждение своего тезиса о ключевой роли женщин в отправлении культа пра-Диониса он видит в «экстатических плясках» критских жриц.¹⁹⁵

Если менады, согласно Вяч. Иванову, вооружены тирсами,¹⁹⁶ то амазонки и эринии — двойными топорами. Амазонки, действительно, в вазовой живописи, на рельефах, мозаиках и монетах очень часто изображаются как воительницы, вооруженные двойными топорами разного типа (симметричными или с острым шипом — прямым или изогнутым — с другой стороны от лезвия).¹⁹⁷

Что касается эриний, богинь мести и проклятия, то здесь не все так однозначно: утверждая, что «их дионисийские атрибуты изначальны, ибо не было основания, ни цели одарять их таковыми после: буколический *kentron*¹⁹⁸ или обоюдоострая секира и плющевой венки»,¹⁹⁹ в связи с *kentron* и «обоюдоострой секирой» Иванов приводит ссылку на статью из «Мифологического лексикона» В. Г. Рощера, в которой сказано, что эринии изображаются «с копьями, мечами, а на римских саркофагах также с двойными

¹⁹² Там же.

¹⁹³ «Вооруженные двуострыми секирами дикие служительницы Арея, девы-амазонки, составляют полный коррелят вооруженным тирсами менадам Диониса; общим для тех и других является и ближайшее культовое отношение к Артемиде» (*ДП*. С. 15).

¹⁹⁴ «Что Эринии во многом подобны менадам, — те и другие, например: „ловчие собаки“, — не подлежит сомнению; вопрос в том, позднее ли стали воображать и изображать их наподобие менад, или же они (Эринии, не Эвмениды) — стародавняя проекция в мифе культовой реальности менад первоначальных. Мы уверены в последнем...» (*ДП*. С. 51).

¹⁹⁵ Изображения женщин, участвующих в отправлении культа, были распространены на Крите, однако исследователи считают, что двойной топор, с которым изображаются жрицы, — это «не орудие для жертвоприношения, но, скорее, символ, точное значение которого полностью неясно» (*Marinatos N. Minoan Religion: Ritual, Image, and Symbol: Studies*. P. 145).

¹⁹⁶ Впрочем, встречаются изображения вакханок с двойным топором: например, сам Иванов ссылается (*Символ*, 2014. С. 165) на иллюстрацию, приведенную в статье О. Группе об Орфее (*Gruppe O. Orpheus // Roscher*. Bd. 3. Sp. 1185).

¹⁹⁷ Напр.: *Amazones // LIMC* (fig. 195, 233 (a), 383, 384, 434, 461 (a) 488, 703, 706 etc.). Такой боевой топор (в частности, у амазонок) называется греческими авторами словом *σάγυρις*.

¹⁹⁸ Т. е. стрекало.

¹⁹⁹ *ДП*. С. 51.

топорами».²⁰⁰ Отметим, что в «Lexicon iconographicum mythologiae classicae» среди описанных там 119 изображений эриний нет ни одного с двойным топором.²⁰¹ Чаще всего их атрибутами, которые они держат в руках, являются змеи, копье (либо палка — возможно, *kentron*), факелы,²⁰² реже — меч, а на ранних изображениях также встречаются растения или цветы. А. Розенберг, на которого ссылается Рапп, приводит описание двух саркофагов римского времени: на одном из них (музей Пио-Клементино) представлена сцена убийства Эгисфа и Клитемнестры, на другом (Латеранский музей) — Орест с Пиладом и тень Агамемнона.²⁰³ На обоих саркофагах в левом нижнем углу присутствует фигура спящей эринии — девушки в хитоне с обоюдоострой секирой. Идентичность двух фигур, а также некоторые общие композиционные сходства самих сцен заставляют думать, что оба саркофага, возможно, были выполнены в одной мастерской. Таким образом, секира встречается лишь в иконографии позднего времени, причем в контексте сцен из «Орестей», так что ее можно рассматривать здесь не столько как атрибут эринии, сколько как напоминание о деянии Клитемнестры.

Вернемся теперь к «Орестее» Эсхила. Образ Клитемнестры в интерпретации Иванова оказывается связан с тем культом, из которого возникла трагедия: Клитемнестра выступает здесь как жрица двойного топора, убивающая жертву-быка (с которым сравнивается Агамемнон). Но позже она сама становится жертвой Ореста, и таким образом круг «жрец — жертва»

²⁰⁰ «In der bildenden Kunst kommen sie öfter vor: Lanzen, Schwerter, auf römischen Sarkophagen auch Doppeläxte» (*Rapp A. Erinys // Roscher. Bd. 1. Sp. 1315*).

²⁰¹ *Sarian H., Delev P. Erinys // LIMC. Vol. III.1. P. 827–839.*

²⁰² Отметим, что с божествами или демонами типа эриний связывают этрусское хтоническое божество *Vanth*, которое изображалось обычно в виде крылатой женщины в охотничьей одежде и с факелами в руках. *Vanth* (иногда вместе с другим божеством — *Charun*) сопровождал души умерших в загробный мир. См. изображения: *Charun I (fig. 69, 71, 93, 106–109) // LIMC.*

²⁰³ *Rosenberg A. Die Erinyen: ein Beitrag zur Religion und Kunst der Griechen. Berlin, 1874. S. 45–49.*

замыкается.²⁰⁴ Иванов приводит цитату из Виламовица-Меллендорфа, который, как мы видели ранее, убежден в том, что орудием убийства Агамемнона ей послужил именно двойной топор:

«Значение топора в характеристике Клитэмнестры чутко выдвинул, но не вскрыл,²⁰⁵ однако, религиозных корней Эсхилова образа, Виламовиц-Меллендорф (gr. Tragoedien II, Orestie, S. 40): “Klytimestra erschlägt Agamemnon mit einem Beile, und sie lässt sich dasselbe wieder aus ihrem Frauengemache holen, als sie erfahren hat, dass der Bluträcher gekommen ist (Choeph. 880), aber wir erfahren nicht, weshalb es in ihrer Kammer als alter Mordgeselle schlief (1116), weshalb sie überhaupt ein Beil nahm: es war offenbar dasselbe, welches Atreus zum Zerhacken der Kinder gebraucht hatte, die er wie Opferthiere schlachtete und zerlegte. Es hatte in der Sage festgesessen; das merkt man bei Homer, wenn sie ihn fällen, wie die Holzhacker eine Eiche. Aber wenn der Geschlechtsfluch höher hinaufgeschoben ward, so musste auch das Corpus delicti älter sein... Das alte Symbol wirkt kaum noch²⁰⁶ (?)”. Но дело не в corpus delicti, а в тотеме и фетише. Определеннее

²⁰⁴ Говоря о концепции «жрец – жертва», одной из ключевых в философских построениях Иванова, нельзя не упомянуть о том, что этот мотив встречается и в его поэтическом творчестве, а именно в стихотворениях «Speculum Dianae», «Неведомому богу» («Кормчие звезды», 1903), «Слоки» («Прозрачность», 1904) и др. Обряд, предполагавший убийство жреца Дианы его преемником (об этом писал Дж. Фрезер в «Золотой ветви», 1890), вдохновил Иванова на написание стихотворения «Жрец озера Неми» (опубл. в альманахе «Факель», 1908). См. о мотиве жертвоприношения быка у Иванова: Павлова Л. В. «Жадным пламеням алтарным уготованы тельцы...»: о символике быка и мотиве жертвоприношения в лирике Вячеслава Иванова // Ученые записки Смоленского гос. пед. ун-та. Смоленск, 2003. (Русская филология. Т. 7). С. 39–48.

²⁰⁵ Критика Виламовица Ивановым также в статье последнего «Гуманизм и религия: О религиозно-историческом наследии Виламовица» (*Iwanow W. Humanismus und Religion: Zum religionsgeschichtlichen Nachlass von Wilamowitz // Hochland. 1933/34. Heft 10. S. 307–330; рус. перевод: Иванов В. И. Гуманизм и религия. О религиозно-историческом наследии Виламовица / Пер. с нем., комм. и послесловие К. Ю. Лаппо-Данилевского // Символ. 2009. № 53–54. С. 168–219*). В этой поздней статье Иванов, в частности, критикует высказывание Виламовица «Двойной топор не имел в Греции никакого религиозного значения» (*Иванов В. И. Гуманизм и религия. С. 208*).

²⁰⁶ *Wilamowitz, 1901. S. 40. «Клитемнестра убивает Агамемнона топором, и она велит принести его снова из своих женских покоев, как только она узнала, что убийца (Орест, убивший Эгисфа — Л. Е.) пришел (Хоэф. 880), однако мы не знаем, почему он покоился в ее комнате как старый соучастник убийства (1116), почему она вообще взяла топор: очевидно, это был тот же самый топор, который использовал Атрей для расчленения детей, которых он зарубил и разделал, словно жертвенных животных. Это закрепилось в легенде. Это можно*

означить круг обрядовых представлений, связанных с действием страстей Агамемноновых, чем это сделал Эсхил, — нельзя. Непосредственно после приведенного Виламовицем восклицания Кассандра переходит к другому видению: “А! а!.. Вот, вот... Держи, прочь от быка гони корову!... Рог бодает... Рог черный прободает плоть, увитую полотнами”... Это образы из культового круга обоюдоострой секиры и жертвенного бога-быка; и что культ этот имеет изначально отношение к *pathos* Агамемнона, показывает цитата из Гомера в комментарии Виламовица». ²⁰⁷

Орест, убивающий Клитемнестру, то есть жрицу двойного топора, и таким образом исполняющий функцию жреца, сам становится позже героем, страдающим от преследований женского хора эриний, что позволяет Вяч. Иванову сделать вывод о дионисийской природе Ореста:

«Орест — одна из определенно выраженных прадионисийских ипостасей. “Сын отчий” — (Ch. 1051) и столько же маска Диониса-Аида, сколько Агамемнон — Зевса, недаром приходит он гостем на навьи гостины афинских Анфестерий, безмолвный в круг безмолвствующих, как и подобает гостю с того света. „Горец“ по имени, пришлец с парнасских предгорий, он — подобие „горного скитальца“ (*oreiphoitês*), Великого Ловчего. Его гонит, как Актэона, охотничья свора Ночи и, обреченный Аиду обетным постригом, он одержим безумием: вот отличительное в его страстном обличи». ²⁰⁸

Вяч. Иванов предполагает, что в более древнем варианте мифа убийство Клитемнестры совершается им в безумии, в дионисийском исступлении, а Эринии (которые, как мы помним, по мнению Иванова, являются разновидностью менад, а значит — спутницами и жрицами прадионисийского божества) играют в сюжете «Орестей» первостепенную роль:

заметить у Гомера, когда она валит его (Агамемнона — Л. Е.) с ног, словно дровосек дуб. Но если родовое проклятие сдвигается в более раннее время, то и *corpus delicti* (состав преступления — Л. Е.) должен быть древнее. Древний символ едва ли еще имеет силу».

²⁰⁷ ДП. С. 65. Прим. 3.

²⁰⁸ ДП. С. 64.

«Первоначально матереубийство — убийство жрицы двойного топора — мыслилось содеянным в безумии, как и Алкмэоново матереубийство, по некоторым вариантам мифа, непредумышленно и бессознательно. Безумие, как следствие матереубийства, — уже аполлонийская версия. Певцы Гомерово школы, вообще чуждающиеся оргиастического мифа, предпочли вовсе умолчать об этом темном деле. <...> Эсхилово действие в некотором смысле реакция против аполлонийского видоизменения легенды и частичный возврат к более древней ее форме: Аполлон опять оказывается немощным очистить Ореста; очищает его, конечно, и не Ареопаг, чье решение только улаживает договор с Эвменидами; последнее слово и завершительное снятие недуга остается за ними».²⁰⁹

Работая над переводом Эсхила, Вяч. Иванов одновременно продолжал разрабатывать свою концепцию дионисизма.²¹⁰ В трагедиях Эсхила он искал подтверждение своих тезисов, поэтому при переводе делал акцент на тех деталях, символика которых была особенно значима для его концепции. Двойной, или обоюдоострый топор, присутствующий в литературной и живописной традиции об убийстве Агамемнона, но не называемый Эсхилом, постоянно фигурирует в переводе Иванова. Для него он был важен как атрибут жрицы прадионисийского божества (к ней, по мнению Иванова, восходит фигура Клитемнестры) и как орудие убийства этого божества, роль которого в обряде жертвоприношения играл человек, а позже — животное. Что касается «царства двойного топора» и «старинной обиды женщины за утрату ее бывшего господства», то здесь несомненно, нужно видеть отсылку к идее матриархата, которую Иванов принимал.²¹¹

²⁰⁹ ДП. С. 65.

²¹⁰ В письме к М. О. Гершензону от 20 декабря 1912 года он пишет: «"Агамемнон" же переводится; готова, по крайней мере, одна треть. Я углубляюсь в окончательную редакцию тома "Экскурсов" (монографических статей с филологическим аппаратом) к "Дионису" и рядом с этими филологическими историями идет Эсхил» (Вяч. Иванов: pro et contra, антология. СПб., 2016. Т. 2. С. 623).

²¹¹ См., напр.: ДП. С. 45; Иванов Вяч. 1) О достоинстве женщины // СС. Т. 3. С. 141. 2) Происхождение греческой трагедии // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. М., 2018. Вып. 3. С. 401–402. Прямые ссылки на работу И. Я. Бахофена «Материнское право», который, между прочим, трактовал суд в «Эвменидах» как отражение борьбы между мужским и

Глава 2. Понятие «грех» в переводах Вяч. Иванова из Эсхила

§ 1. «Грех»: значение

Одна из трудностей, с которой сталкивается переводчик древнегреческой трагедии, — это передача на русский язык тех понятий, которые не имеют в русском языке точных соответствий. Ряд таких понятий Вяч. Иванов передает при помощи слова «грех» и однокоренных с ним («грешник», «прегрешать» и др.).

Толковые словари русского языка выделяют несколько значений слова «грех». Так, например, в словаре В. И. Даля приводятся такие значения:

- 1) «поступок, противный закону Божию; вина перед Господом»;
- 2) «вина или проступок; ошибка, погрешность»;
- 3) «беда, напасть, несчастье, бедствие»;
- 4) «в тесн. значении распутство»;²¹²

В «Большом академическом словаре русского языка» даются четыре значения:

- 1) «у верующих — нарушение действием, словом или мыслью воли Бога, религиозно-нравственных предписаний, правил»;
- 2) «предосудительный поступок, ошибка, недостаток»;
- 3) «устар. разг. беда, несчастье»;

женским правом: *Иванов Вяч.* Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 192 (Ср.: *Символ*, 2014. С. 139). Подробнее: *Carpi G.* Дионисийская религия и матриархат: Вячеслав Иванов и Й.Й. Бахофен // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума. Вена, 1998 / Ред. С. Аверинцев, Р. Циглер. Frankfurt am Main, 2002. С. 261–272. В эссе «Древний ужас» Иванов писал следующее: «О том, в каких грандиозных и чудовищных формах утверждалось владычество женщин и женское единобожие, мы можем судить по энергии той мужеской реакции против женской деспотии и женского мужеистребления, которая еще живо памятна автору Орестии. Душевная борьба Ореста в изображении Эсхила сводится к выбору между матерью и отцом. Сыновья стали на сторону убитых отцов и обнажили меч на матерей: их благословили на это новые жрецы, утвердившие патриархальные начала и культ предков-героев» (*Иванов Вяч.* Древний ужас // *СС.* Т. 3. С. 105).

²¹² *Даль.* Т. 1. С. 994.

4) «в значении предикатива. Нехорошо, предосудительно, грешно».²¹³

Примечательно, что первое значение слова «грех» в словарях связывается либо с христианской религией, либо с верой в бога вообще.

Если представить частотность употребление существительного «грех» и однокоренных слов в переводах «Орестей», выполненных в разное время разными переводчиками, то мы увидим следующее.

Таблица 7. Частотность употребления слов с корнем «грех-»/«греш-» в русских переводах «Орестей» Эсхила.

	Агамемнон	Хоэфоры	Эвмениды
Иванов	грех (12), ²¹⁴ греховный (1)	грех (11), прегрешать (1)	грех (8), грешник (2), грешно (1)
Котелов, 1864 ²¹⁵	грешный (1)	грех (2), грешный (1)	грех (3), грешный (1)
Котелов, 1883 ²¹⁶	погрешать (1)	грех (1)	грех (1)
Радциг, 1913 ²¹⁷	грех (7), согрешить (1)		
Пиотровский, 1937 ²¹⁸	грех (7), согрешить (1)	грех (13), грешный (1)	грех (4), грешник (4), согрешить (1)
Апт, 1971 ²¹⁹	погрешать (1)	грех (2)	грех (2), грешник (2)

²¹³ Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2006. Т. 4. С. 400–401.

²¹⁴ Цифра в скобках указывает на то, сколько раз встречается слово.

²¹⁵ Драмы Эсхила / Пер. с греч. Н. [Котело]в. СПб., 1864.

²¹⁶ Орестейя: Единственная дошедшая до нас трилогия Эсхила, данная на греческом театре в Афинах в 459 г. до Рожд. Хр. или за 2342 г. до нашего времени / Пер. с греч. Н. Котелов. СПб., 1883.

²¹⁷ Эсхил. Агамемнон / Стихотвор. пер. с греч. С. И. Радцига. М., 1913.

²¹⁸ Эсхил. Трагедии / Пер. А. И. Пиотровского. М.; Л., 1937.

²¹⁹ Эсхил. Трагедии / Перевод с древнегреч. С. Апта. М., 1971.

Из таблицы следует, что Вяч. Иванов чаще других переводчиков использует в своем переводе существительное «грех» и однокоренные слова. Затем — по степени убывания частотности этих слов — идет перевод А. Пиотровского, что можно объяснить обращением Пиотровского к переводу Иванова и даже в некоторой мере зависимостью от последнего: при внимательном сравнении двух переводов можно увидеть, что Пиотровский иногда заимствовал целые стихи у Иванова, внося в них некоторые изменения. Далее следует «Агамемнон» С. Радцига. Наконец — переводы Н. Котелова и С. Апта: не исключено, что они намеренно старались не использовать понятие «грех», пытаясь найти другие слова, которые не имеют христианских коннотаций.

§ 2. «Грех»: переводы Гомера Н. И. Гнедича и В. А. Жуковского

Обратимся к переводам «Илиады» Н. И. Гнедича и «Одиссеи» В. А. Жуковского, которые, определенно, оказали на Иванова большее влияние, чем переводы Эсхила, выполненные его предшественниками (свидетельства о том, что он был с ними хорошо знаком или интересовался традицией перевода Эсхила на русский язык, нам не известны).²²⁰

В переводе Гнедича следующее распределение:²²¹ грех (1 или 2, если считать повтор), грешен (1), согрешить (1), погрешить (3), погрешения (1). В переводе Жуковского нет ни одного слова с корнем «грех- / греш-»:²²² понятие

²²⁰ Переводы Гнедича и Жуковского Иванов оценивал высоко, причем перевод последнего считал «классическим»: «При всем уважении к эрудиции и таланту Фаддея Францевича нужно, однако, сознаться, что перевод самый далеко не классический, на нем нельзя остановиться как на окончательном. А меж тем каждый классик должен быть переведен окончательно, канонизированно. Таков, например, перевод Фосса Гомера и Шлегеля — Шекспира. У нас в России к таким классическим переводам относится “Одиссея” Жуковского. “Илиада” Гнедича — хоть не классический перевод, но занимает крепкое место, и только безвкусица нашего времени может отдать предпочтение переводу Минского» (*Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым*. СПб., 1995. С. 63).

²²¹ *Гомер. Илиада* / Пер. Н. И. Гнедича. Л., 1990.

²²² *Гомер. Одиссея* / Пер. В. А. Жуковского. М., 1959.

ὑβρις он передает как «буйство», а выражение ὑβριν ἔχω как «буйный» (напр., 15. 329, 17. 581, 16. 410) или «необузданный» (16. 418). Другие слова, которые в его переводе соответствуют тому же понятию — «беззаконный», «беззаконствовать», «беззаконники» (17. 487, 23. 64, 24. 352). Они содержат нравственную оценку носителей этих свойств, идея же вины непосредственно перед божеством здесь не столь очевидна.

Таким образом, в переводе Гнедича, учитывая большой объем текста, не так уж и много случаев употребления словоформ с корнем «грех- / греш-». Более того, он предпочитает приставочные образования «погрешить» (3), «погрешения» (1), которые имеют более мягкий оттенок, нежели бесприставочные. Примечательно, что В. В. Вересаев также предпочитает глагол «погрешить»: в «Одиссее» — погрешить (3); в «Илиаде» — погрешить (2), согрешить (1), прегрешения (1), грешный (1).²²³

§ 3. «Грех» в переводах греческих трагиков, выполненных современниками Вяч. Иванова

Теперь рассмотрим переводы из древнегреческих трагиков, выполненные современниками Вяч. Иванова.

В переводах Д. С. Мережковского²²⁴ слова с корнем «грех- / греш-» встречаются, но в целом реже, чем у Иванова:

«Скованный Прометей» Эсхила (1890): в первом издании:²²⁵ грех (2); в «Полном собрании сочинений» (1914):²²⁶ согрешить (1);

«Ипполит» Еврипида (1893): грех (3), грешный (1), погрешить (1), безгрешный (4), грешить (1), согрешить (4);

²²³ Гомер. Илиада / Пер. В. Вересаева. М.; Л., 1949. Гомер. Одиссея / Пер. В. Вересаева. М., 1953.

²²⁴ Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: В 24 тт. М., 1914. Т. 20. С. 9–216. Т. 21. С. 5–192.

²²⁵ Вестник Европы. 1891. № 1. С. 5–43.

²²⁶ В первом издании: «За тяжкий грех его накажут боги, / Чтобы владычество Зевеса он / Признал и разлюбил ничтожных смертных». В ПСС с изменениями: «За то его наказывают боги, / Дабы он власть Крониона признал / И разлюбил людей».

«Медея» Еврипида (1895): безгрешный (1);

«Эдип-царь» Софокла (1893): ни разу;

«Эдип в Колоне» Софокла (1896): грешно (1);

«Антигона» Софокла (1916): грешить (1), грех (3).

В 18 трагедиях Еврипида, переведенных И. Ф. Анненским,²²⁷ если суммировать все случаи употребления рассматриваемой лексической группы, мы увидим следующее:

грех (45), греховный (5), грешить (1), согрешить (5), погрешить (1), грешный (10), безгрешный (2), грешник (1), грешно (1).

Наконец, Ф. Ф. Зелинский, который перевел семь трагедий Софокла:²²⁸

грех (55), греховный (1), грешный (1), грешник (1), грешно (1), грешить (1) согрешить (2).

В. Н. Ярхо в статье «Ф. Ф. Зелинский — переводчик Софокла» отмечал, что одним из расхождений с оригиналом в переводе является «внесение в перевод современных представлений о древнегреческом мировоззрении, не находящим себе места в тексте Софокла или не играющих в нем той роли, которую склонны им приписывать в новое время».²²⁹ К этой группе расхождений он относит и злоупотребление Зелинским, с его точки зрения, понятием «грех». Ярхо считает, что, «хотя понятие о “грехе” принадлежит христианской морали, не будет большим отступлением от смысла трагедий Софокла, если невольные деяния Эдипа и Деяниры мы назовем грехом», однако он называет «непростительными» те случаи, когда Зелинский, употребляя это слово, тем самым искажает оригинал.²³⁰ Больше половины стихов из перевода Зелинского,

²²⁷ *Еврипид*. Трагедии: В 2 тт. / Подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. Пер. И. Анненского. М., 1999.

²²⁸ *Софокл*. Драмы: В 3 т. / Пер. с введ. и вступ. очерком Ф. Зелинского. М., 1914–1915.

²²⁹ *Ярхо В. Н.* Ф. Ф. Зелинский — переводчик Софокла // *Софокл*. Драмы / В пер. Ф. Ф. Зелинского. М., 1990. С. 523.

²³⁰ Там же. С. 525.

где встречается «грех», редакторы нового издания Софокла²³¹ в его переводе «исправили» или перевели заново.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению отдельных пассажей из перевода Иванова, отметим, что тенденция переводить ряд древнегреческих понятий словом «грех» в каждом отдельном случае объясняется личными предпочтениями переводчика и его представлениями о том, каким должен быть перевод.

§ 4. «Грех» в переводах Вяч. Иванова из Эсхила

Словом «грех» Вяч. Иванов переводит совершенно разные древнегреческие понятия, а в некоторых случаях в оригинальном тексте и вовсе нет никакого «греха», в лучшем случае он только подразумевается. Рассмотрим те пассажи, в которых в ивановском переводе появляется понятие «грех», сгруппировав их в соответствии с переводимыми им греческими понятиями.²³²

4.1. Ἀμαρτία

Существительное ἄμαρτία связано с глаголом ἀμαρτάνω, буквальное значение которого — «промахиваться мимо цели», а переносное — «ошибаться», «поступать неправильно».²³³ П. Шантрэн пишет следующее о существительных, образованных от этого корня: «Общим для этих понятия является то, что они обозначают ошибку в суждении, поступке или поведении, и задача древнего

²³¹ Софокл. Драмы / В переводе Ф. Ф. Зелинского / Под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо. Серия «Литературные памятники». М., 1990.

²³² Для сравнения и наглядности в сносках приводятся переводы тех же мест другими русскими переводчиками (это касается «Орестеи», но только тех пассажей, где в оригинале встречаются лексические единицы, передаваемые Ивановым как «грех»).

²³³ См. *LSJ*. P. 72. Дворецкий отсылает к слову ἀμαρτία, для которого он приводит такие значения: «промах, ошибка; прегрешение, грех, проступок, провинность, преступление; недостаток, изъян или болезнь» (*Дворецкий*. С. 91).

права — определить, какую ответственность это влечет за собой».²³⁴ У дериватов с этим корнем позже появляется значение «грех» в христианском представлении.

В «Персах» хор вызывает тень Дария, жалуясь на Ксеркса, который навлек на страну «неразумия грех двойной»:

δίδυμα ἁμάρτια δι' ἄνοϊαν (Pers. 677–678).

Дословно: «двойной **ошибкой** из-за неразумия».

Перевод Иванова: «Неразумия **грех** двойной».²³⁵

Идея греха перед лицом бога или перед людьми в оригинале отсутствует, а речь идет о промахе, неудаче, беде как результате волевого действия человека. У Эсхила это существительное встречается несколько раз, и в двух случаях Иванов передает его иначе: «вина» (Ag. 1197) и «преступлень» (Ch. 519).

4.2. ὕβρις

Понятие ὕβρις — одно из ключевых в древнегреческой этике, и ему трудно найти эквивалент в русском языке — обычно его передают как «дерзость», «высокомерие», «гордыня».²³⁶ «Чрезмерное чувство уверенности и счастья, заносчивая убежденность в собственных силах, нарушение установленной для

²³⁴ «Ces termes ont en commune de désigner une erreur dans le jugement, dans un geste ou dans le conduite, et c'est un problème dans le droit ancien de déterminer quelle responsabilité elle engage» (Chantraine. P. 71). Также о значении и употреблении этих понятий см.: Bremmer J. M. Hamartia. Tragic Error in the Poetics of Aristotle and in Greek Tragedy. Amsterdam, 1969. Golden L. Hamartia, Ate, and Oedipus // Classical World. 1978. Vol. 72. № 1. P. 3–12. Hey O. Ἀμαρτία. Zur Bedeutungsgeschichte des Wortes // Philologus. 1928. Bd. 83. P. 1–15. Sinton T. C. W. Hamartia in Aristotle and Greek Tragedy // The Classical Quarterly. 1975. Vol. 25. № 2. P. 221–254.

²³⁵ *Апелльрот*: «Поверг страну преемник твой в великое несчастье». *Ант*: «нам не пришлось бы нынче рыдать от боли двойной».

²³⁶ «наглость, нахальство, дерзость, грубость, глумление; бесчинство, насилие, оскорбление; строптивость, горячность; ущерб, вред» (*Дворецкий*. С. 1659).

людей границы вызывают немилость, недовольство со стороны божества и его возмездие, олицетворяемое Немезидой».²³⁷

В «Просительницах» хор Данаид обращается к богам с мольбой о защите от брака с Египтянами:

ἦ καὶ μὴ τέλειον δόντες ἔχειν παρ' αἴσαν, / ὕβριν δ' ἐτύμως στέγοντες, εὔ / πέλοιτ' ἄν
ἔνδικοι νόμοις (Suppl. 71–74).

Дословно: «[вы, боги...] не дающие осуществиться тому, что превосходит назначенную долю, поистине ненавидящие дерзость, будьте справедливы [по отношению к браку]».

Перевод Иванова: «Не дайте, чтоб грех свершился, / Насилье творил обидчик! / О судьбы, отвратите грех!...» (80–83).

В других местах Вяч. Иванов передает ὕβρις как «надмение» (Pers. 809, 823; Ag. 763; Eum. 533).

4.3. Ἄτη

У этого существительного, также немаловажного для греческой трагедии, выделяют несколько значений: «замешательство, одержимость, безрассудный порыв, вызванный слепотой в суждениях или иллюзиями, посланными богами»; «последствие такой кары: вина (reckless guilt), грех (sin); бедствие (bane), гибель (ruin)».²³⁸ Кроме того, «Ата» может персонифицироваться. Э. Р. Доддс подробно рассматривает это понятие в своей работе «Греки и иррациональное»: «Всегда, или почти всегда, *ате* есть состояние сознания — временное омрачение или одичание нормального сознания. Фактически это кратковременное

²³⁷ «Übergroßes Sicherheits- und Glücksgefühl, übermütiges Vertrauen auf die eigene Kraft, Überschreitung der dem Menschen gesetzten Grenzen fordern die Mißgunst, den Unwillen der Gottheit und ihre Vergeltung heraus, die in der Nemesis verkörpert ist...» (RE. 1962. Suppl. IX. Sp. 1897). См. также: *Dirat M.* L'hybris dans la tragédie grecque. Lille, 1973. *Cairns D. L.* Hybris, Dishonour, and Thinking Big // *Journal of Hellenic Studies.* 1996. Vol. 116. P. 1–32.

²³⁸ *LSJ.* P. 243. «Помешательство, безумие; злодеяние, преступление; беда, несчастье, горе, пагуба» (*Дворецкий.* С. 258).

умопомешательство, и, подобно любому другому виду безумия, оно объясняется не с помощью физиологических или психологических причин, а через внешнюю “демоническую” деятельность». ²³⁹

а) Кассандра в трагедии «Агамемнон» говорит о хоре Эриний, богинь мщения:

ὑμνοῦσι δ' ὕμνον δόμασιν προσήμεναι / πρόταρχον ἄτην (Ag. 1191–1192).

Дословно: «они поют гимн, сидя возле домов, о первоначальной **ате**».

Перевод Иванова: «Оне поют все ту же песнь: про первый **грех**, / Свершенный в доме, корень зла, проклятья сев». ²⁴⁰

б) Хор в «Эвменидах»:

μηδὲ πιούσα κόνις μέλαν αἷμα πολιτᾶν / δι' ὄργαν ποινᾶς / ἀντιφόνους ἄτας / ἀρπαλίσει πόλεως (Eum. 980–983).

Дословно: «и пусть пыль не выпьет черную кровь граждан / и из-за желания мести / не охватит **гибель** город».

Перевод Иванова: «Оставь живущим / Пеню за **грех**: новой / Крови не требуй, Земля!» (980–982).

В первом приведенном отрывке говорится о цепи преступлений и бед, постигших род Агамемнона, а именно о деяниях Атрея и Фиеста. Понятие «ата», с одной стороны, более специфическое, чем «грех», а с другой — оно содержит больше разных смысловых оттенков, так что в русском языке невозможно найти точный эквивалент для «аты». Примечательно, что в других местах Иванов передает это слово по-разному: «ослепленье» (Pers. 656), «Ата» (Pers. 824, 978; Sept. 315–316, 601, 686; Ag. 1229, 1433; Ch. 598, 383; Eum. 376), «рок» (Pers. 100;

²³⁹ Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000. С. 16–17. См. там же: с. 64–69.

²⁴⁰ Котелов, 1864: «Поют они о первом преступлении...». Котелов, 1883: «И все поют о первом преступлении...». Радциг: «И гимн они поют, у дома этого на страже сидя, про первый грех...». Пиотровский: «И песнь поют над трупами застольную о той вине первопричинной». Ант: «Они все тянут песнь — об изначальном зле».

Ag. 386, 643, 819; Ch. 68), «проклятье» (Ag. 771, 1268, 1566; Ch. 830, 1076), «кара божия» (Ag. 735), «удар» (Ag. 1523), «гибель» (Ch. 405), «напасть» (Ch. 825).

4.4. Μίασμα, μύσος, ἄγος

Эти три существительных принадлежат к одному семантическому ряду: все они означают скверну, несмываемое пятно, которое лежит на совершившем преступление (обычно — убийство) и от которого преступник должен ритуально очиститься. Осквернение может иметь наследственный характер и «заразить» весь род преступника, постоянно навлекая на него различные бедствия: «грех — это состояние падшей воли, болезнь человеческой души, тогда как осквернение — автоматическое следствие определенного поступка; оно принадлежит к миру внешних событий и действует с тем же полнейшим безразличием к мотиву поступка, с каким действует, скажем, тифозная вошь».²⁴¹ Очищение от скверны — главная тема трагедии «Эвмениды», третьей части «Орестей».

Наиболее частотное у Эсхила и в трагедии в целом — понятие *μίασμα* и однокоренной глагол *μίαινω*.²⁴² Другое понятие из того же семантического ряда *ἄγος*²⁴³ может обозначать не только саму «скверну», но и искупление за нее.²⁴⁴ Существительное *μύσος*²⁴⁵ может употребляться в буквальном смысле «пятно, грязь».²⁴⁶

Следует отметить, что в большинстве случаев Вяч. Иванов передает понятия этого семантического ряда при помощи существительного «скверна» или глагола «осквернять» / «сквернить» (Sept. 682; Ag. 636, 1419–1420, 1643–

²⁴¹ Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. С. 61.

²⁴² «Опорченость, запятнанность, злодеяние, преступление, грех; пятно бесчестия, позор, скверна, мерзость» (Дворецкий. С. 1096).

²⁴³ «Тяжкая вина (навлекающая проклятье); скверна, изверг; искупление вины, очищение; благоговейный страх, благоговение» (Дворецкий. С. 25).

²⁴⁴ *LSJ*. P. 13. Этимологически, возможно, связано с прилагательным *ἄγιος* (священный, святой, имеющий отношение к религии), *Chantraine*. P. 13.

²⁴⁵ «Позор, бесславию, бесчестие, пятно» (Дворецкий. С. 1117).

²⁴⁶ См. *Chantraine*. P. 725. *LSJ*. P. 987.

1645; Ch. 968, 1017; Eum. 167, 170, 193, 281, 600, 694–695), что, пожалуй, предпочтительнее, чем «грех», так как «скверна» так же, как и *μίασμα*, содержит коннотации грязи и нечистоты. Тем не менее, ни «грех», ни «скверна» не передают идею заразности *μίασμα*, поэтому в ряде случаев Иванов прибегает к такой риторической фигуре, как гендиадис, например: «чума и скверна» (Ag. 1420), «отчизны язва, скверна» (Ag. 1644–1645), «в гное скверн» (Eum. 167).

1) *μίασμα*

Хор про Аполлона:

ἔφεστίω δὲ μαντικόν **μίασματι** / μυχὸν ἐχράνατ' αὐτόσσυτος, αὐτόκλητος (Eum. 169–170).

Дословно: «Он запятнал **скверной** свое сокровенное святилище у очага. Он сам это сделал, непрошенный [никем]».

Перевод Иванова: «Ты свой очаг, вещатель, предал сам **греху!** Сам осквернил его...»²⁴⁷

2) *μύσος*

а) Хор:

πίπτων δ' οὐκ οἶδεν τόδ' ὑπ' ἄφρονι λύμα: / τοῖον ἐπὶ κνέφας ἀνδρὶ **μύσους** πελόταται (Eum. 377–378).

Дословно: «Падающий не знает об этом из-за безрассудного бесчинства: / такая тьма **скверны** простирается над человеком».

Перевод Иванова: «Сам не знает / Гордый, что падает: слеп он. / **Грех** надмевающий / Ткет затмевающий облак» (376–379).²⁴⁸

б) Пифия об Оресте, пришедшем в храм Аполлона:

²⁴⁷ *Котелов, 1864*: «Конечно, ты пророк грехом кровавым, что жаждет очищенья, запятнал свое святилище...». *Котелов, 1883*: «Твоим молящим, о пророк, преступным, твое святилище ты сам же осквернил...». *Пиотровский*: «Страшным грехом свой очаг пророческий сам осквернил ты, бог». *Ант*: «Бог оскорбил святое прорицалище, очаг священный свой он запятнал».

²⁴⁸ *Котелов, 1864*: «И облако мрака накроет его». *Котелов, 1884*: «И мрак скорби накроет его». *Пиотровский*: «Скверна над грешником стелется облаком дымным». *Ант*: «Облаком темным глаза застилает вина».

ὄρω δ' ἐπ' ὀμφαλῶ μὲν ἄνδρα θεομυσῆ²⁴⁹ (Eum. 40)

Дословно: «Вижу возле Пупа Земли человека **богопротивного**²⁵⁰».

Перевод Иванова: «И вижу человека: там, где Пуп Земли, / Сидит опальный **грешник**».²⁵¹

3) ἄγος

Реплика Эгисфа:

φαίην ἂν ἤδη νῦν βροτῶν τιμαόρους / θεοὺς ἄνωθεν γῆς ἐποπτεύειν ἄγῃ²⁵² (Ag. 1578–1579).

Дословно: «Теперь я вижу, что боги, мстящие за смертных, / смотрят сверху на **скверну земли**».

Перевод Иванова: «Поистине воздатели глядят с небес, / Очей не отвращая, на **грехи земли!**»²⁵³

4.5. Δυσσέβεια

К религиозной сфере относится понятие *δυσσέβεια* — «нечестие, нечестивость».²⁵⁴ Слова, образованные от корня *σεβ-*, имеют отношение к почитанию богов. Соответственно, приставка *δυσ-* означает нарушение

²⁴⁹ Первая часть сложного прилагательного-гапакса *θεομυσῆς* образована от существительного *θεός* («бог»), а вторая связана с *μύσος*.

²⁵⁰ Точнее — «скверного, нечистого с точки зрения богов».

²⁵¹ *Котелов, 1864*: «И вижу посреди храмины мужа; Держась за край седалища, молящий, преступник...». *Котелов, 1884*: «И вижу посреди храмины мужа; Держась за край седалища, молящий, преступный...». *Пиотровский*: «Вижу, у святого пупа – человек сидит, богами проклятый». *Ант*: «И вижу вдруг: у самого Пупа Земли богопротивный муж сидит просителем».

²⁵² *ἄγῃ* — конъектура Ж. Дора вместо рукописного *ἄχῃ* («тяготы», «беды»), которую, например, Вилаговиц не принимает.

²⁵³ *Котелов, 1864*: «Могу сказать, что боги должное за преступления смертным посылают». *Котелов, 1883*: «Отныне убежден, теперь сказал бы я, что боги-мстители следят за преступленьем, свершенным на земле...». *Радциг*: «Могу сказать, что мстители за смертных взирают боги свыше на страдания». *Пиотровский*: «Теперь скажу: взирают боги-мстители с небес на землю и людской карают грех». *Ант*: «Теперь я верю — смотрят боги-мстители открытыми очами на земное зло».

²⁵⁴ «Нечестивость; обвинение в нечестии» (*Дворецкий. С. 439*).

почтительного отношения к богам как следствие действий и поступков, которые являются неприемлемыми с точки зрения богопочитания.

Орест в образе странника приходит в Фивы и сообщает о своей смерти:

πρὸς **δυσσεβείας** <δ'> ἦν ἐμοὶ τόδ' ἐν φρεσίν, / τοιόνδε πρᾶγμα μὴ καρανῶσαι φίλοις, /
καταίνεσαντα καὶ κατεξενωμένον (Ch. 704–706).

Дословно: «Я подумал, что было бы **нечестием** не сообщить друзьям об этом событии, дав обещание [это сделать] и принятый гостеприимно».

Перевод Иванова: «Но безмолвствовать / О первом и главнейшем я за **грех** почел, / Обет прияв и вами с лаской принятый».²⁵⁵

Здесь понятие *δυσσεβεία* сопряжено с неким обетом, клятвой перед людьми (и в то же время — перед богами), которую нельзя нарушать. В других местах Иванов переводит это слово по-разному: «нечестие» (Ag. 219), «вина» (Ag. 758), «безбожие» (Eum. 532).

4.6. **Κακά**

Слово *κακά* представляет собой абстрактное существительное, образованное от прилагательного *κακός* («плохой, дурной, злой») путем субстантивации; оно имеет целый спектр значений и встречается в совершенно разных контекстах, применительно к человеку (характеризуя как его внешность, умения, так и душевные качества), к животным и неодушевленным предметам.²⁵⁶ У Эсхила это абстрактное существительное довольно частотно, причем в четырех пассажах Вяч. Иванов переводит его как «грех».

²⁵⁵ *Котелов, 1864*: «Думал я, что было бы нечестно, если б я скрыл от друзей, которые меня радушно принимают, горе это, о чем я обещал уж передать». *Котелов, 1883*: «И безбожно б было — не возвестить друзьям такого горя, коль обещал и принят я, как гость». *Пиотровский*: «И все-таки казалось мне бессовестным скрыть от родных такое дело страшное». *Ант*: «Но мне казалось — поступлю бесчестно я, скрыв от родных умершего такую весть и обманув товарища дорожного».

²⁵⁶ *LSJ*. P. 730–731.

а) Агамемнону предстоит принести в жертву свою дочь Ифигению, как того требует оракул, чтобы можно было продолжить поход против Трои, и он говорит о безвыходности положения:

τί τῶνδ' ἀνευ **κακῶν**; / πῶς λιλόνους γένωμαι / ξυμμαχίας ἀμαρτῶν; (Ag. 213)

Дословно: «Что из этого без **зла**? / Как я покину флот (т. е. дезертирую), / не выполнив обязанностей союзника?»

Перевод Иванова: «Что здесь не **грех**? Все — грех!.. / Я ли дружину выдам? / Я ль корабли покину?»²⁵⁷

б) Хор

κόρακος ἐχθροῦ σταθεὶς ἐννόμως ὕμνον ὑμνεῖν ἐλεύχεαι **κακόν** (Ag. 1472–1474).

Дословно: «Он, усевшись на труп, словно ненавистный ворон, славит **зло**, воспевая беззаконно песнь...».

Перевод Иванова: «Вот, над трупом, черный вран, / Грает он: «Кары пир! Кровь за кровь! / Пейте кровь! **Грех** цветет из рода в род!»²⁵⁸

в) Хор упоминает о преступлении женщин Лемноса, которые перебили всех мужчин:

κακῶν δὲ πρῆσβεύεται τὸ Λήμνιον / λόγῳ· βοᾶται δ' ἀεὶ τόθεν κατάπτυστον· ἦκασεν δέ τις / τὸ δεινὸν ἄν Λημνίοισι πῆμασιν. / θεοστυγῆτ' ἄγει / βροτῶν ἀτιμωθὲν οἴχεται γένος (Ch. 631–635).

Дословно: «Самым древним из **зол** является лемносское **зло**, / согласно молве. Потому вечно о нем кричат, презренном. Кто-нибудь сравнит, пожалуй, / этот ужас с лемносскими бедами. / Из-за ненавистной богам **скверны** / смертных род, страдающий от бесчестия, гибнет».

²⁵⁷ *Котелов, 1864*: «Что ж мне выбрать из двух зол?» *Котелов, 1883*: «Что ж мне, что ж мне выбрать?» *Радциг*: «Где от бед тут исход?» *Пиотровский*: «И то, и то – печаль!» *Ант*: «Как мне быть, как избежать беды?»

²⁵⁸ *Котелов, 1864*: «И на трупе убитого демон, будто ворон, усевшись, торжествуя веселую песнь, беззаконно прокаркал». *Котелов, 1883*: «И на трупе убитого демон, будто ворон враждебный усевшись, торжествуя, безбожно прокаркал». *Радциг*: «На тело, как ворон, он [демон – Л. Е.] злобный встает и песни победы поет». *Пиотровский*: «Ворон злой каркает, каркает, и побед песнь поет, крови гимн». *Ант*: «Вот, словно ворон, стоит демон у тела и звонкую в лад песню заводит, и льется из уст гимн торжествующий смерти».

Перевод Иванова: «Лемносский грех — Всем грехам **грех**, молвь идет. / Там женщины истребили пол мужской. / Всеми проклят этот **грех**! / Подобие не его ли вижу здесь? / Не так же ль здесь гибнет род проклятием / Святотатственной вины?»²⁵⁹

г) Клитемнестра — Эгисфу, который хочет наказать возмущенный убийством Агамемнона хор (старцев):

μηδαμῶς, ὦ φίλτατ' ἀνδρῶν, ἄλλα δράσωμεν **κακά** (Ag. 1654)

Дословно: «ни в коем случае, о любимейший из мужей, но (иначе) мы совершим **зло**».

Перевод Иванова: «Нет, ни шагу дальше, милый! Воздержися от **греха!**»²⁶⁰

Таким образом, **κακά** — более широкое понятие, чем все предыдущие. По большому счету, нечестие, скверна, преступление, убийство — это всё **κακά**.

4.7. Другие понятия

1) Πήμα

Существительное **πήμα** имеет значение «беда, несчастье».²⁶¹ В двух приводимых ниже пассажах встречаются двусоставные слова, вторая часть которых образована от этого корня. Существительное **λόνος** (во втором отрывке) может имеет значение «страдание, мучение, мука, боль, скорбь»,²⁶² таким образом выражая чувства субъекта, которого постигло несчастье, но, в отличие от **πήμα**, у этого существительного есть и более нейтральные значения — «труд, работа, занятие».

²⁵⁹ *Котелов, 1864*: «Из всех зол всех ужаснейшее побиенье Лемносцев». *Котелов, 1883*: «Но ужасней убийства леймнийского нет». *Пиотровский*: «Из всех злодейств славится лемносское. Клянут его в песнях и преданиях. Новый грех чудовищный сравнит молва с той лемносской мерзостью». *Ант*: «Вершина всех злодейств — Лемносское злодейство».

²⁶⁰ *Котелов, 1864*: «Муж, для сердца драгоценный, прекрати вначале распрю». *Котелов, 1883*: «О из всех людей милейший! Не прибавим новых бед!» *Радциг*: «Нет, милейший из мужей мне, новых бед не будем делать». *Пиотровский*: «Нет же, средь людей любимый, зол не будем умножать». *Ант*: «Нет, не будем, о мой милый, новой крови проливать».

²⁶¹ «Беда, бедствие, несчастье, страдание; бич, гроза» (*Дворецкий*. С. 1314).

²⁶² *Дворецкий*. С. 1354–1355.

а) О жертвоприношении Ифигении:

βροτοὺς θρασύνει γὰρ αἰσχρόμητις / τάλαινα παρακοπὰ **πρωτοπήμων**²⁶³ (Ag. 222–223).

Дословно: «Смертным придает дерзости злой помысл, / Злосчастное безумие, **первопричина беды**».

Перевод Иванова: «Умыслив зло, смертный смел: одержит / Недужный дух единая ярость. / Вот семя **греха** и кар!» (222–224).²⁶⁴

б) Хор в «Агамемноне»:

τὸν φρονεῖν βροτοὺς ὀδώ/σαντα, τὸν πάθει μάθος / θέντα κυρίως ἔχειν. / στάζει δ' ἔν θ' ὕπνῳ πρὸ καρδίας / **μνησιπήμων**²⁶⁵ **πόνος** καὶ παρ' ἄ/κοντας ἤλθε σωφρονεῖν (Ag. 176–181).

Дословно: «[Зевс...], который ведет смертных к тому, чтобы быть разумными, который учит их быть справедливыми при помощи страдания. / Во сне перед сердцем / стоит **мучительно-памятное горе**; даже / нежелающих он привел к мудрости».

Перевод Иванова: «К разумению Добра / Зевс ведет путем скорбей, / Научает болью нас... / Нет сна; в сердце память каплет яд, / Злой укор... Видит **грех**, видит казнь — / В разум входит человек».

2) βλάβα

Это существительное, образованное от того же корня, что глагол βλάπτω («вредить»), означает «вред, ущерб»,²⁶⁶ причем как нанесенный преднамеренно, так и непреднамеренно.

Хор об Оресте:

νῦν καταστροφαὶ νέων / θεσμίων, εἰ κρατήσῃ δίκαι καὶ **βλάβα** / τοῦδε μητροκτόνου (Eum. 490–492).

Дословно: «Низвержение установленных законов [совершится], если возобладает правда и **пагуба** этого матереубийцы».

²⁶³ Гапакс. Первая часть прилагательного πρωτο- имеет значение «первый».

²⁶⁴ *Котелов, 1864*: «Так часто безумие смертных источник всех бед на земле». *Котелов, 1883*: «О, безумье, источник всех бед на земле...». *Радциг*: «Так ум несчастный, если помрачен, на все дерзает у людей — источник первый их страданья». *Пиотровский*: «Отвагой злой отравляет смертных постыдной мысли слепой первый приступ». *Ант*: «Увы, от первого преступления родится дерзость у человека».

²⁶⁵ Составное прилагательное μνησιπήμων является гапаксом, его первая часть μνησι- образована от корня со значением «память».

²⁶⁶ «Вред, ущерб; пагуба, бич» (*Дворецкий. С. 297*).

Перевод Иванова: «Ниспровергнут старый строй, / Век настал – новых правд, / Если ныне суд решит: / “Мать убить — нет греха, прав Орест”».

3) παρβασία

Существительное παρβασία²⁶⁷ происходит от глагола παραβαίνω — «преступать; отклоняться с пути» (βαίνω — «ступать, идти») и морфологически сходно с русскими существительными «преступление», «проступок».

Хор о родовом проклятии фиванских правителей:

παλαιγενῆ γὰρ λέγω / παρβασίαν ὀξύποινον (Sept. 742–743)

Дословно: «Я говорю о давнем / **преступлении**, за которое жестоко воздалось».

Перевод Иванова: «Посеял дед, внуки жнут. / Корень вражды — давний **грех**...».

4) μάτα

Существительное μάτα означает ошибку, оплошность.²⁶⁸

Клитемнестра в следующем пассаже не уточняет, о каких именно проступках Агамемнона идет речь, но, возможно, подразумевается жертвоприношение Ифигении:

μη̄ ἄλλ' εἴψ' ὁμοίως καὶ πατὴρ τοῦ σοῦ **μάτας** (Ch. 918).

Дословно: «Но разве не с тем же связаны **проступки** твоего отца».

Перевод Иванова: «Коль так, ведь и отец твой **прегрешал** равно».²⁶⁹

5) φόνος

Наконец, существительное φόμος, основное значение которого — «убийство».²⁷⁰

²⁶⁷ «Преступление, нарушение; проступок, преступление» (*Дворецкий*. С. 1235).

²⁶⁸ «Пустая затея, напрасный труд, блуждание; заблуждение, проступок» (*Дворецкий*. С. 1055).

²⁶⁹ *Котелов, 1864*: «... но также вспомни и преступленья своего отца». *Котелов, 1883*: «... но вспомни также и преступленья своего отца». *Пиотровский*: «А что отец твой сделал? Это помнишь, сын?» *Ант*: «А о делах родителя не совестно?»

²⁷⁰ «Убийство; смертная казнь; пролитая кровь; жертва убийства, труп убитого; туша, мясо; орудие убийства; убийца» (*Дворецкий*. С. 1742).

В трагедии «Семеро против Фив» защитник Фив так называет Тидея (одного из семерых):

Ἐρινύος κλητῆρα, πρόσπολον φόνου (Sept. 574).

Дословно: «Вестником Эринии, слугой убийства».

Перевод Иванова: «Слугой греха, Эриний вызывателем».

4.8. Безличные выражения

Ряд безличных выражений со значением «нельзя», «не следует» Вяч. Иванов также переводит словом «грех». В случае а) это вполне оправданно, так как в сочетании «грех» (или «грешно») с инфинитивом в функции сказуемого основное значение этого слова ослаблено. В случае б) в греческом оригинале мы имеем дело с эвфемизмом: οὐ χρῆν («нельзя») подразумевает убийство мужа или матери. Другие переводчики по-разному пытались передать эту реплику Ореста: Котелов перевел дословно, но вышло не очень удачно; Апт дал уточнение, раскрыв эвфемизм, так что стилистически получилось противоположное; Пиотровский следует за Ивановым.

а) Вестник:

εὐφημον ἦμαρ οὐ πρόλει κακαγγέλω / γλώσση μαιίνειν χωρὶς ἢ τιμὴ θεῶν (Agam. 636–637).

Дословно: «День, несущий добрую весть, не следует сообщающей зло / речью оквернять: почеть [разным] богам — порознь».

Перевод Иванова: «День светлой вести грех сквернить печалию, / И купно разноликим угождать богам».²⁷¹

²⁷¹ См. также небольшой комментарий Иванова к этому месту: ДП. С. 187. Котелов, 1864, 1883: «Зачем набрасывать мне было тень на радостный для всех нас этот день». Радциг: «Счастливым день мрачить не подобает недоброй речью: порознь чтут богов». Пиотровский: «Нехорошо дурною вестью день пятнать благословенный. Разве так всевышних чтут?» Апт: «Не отвращать бы новостью печальною счастливый день: богов различных розно чтут».

б) Орест, убивая Клитемнестру:

ἔκανες ὄν οὐ χρῆν, καὶ τὸ μὴ χρεῶν λάθε. (Ch. 930).

Дословно: «Ты сделала то, что не следует [делать], и претерпи то, что **не следует**».

Перевод Иванова: «Ты страшный **грех** свершила; претерпи же **грех!**»²⁷²

4.9. Добавления переводчика

В девяти пассажах в греческом тексте и вовсе нет лексических единиц, которые можно было бы перевести как «грех», но Вяч. Иванов добавляет его от себя: иногда он вносит в текст трагедии отсутствующий там смысл, иногда это дополнение служит пояснением, своего рода комментарием для читателя.

а) Реплика предводителя хора в «Агамемноне»:

ὅστις τὰδ' ἄλλως τῆδ' ἐλεύχεται πόλει, / αὐτὸς φρενῶν καρποῖτο τὴν **ἀμαρτίαν** (Ag. 501–502).

Дословно: «Всякий, кто иного желает этому городу, / Пусть, имея такие мысли, сам пожнет **неудачу**».

Перевод Иванова: «А кто иного граду хочет, пусть **беду** / **Греховой** мыслью на себя ж накличет сам».

Возможно, такой перевод вызван также словом τὴν ἀμαρτίαν, которое Иванов передает как «беда».²⁷³

б) Орест:

²⁷² *Котелов, 1864*: «Убила ты его, которого не должно было убивать тебе; теперь терпи, что также бы не должно». *Котелов, 1883*: «Кого не должно было, ты убила, чего не должно, также ты терпи!» *Пиотровский*: «Убила, согрешила. Будь хоть грех, убью!» *Ант*: «Убила ты супруга. Сын тебя убьет».

²⁷³ *Котелов, 1864*: «Но тот, конечно, был бы сумасшедшим – кто б городу иное пожелал». *Котелов, 1883*: «Конечно, тот казался б сумасбродным, кто б городу иного пожелал». *Радциг*: «Кто городу сему иного хочет, сам вкусит пусть плодов от неразумья». *Пиотровский*: «А кто иное пожелает городу, пусть злого сердца сам пожнет недобрый плод». *Ант*: «Тот за свое безумье пусть заплатит сам».

αὐτὸν δ' ἔφασκε τῇ φίλῃ ψυχῇ τάδε / τείσειν μ' ἔχοντα πολλὰ δυστερπῆ κακά (Ch. 276–277).

Дословно: «Он [Аполлон] сказал, что я сам отплачу за милую душу, / претерпев много тягостных бед».

Перевод Иванова: «Страданием безысходным возьму я сам / Невзысканную пеню за прощенный **грех**».

в) Орест говорит Клитемнестре, которая пугает его «ἐγκότους κύνας» («разъяренными собаками», т. е. мстящими Эриниями), что если он ее не убьет, то Эринии будут мстить за убитого ею Агамемнона:

τὰς τοῦ πατρὸς δὲ πῶς φύγω, παρ εἰς **τάδε**; (Ch. 925).

Дословно: «А как мне избежать [собак] отца, если я не обращаю на **это** внимания?»

Перевод Иванова: «А отчей [своры] как избегну, отпустив твой **грех**?»

г) Хор обвиняет Аполлона в преступлении Ореста:

ἀλλ' εἰς **τὸ πᾶν** ἔπραξας ὡς παναίτιος (Eum. 200).

Дословно: «Но ты один **всё это** совершил, как виновник всего».

Перевод Иванова: «Единый ты — преступник; весь тот **грех** — твой **грех**».

д) Хор о том, что Аид всеведущ:

μέγας γὰρ Ἄιδης ἐστὶν εὐθυνοῦς βροτῶν / ἔνερθε χθονός, / δελτογράφῳ δὲ πάντ' ἐπωπᾶ φρενί (Eum. 273–275).

Дословно: «Великий есть судья смертным Аид / в недрах земли, / всё он видит своим умом, в котором всё записано, как на табличках».

Перевод Иванова: «Великий воздатель и судья, Аид, / В недрах глубинных есть:/ На письменах его каждый записан **грех**».

е) Один из защитников Фив обращается к Полинику:

μητρός τε πηγὴν τίς κατασβέσει δίκη; (Sept. 584)

Дословно: «Какое наказание иссушит поток [крови] матери²⁷⁴?»

Перевод Иванова: «Ты мать разишь: каким свой **грех** возмездием, / Сразив, искупишь?» (584–585).

²⁷⁴ Т. е. Фив.

ж) Кассандра предвидит гибель Агамемнона:

στάσις δ' ἀκόρετος γένει / κατολολυξάτω θύματος λευσίμου (Ag. 1117–1118).

Дословно: «Ненасытный раздор для рода / пусть завопит над жертвой, забиваемой камнями».

Перевод Иванова: «Демон семьи, Раздор, / Жадный, ликуй! Вдыхай крови дым. **Грех** свершен».²⁷⁵

з) Электра:

Ζεῦ Ζεῦ, κάτωθεν ἀμπέμπων / ὑστερόποινον ἄταν, / βροτῶν τλάμονι καὶ πανούργῳ / χειρὶ, τοκεῦσι δ' ὅμως τελεῖται (Ch. 382–385).

Дословно: «Зевс, Зевс, посылающий снизу наверх / поздно мстящую **Ату** / за дерзкие и бессовестные дела смертных, то же произойдет и с родителями!»

Перевод Иванова: «Зевс, Зевс, из недр земных **Ату** / Позднюю встать зовущий / За грех рук нечестивых! Отчей, / Боже, взыщи с них возмездье крови».

и) Клитемнестра говорит хору, что Агамемнона убила не она, а демон-мститель (ἀλάστωρ):

Ατρέως χαλεποῦ θοινατῆρος τόνδ' ἀλέτεισεν, τέλος νεαροῖς ἐπιθύσας (Ag. 1502–1503).

Дословно: «[Аластор] Атрею, жестокому устройтелю пира, так отомстил, принеся безупречную жертву детям».

Перевод Иванова: «За Атрееву бойню, родительский **грех**, Агамемнона в дар тем замученным отдал младенцам».²⁷⁶

²⁷⁵ Ср.: *Котелов, 1864*: «Пой же ты, неутомимый, рыданиями исполненную песнь. Достойно казни – это злое дело!» *Котелов, 1883*: «Эриний жадный хор до крови поколенья застонет пусть над жертвой преступленья!» *Радциг*: «Ликуй ненасытно, ликуй та клика, злорадствуя роду при жертве злодейской!» *Пиотровский*: «Мечь ненасытная, заголоси, ликуй, жертва заколота». *Ант*: «Пусть они толпой заголосят о каре неизбежной за новое заклянье!»

²⁷⁶ Ср. *Котелов, 1864*: «... чтоб отмстить за кровавое дело Атрея, приняв образ супруги, убил за изжаренных мальчиков взрослого». *Котелов, 1883*: «Так не я, а злой демон мой образ принял, за Атрея злодейство отмстил». *Радциг*: «Древний демон жестокий Атрея того, угощавшего яством ужасным, на нем отомстил, принеся в жертву отрокам зрелого мужа». *Пиотровский*: «Он отметил угощение Атрея, тот чудовищный пир, за младенцев он мужа зарезал». *Ант*: «За Атреево страшное пиршество мстит, мужу гибель неся, чтоб за детскую кровь расплатиться».

Таким образом, Вяч. Иванов не только переводит словом «грех» совершенно разные греческие понятия, но и добавляет его в текст сам.

§ 5. Понятие греха и трагедия

В стихотворении Вяч. Иванова 1919 года «Да, сей пожар мы поджигали...»²⁷⁷ финальные строки такие:

Поэт Трагедия: «Всё грех,
Что действие», — Жизнь: «Все за всех»,
А воля действенная: «Действуй!»²⁷⁸

Высказывание «Всё грех, что действие» в смысловом отношении близко к репликам Эриний в трагедии Вяч. Иванова «Прометей»:

1-я Эринния (отступая в темноту): Вина — рождение.
2-я Эринния (так же): Грех — свершение.
3-я Эринния (так же): Зло — ущерб.²⁷⁹

В предисловии к «Прометею» (1919) Вяч. Иванов излагает свой взгляд на антиномичность действия, комментируя тезис «действие — грех».²⁸⁰ По его мысли, любое действие содержит в себе самоотрицание и ведет к противодействию, становясь причиной вины: «так плетется, звено за звеном, непрерывная цепь греха и возмездия».²⁸¹ Под «действием» Иванов

²⁷⁷ Впервые: Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 179.

²⁷⁸ С. С. Аверинцев отмечал, что здесь явная отсылка к хоровой песни из «Агамемнона» (Ag. 213) о жертвоприношении Ифигении (Аверинцев С. С. Стратегия цитаты в поэзии Вячеслава Иванова // *Europa Orientalis*. 2002. Vol. 21. № 1. С. 24).

²⁷⁹ *СС*. Т. 2. С. 110.

²⁸⁰ Иванов В. Прометей: трагедия. Петербург, 1919. С. V–XXV. В Брюссельское собрание сочинений оно вошло под заголовком «О действии и действе» (*СС*. Т. 2. С. 156–169).

²⁸¹ Иванов В. Прометей: трагедия. С. V. Ср. высказывание Ф. Ф. Зелинского об «Антигоне» Софокла: «... но видно, есть и кроме “неотвратной” смерти нечто, против чего весь человеческий разум бессилён; это — грех (Atê). Как если ветер ударит в море, первая

подразумевает волевой поступок героя, противоречие же действия кроется в «неправде» этого поступка: в качестве примера поэт приводит слова Агамемнона «Что здесь не грех? Всё — грех!»,²⁸² добавляя, что они «заклучают в себе целую философию действия», выраженную в трагедии. Только *deus ex machina* может прекратить эту «цепь греха и возмездия».²⁸³

Нельзя обойти вниманием также параграф в «Дионисе и прадионисийстве», где Вяч. Иванов рассматривает идею первородного греха и мирового грехопадения, внесенную орфиками в религию Диониса.²⁸⁴ Согласно орфическому мифу, Загрей-Дионис был растерзан и съеден титанами, за что последние были сожжены Зевсом. Из их праха произошел человеческий род, и потому каждый человек является носителем одновременно и титанического начала, и дионисийского: «один титанизм во всех и один во всех Дионис».²⁸⁵ Первородный грех является причиной страдания всего человечества, вина которого заключается в «обособленном, “титаническом” самоутверждении человеческого я, в метафизически свободном приятии “принципа индивидуации”, в воле к отдельному бытию; эту волю душа продолжает грехопадение “предков законопреступных”, т. е. титанов».²⁸⁶

Эти рассуждения Вяч. Иванова важны для понимания, в первую очередь, его драм «Прометей», «Тантал» и неоконченной драмы «Ниобея», главные герои которых являются титанами. В то же время идея первородного греха, которую он возводил к глубокой древности, сопряжена с антиномическим пониманием действия: человечество вынуждено расплачиваться за титанический грех, но

поднятая им волна поднимает другую, эта — третью, и далее — так и в цепи поколений совершенный отцом грех подвигает на грех его сына, и далее, пока весь род, зараженный отравой, не исчезнет» (*Софокл. Драмы. Т. 2. С. 339*).

²⁸² *Аверинцев С. С. Гномическое начало в поэтике Вяч. Иванова // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1996. Vol. 41. С. 11.*

²⁸³ *Иванов В. Прометей: трагедия. С. VI.*

²⁸⁴ *ДП. С. 175–179.*

²⁸⁵ Там же. С. 176.

²⁸⁶ Там же. С. 177.

всякое волевое действие отдельного человека, утверждающего свое индивидуальное бытие, ведет к новому греху.

С одной стороны, стремление Вяч. Иванова переводить разные греческие понятия как «грех» объяснимо некой общей тенденцией, наблюдаемой также в переводах Анненского и Зелинского из греческих трагиков, а также его младшего современника Пиотровского, который, со всей очевидностью, испытал значительное влияние Иванова-переводчика. С другой стороны, такую особенность переводческой стратегии можно истолковать стремлением поэта намеренно акцентировать внимание на значении «греха» в развитии трагического сюжета в подтверждение своего тезиса о тождестве между действием и грехом.

Глава 3. Лексико-семантическая группа «судьба» в переводе трагедий Эсхила

§ 1. «Судьба»: значение

В МАСе выделено три значения существительного «судьба», но нас будут интересовать первое и второе значения:

1. «Складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (по суеверным представлениям — сила, предопределяющая всё, что происходит в жизни)».
2. «Участь, доля, жизненный путь».²⁸⁷

Существительное «судьбина» в МАСе описывается как синоним «судьбы» с пометкой «устаревшее» и «народно-поэтическое»; в словаре Ожегова, кроме того, отмечается, что «судьбина» — это «обычно о несчастливой судьбе, тяжелой участи».²⁸⁸ Если слово «судьба», таким образом, может употребляться в нейтральных контекстах, то слово «рок» обычно используется, когда речь идет о

²⁸⁷ МАС. Т. 4. С. 302.

²⁸⁸ Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2006. С. 778.

несчастливой судьбе, тяжёлой участи.²⁸⁹ Соответственно, «роковой» может означать как «предопределенный, по суеверным представлениям, роком, неотвратимый, неизбежный», так и «гибельный» или «несущий горе, несчастье, страдания».²⁹⁰

Существительные «доля», «участь» и «удел»²⁹¹ употребляются как синонимы слова «судьба», но этимологически их объединяет идея некоего распределения, причем это распределение всегда оценивается в категориях «счастье» — «несчастье». Так, доля — она либо счастливая, либо несчастливая. В отличие от «судьбы» и «рока», которые могут обозначать также некую силу, предопределяющую жизнь человека, «доля», «участь», «удел» — это результат такого предопределения, то есть то, что человек получает.

§ 2. Лексико-семантическая группа «судьба» в русских переводах Эсхила

Представив частотность употребления единиц лексико-семантической группы «судьба» в форме таблицы на примере «Орестей» в переводе как предшественников Вяч. Иванова, так и в более поздних переводах, мы получим следующую картину.

Таблица 8. Частотность единиц лексико-семантической группы «судьба» в русских переводах «Орестей».

	Агамемнон	Хозфоры	Эвмениды
Иванов	судьба (4) рок (14) роковой (6) доля (8)	судьба (9) судьбина (2) рок (13) роковой (5)	судьба (3) судьбина (1) рок (4) удел (5)

²⁸⁹ МАС. Т. 3. С. 728.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ В эту же группу можно отнести существительное «жребий», которое не будет рассмотрено, так как у Иванова оно встречается преимущественно в буквальном значении (как синоним «судьбы» во всех переведенных им трагедиях — только три раза, при этом ни в одном случае в греческом тексте нет эквивалентного понятия).

	участь (1) удел (6)	доля (2) удел (1)	
Котелов, 1864	судьба (18) рок (2) роковой (5) участь (4) удел (1)	судьба (9) рок (1) роковой (2) участь (3)	судьба (16) роковой (1) участь (1) удел (2)
Котелов, 1883	судьба (21) рок (4) участь (2)	судьба (13) судьбина (1) рок (1) роковой (1) доля (1) участь (2)	судьба (16) роковой (1) доля (1) удел (1)
Радциг, 1913	судьба (17) рок (14) роковой (10) доля (3) удел (2)	-	-
Пиотровский, 1937	судьба (12) судьбина (1) рок (3) роковой (1) доля (5) участь (2)	судьба (11) рок (1) роковой (1) доля (3) участь (1)	судьба (3) рок (1) доля (2) участь (2)
Апт, 1971	судьба (18) рок (1) доля (6) участь (1) удел (2)	судьба (17) роковой (4) доля (3)	судьба (3) роковой (1) доля (2) удел (3)

В остальных трех трагедиях, переведенных Вяч. Ивановым, частотность следующая:

«Персы»: судьба (1), судьбина (2), рок (11), роковой (3), доля (2), участь (1), удел (1);

«Просительницы»: доля (1);

«Семеро против Фив»: судьба (2), судьбина (2), рок (6), роковой (2), доля (1), участь (2), удел (1).

На основе представленной таблицы можно сделать следующие наблюдения: предшественник Вяч. Иванова Н. П. Котелов крайне редко употребляет слова «рок» и «роковой», а «доля» встречается лишь дважды только в его втором переводе 1883 года. В переводе Иванова представлены все рассматриваемые лексические единицы, но наибольшая частотность у слов «рок» и «роковой». В современном Иванову переводе «Агамемнона», выполненном С. И. Радцигом, «судьба» (17) и «рок» (14) встречаются почти с одинаковой частотностью, причем если в переводе Иванова «рок» появляется так же 14 раз, то на «судьбу» приходится лишь четыре случая употребления.²⁹² А. И. Пиотровский и С. К. Апт так же, как и Котелов, отдают предпочтение слову «судьба»: «рок» в их переводах встречается значительно реже. Вполне возможно, что Апт сознательно избегал включать эти понятия в свой перевод, чего нельзя сказать о Котелове, который в своем предисловии к переводу 1883 года неоднократно пишет о роке.²⁹³

²⁹² Это можно объяснить не только тем, что у Радцига реже, чем у Иванова, встречаются другие синонимы («доля», «удел»), но и тем, что первый никогда не вводит в текст Мойру как божество.

²⁹³ «Но при строго-религиозном направлении Эсхила в его произведениях, — впрочем, совершенно согласно с условиями античного культа, — слишком много дано воли року, которому подчинены не только люди, но и бессмертные боги. По воле рока Артемида за убитую на охоте Агамемноном ее любимую лань требует от него в жертву себе его дочь Ифигению, а когда принесена была в жертву Ифигения, Клитемнестра должна была убить Агамемнона, Орест должен был умертвить Клитемнестру. Стало быть, кровь за кровь должна была литься по воле неумолимого рока!» (Котелов, 1883. С. 17).

§ 3. Лексико-семантическая группа «судьба» в переводах Вяч. Иванова из Эсхила

Рассмотрим отдельные греческие понятия, которые Вяч. Иванов передает с помощью слов лексико-семантической группы «судьба», при этом мы оставим в стороне, за некоторыми исключениями, другие способы передачи Ивановым этих понятий на русский язык.

3.1. Моїра, αἴσα, λάχος

В эту группу мы объединили слова, связанные с семантикой получения части некоего целого, в том числе по жребию.

Существительное моїра Вяч. Иванов переводит как «судьба» или «судьбина» (Sept. 507; Ag. 1314; Ch. 306, 910–911), как «рок» (Pers. 886; Ag. 1026, 1448, 1536; Ch. 238–239) и как «участь» (Pers. 103). В ряде случаев в его переводе сохраняется эсхилевская персонификация — «Мойра».

Греческое существительное моїра этимологически связано с глаголом μείρομαι («получать долю»), а также с другими однокоренными словами, среди которых: μέρος («доля, часть»), μόρος («участь», «судьба», «гибель»), τό μόρσιμον («участь», «гибель»). Семантика слова моїра в некотором отношении схожа с семантикой русского существительного «доля», и в литературе зафиксировано употребление первого как в буквальном значении, то есть выделенной части целого (например, «доля» добычи или «надел» земли), так и в переносном («судьба», «рок», «участь»)²⁹⁴ Э. Р. Доддс так объясняет сущность Мойры в греческих религиозных представлениях: «я полагаю, что она является олицетворением необъяснимости сваливающихся несчастий, частью

²⁹⁴ Этимология: *Chantraine*. P. 678. *Beekes*. P. 922–923. Другие значения: *Дворецкий*. С. 1105. О Мойре: *Eitrem S. Moira // RE*. Bd. XV. 2 (Hbд. 30). 1932. Sp. 2449–2497. *Greene W. Chase*. Moira. Fate, Good, and Evil in Greek. Thought. Cambridge, 1944. О Мойре и судьбе в гомеровском эпосе: *Nilsson M. P. Geschichte der Griechischen Religion*. München, 1992. Bd. 1. S. 361–368. О Мойре у Эсхила: *Fraenkel*. P. 727–730.

человеческого “удела” или “жребия”, означая просто то, что люди не могут понять, почему нечто плохое случилось с ними — но поскольку оно случилось, очевидно, что “так ему и должно быть”».²⁹⁵

В греческой мифологии Мойра персонифицируется, превращаясь в богиню судьбы, которая прядет нить человеческой жизни с момента его рождения до самой смерти. Представление об этом божестве различается у греческих авторов, но уже Гесиод говорит о Мойрах во множественном числе. Иногда они выступают как слепая судьба, предопределение, фатум; иногда — как аллегория человеческой жизни. Согласно Гесиоду, Мойры являются детьми Ночи, и им подчиняются даже боги (Theog. 221–225). В «Эвменидах» хор Эриний называет Мойр своими сестрами, рожденными от той же матери, именуя их δαίμονες ὀρθονόμοι (Eum. 961ff.). Прилагательное ὀρθονόμοι Иванов передает как «законницы», но этимологически оно может быть связано не только с νόμος в значении «закон», но и с глаголом νέμω «выделять часть». Во втором случае его буквально стоит понимать как «выделяющие справедливую долю». В «Прометее прикованном» три Мойры вместе с Эриниями называются «кормчими Необходимости» (ἀνάγκη), над которыми не властен даже Зевс (Prom. vinc. 515ff.).

У Эсхила Мойра или Мойры могут выступать как персонификация судьбы, а также в значении «участь» (напр., Ag. 1314, в переводе Иванова — «судьба Агамемнона»). Но стоит отметить, что в его трагедиях Мойра — это отнюдь не всегда слепой рок или судьба как особая сила, но конкретная участь отдельного человека, связанная с представлением о воздаянии за преступления.²⁹⁶ В переводе Иванова персонификация «Мойра» встречается десять раз, из которых

²⁹⁵ Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000. С. 19.

²⁹⁶ «In a number of passages in which the basic ideas of Aescylus' religious and moral convictions find their clearest expression Μοῖρα (or Μοῖραι) denotes not Destiny in general, but the particular fate which causes the appropriate penalty to follow inevitably upon every sin. Moira is the goddess who sees to it that this connection between cause and effect, i. e. in the sphere of moral and legal obligations, between debt and payment, or between guilt and atonement, is safeguarded against any disturbance; in this capacity Moira is nearly related to Erinys, and it is no accident that Dike, too, is her companion» (Fraenkel. P. 728).

восемь — в «Эвменидах» и по одному в других трагедиях «Орестей». В остальных случаях он переводит это слово как «судьба» (либо с прописной буквы «Судьба» / «Судьбина») или «рок» («Рок»).

В качестве примеров персонификации, которую Вяч. Иванов сохраняет в переводе, можно привести следующие два пассажа. В первом Клитемнестра возражает Оресту, который вот-вот ее убьет, на обвинения в убийстве Агамемнона:

{Кл.} ἡ **Μοῖρα** τούτων, ὃ τέκνον, παραίτια.

{Ор.} καὶ τόνδε τοῖνον **Μοῖρ'** ἐπόρσυνεν μόρον (Ch. 910–911)

Дословно: «Клитемнестра: Мойра, о дитя, в этом совиновница.

Орест: Значит, и эту участь Мойра [тебе] приготовила».

Перевод Иванова: «Клитемнестра: Мой сын, **Судьбина** в деле том виновница.

Орест: На казнь **Судьбина** та же обрела тебя».

В «Хоэфорах» хор, говоря о принципе справедливости, согласно которому за кровь следует платить кровью (т. н. *lex talionis*), обращается к Мойрам в таких выражениях:

ἀλλ' ὃ μεγάλα **Μοῖραι**, Διόθεν τῆδε τελευτᾶν, ἧ τὸ δίκαιον μεταβαίνει. (Ch. 306–308)

Дословно: «Но, о великие Мойры, по воле Зевса вершите дело таким путем, каким ступает справедливое».

Перевод Иванова: «Три великих сестры, три вокруг Зевса **Судьбы**, / Нас ведите путем, / Где пристанет попутчицей Правда!»

Субстантивированное прилагательное среднего рода τὸ μόριμον этимологически связано с μοῖρα и также может обозначать судьбу или долю — как счастливую, так и несчастливую. Но в отличие от μοῖρα, это понятие не может выступать как персонификация. Его Вяч. Иванов переводит как «судьба» (Sept. 263), но чаще как «рок» (Sept. 281; Ag. 1048, Ch. 464, 103).

Другое однокоренное слово — *μόρος* может употребляться в значении «участь, жребий, судьба» или «смерть, гибель», обычно имея отрицательные коннотации.²⁹⁷ Оно в переводе Иванова передается как «рок» (Pers. 441; Sept. 383, 704) и как «удел» (Ag. 1146).

Существительное *αἴσα* у трагиков употребляется как синоним слова *μοῖρα*. Этимологически оно тоже близко последнему: этимологию *αἴσα* возводят к индоевропейскому корню со значением «давать» и «получать».²⁹⁸ Вяч. Иванов переводит это существительное как «рок» (Ch. 647, 927), «доля» (Ch. 379), «участь» (Suppl. 202). *Αἴσα* может означать судьбу как некую силу, определяющую жизненный путь человека и выступать в качестве персонификации.²⁹⁹ Так же, как и *Μοῖρα*, *Αἴσα* нередко оказывается тесно связанной с Правдой (*Δίκη*) и Эриниями. Так, например, в «Хоэфорах» хор говорит следующее:

*Δίκας δ' ἐρείδεται πυθμῆν' / προχαλκεύει δ' Αἴσα φασγανουργός / τέκνον δ' ἐπεισφέρει
δόμοις / αἰμάτων παλαιτέρων / τίνειν μύσος χρόνῳ κλυτὰ / βυσσόφρων Ἐρινύς* (Ch. 646–652).

Дословно: «Основание Правды стоит устойчиво. **Айса**, ковщик мечей, кует наперед. Славная глубокомыслящая Эриния приносит со временем в дом дитя, чтобы воздать за скверну древней крови».

Перевод Иванова: «Но все ж незыблем Правды столп, / И ковщик / Оружья, **Рок**,
ко сроку / Булат отточит, и кровей / Древних чадо в дом введет. / Бездонна мысль
Эринии: / Ей, ночной, возмездье!»

Семантикой получения части целого обладает также глагол *λαγχάνω* и однокоренное с ним существительное *λάχος*. Этот глагол имеет следующие значения: «получать по жребью / по воле судьбы или богов», «тянуть или бросать жребий».³⁰⁰ Соответственно, *λάχος* — «доля», полученная по жребью;

²⁹⁷ Дворецкий. С. 1110. *LSJ*. P. 979.

²⁹⁸ *Beekes*. P. 43.

²⁹⁹ Дворецкий. С. 55. *LSJ*. P. 94.

³⁰⁰ Дворецкий. С. 1006. *LSJ*. P. 869–870. Этимология: *Beekes*. P. 821.

это слово может употребляться как в прямом значении (как доля добычи, например), так и в переносном (в смысле судьбы), так что его семантика еще и сходна с русским существительным «доля». Вероятно, именно эта смысловая близость к слову μοῖρα нашла свое отражение также в имени одной из сестер-Мойр — Λάχεσις. В переводе Иванова λαγχάνω и λάχος передаются как «рок» (Sept. 424; Ch. 940; Eum. 335), «доля» (Ag. 379) и «участь» (Eum. 310, 715, 930).

Например, в «Эвменидах» хор Эриний, говорит о своей обязанности преследовать преступника, пролившего родственную кровь:

τοῦτο γὰρ **λάχος** διανταία Μοῖρα' ἐπέκλωσεν ἐμπέδως ἔχειν (Eum. 335)

Дословно: «Ведь беспощадная Мойра выпряла такую **долю**, чтобы твердо следовать ей».

Перевод Иванова: «Ты, насквозь разящая, **Рок** мой выпряла, Мойра!»

В переводе трагедии «Семеро против Фив» глагол λαγχάνω встречается в контексте рассказа о том, против каких ворот выступает каждый из семерых военачальников. Решение об этом принималось по жребию:

Καπανεύς δ' ἐπ' Ἠλέκτραισιν εἴληγεν πύλαις (Sept. 424).

Дословно: «Капаней **по жребию получил** встать против ворот Электры».

Перевод Иванова: «Стал Капаней, гигант, перед Электрами: / Ему врата вторые **рок** судил».

«Рок судил» в русском переводе звучит более возвышенно, чем εἴληγεν (С. Апт, например, перевел этот стих как «Ворота же Электры Капанею брать назначил жребий»), и с акцентом некой неизбежности.

3.2. Τύχη, δαίμων, συμφορά

Рассмотрим такие понятия, которые имеют отношение, в том числе контекстуальное, к понятию случая.

Существительное *τύχη* многозначно и связано с той сферой, которая неподвластна человеческой воле. Однокоренной глагол *τυγχάνω* означает «случайно наталкиваться, встречать», а *τύχη* — «стечение обстоятельств», «случай» (счастливый или несчастливый, и отсюда — «счастье» или «беда»), «судьба».³⁰¹ Как и *μοῖρα*, она может персонифицироваться, но развитие культа *Τύχη* как богини случая относится, скорее, к эллинистическому периоду. Как таковая *τύχη*, в отличие от *μοῖρα*, не имеет семантики предопределения или неотвратимого рока: это то, что случилось (а могло и не случиться) или произойдет в будущем (или не произойдет). Иванов переводит *τύχη* как «судьба» (Pers. 341; Ag. 664, 668, 1653; Eum. 596), «рок» (Ag. 187, 571, 1084; Eum. 955), «доля» (Sept. 332; Ag. 465, 1165; Ch. 373), «удел» (Ag. 1042).

Так, например, вестник Агамемнона, рассказывая о чудесном спасении их корабля во время бури, говорит, что это сделал «некий бог, а не человек, взявшийся за кормило» (*θεός τις, οὐκ ἄνθρωπος, οἴακος θιγών* Ag. 663), и далее:

τύχη δὲ σωτήρ ναῦν θέλουσ' ἐφέζετο (Ag. 664)

Дословно: «Судьба спасительницей благосклонно села на корабль».

Перевод Иванова: «Судьба благая, на корму воссев, сама / Путь правила до пристани...»

Существительное *δαίμων* в греческой трагедии имеет значение «божество, божественная сила», иногда оно встречается в словосочетаниях с *τύχη* и выступает как ее синоним: это некая анонимная сверхъестественная сила, которая вмешивается в дела человека самым непредсказуемым образом. В большинстве случаев Вяч. Иванов передает это слово как «демон»: например, Атосса, говоря о гибели персидского войска, предполагает, что «некий демон войско погубил» (*δαίμων τις κατέφθειρε στρατόν* Pers. 340). Здесь этот оборот речи схож с приведенным выше *θεός τις, οὐκ ἄνθρωπος* (Ag. 664). Больше всего «демонов» у Иванова в «Агамемноне» (12 раз) и в «Персах» (7 раз). Иванов

³⁰¹ Дворецкий. С. 1657. *LSJ*. P. 1587–1588, 1592–1593.

переводит его также как «судьба» (Pers. 889; Ch. 513) и как «рок» (Pers. 847). В некоторых случаях δαίμων действительно близок понятию «судьба».³⁰² Русское слово «демон», в отличие от греческого δαίμων, имеет исключительно отрицательные коннотации в связи с христианскими представлениями: это нечистая сила, которая приносит человеку вред.

Приведем пассаж из «Персов», который в переводе Вяч. Иванова насыщен лексическими единицами со значением «судьба». Это начало реплики Ксеркса, вернувшегося домой после поражения, нанесенного греками:

ὰὸ ἰὸ, / δύστηνος ἐγὼ στυγερᾶς μοίρας / τῆσδε κυρήσας ἀτεκμαρτοτάτης, / ὡς
ὠμοφρόνως δαίμων ἐνέβη / Περσῶν γενεᾶ: τί πάθω τλήμων; (Pers. 886–890)

Дословно: «Увы, увы, я злосчастный, встретивший эту ужасную **участь**, которую ничто не предвещало. Как жестоко **демон** пограл персидский народ! Что я, несчастный, еще претерплю?»

Перевод Иванова: «Увы! Увы! / Злополучный мой **рок!** Безотрадный **удел!** / Беспремерный удар! Непостижный удар! / Как свирепо **Судьба** покарала наш род! / Что нести мне дано! Что терпеть суждено!»

Примечательно, что Вяч. Иванов пытается передать эмоциональный монолог Ксеркса при помощи ряда восклицательных предложений и синонимии, тогда как у Эсхила той же цели служит скопление в нескольких стихах эмоционально окрашенных, семантически близких слов (δύστηνος и τλήμων; στυγερᾶς и ὠμοφρόνως). У Эсхила δαίμων оказывается более «одушевленным», чем «Судьба» в ивановском переводе, и у него отсутствует идея наказания: ἐνέβη буквально означает «наступил, пограл».

По своему значению συμφορά близка к τύχη: точно так же это слово означает «стечение обстоятельств», «случай» — как благоприятный, так и нет, но в отличие от τύχη, оно никогда не выступает как персонификация. Другое значение — «исход» какого-либо события. В переводе Вяч. Иванова оно

³⁰² См.: Nilsson M. P. Geschichte der Griechischen Religion. München, 1992. Bd. 1. S. 216–221.

передается как «судьба» (Ag. 325; Eum. 1020) и как «рок» (Ch. 931). В «Эвменидах» συμφορὰς βίου (досл. «случаи жизни») Иванов переводит как «судьба» (Eum. 1020). В «Агамемноне» речь идет о разном положении победителей и побежденных, и он также здесь переводит συμφορὰ как «судьба»:

καὶ τῶν ἀλόντων καὶ κρατησάντων δίχα / φθογγὰς ἀκούειν ἔστι συμφορᾶς διπλῆς (Ag. 324–325).

Дословно: «Можно услышать отдельно голоса захваченных и победителей, [голоса] двойного исхода».

Перевод Иванова: «Взыванья побежденных и осиливших / Звучат отдельно, — как различна их судьба».

3.3. Ἀνάγκη

Существительное ἀνάγκη означает «необходимость», «неизбежность», в том числе как закон природы, оно имеет также значение «судьба».³⁰³ Другие значения — «сила, насилие», «страдание». Принцип необходимости ἀνάγκη исполняют Мойры и Эринии, а Платон в «Государстве» прямо называет Мойр дочерьми Ананке (Resp. 617c). Шантрен отмечает, что употребление этого слова в значении «судьба» — скорее исключение, чем правило, и, хотя Ананке персонифицировалась в поэзии и философских сочинениях, она не являлась объектом культа.³⁰⁴ Вяч. Иванов переводит ἀνάγκη как «судьба» (Ag. 218), «рок» (Pers. 254, 565; Ch. 75), «роковой» (Ag. 1071), «удел» (Ag. 1042), «нужда» (Pers. 590; Eum. 549), «принуждение» (Eum. 426), «должны» (Pers. 288; Ag. 754). В статье «Древний ужас» Иванов ставит знак равенства между Ананке и Судьбой («Ананке-Судьба», «мировая необходимость» — так он ее называет).³⁰⁵

³⁰³ Дворецкий. С. 112. LSJ. P. 94.

³⁰⁴ Chantraine. P. 82–83.

³⁰⁵ Иванов Вяч. Древний ужас // СС. Т. 3. С. 101–102. «Сильнее самих богов — Судьба: непредвидима и неотвратима роковая година. Судьбы не умилоустивить жертвами, не победить противлением; ни умилишь, ни отразить ее нельзя. Нет в Неизбежной произвола, ни человекоподобия, как в других божествах. И первоначально не было в ней правды. Ее воля —

У Эсхила хор говорит об Агамемноне, который был вынужден принести в жертву свою дочь Ифигению, чтобы войско могло отплыть на войну с Троей:

ἀνάγκας ἔδω λέπαδνον... (Ag. 218).

Дословно: «Он надел петлю [ярма] необходимости».

Перевод Иванова: «В ярмо **судьбы** — раз он впрягся выей...»

Существительное ἀνάγκη означает здесь то, что обстоятельства вынудили Агамемнона принести в жертву свою дочь по требованию высших сил, так как другого выхода у него не было.³⁰⁶

Слова Клитемнестры прибывшей вместе с Агамемноном Кассандре:

εἰ δ' οὖν ἀνάγκη τῆσδ' ἐπιρρέποι τύχης, / ἀρχαιοπλούτων δεσποτῶν πολλὴ χάρις
(1042–1044).

Дословно: «Если **необходимость** склонилась в сторону такой **судьбы**, то большое счастье — [быть] у владык, которые богаты с древних времен».

Перевод Иванова: «Кому ж удел в неволе жить, добро тому / В издревле изобильном доме рабствовать».³⁰⁷

Этот пример интересен тем, что здесь одновременно встречаются и ἀνάγκη, и τύχη.

3.4. ἄτη

Существительное ἄτη, как было указано ранее, обозначает некое помрачение ума (в том числе по воле богов), ведущее к безрассудным поступкам,

мировая необходимость, рассуждали потом; она — Ананке. Необходимость, Ананке, — значило ли: причинная связь явлений?» (Там же).

³⁰⁶ См. комментарий Виламовица: «ἀνάγκη — это в большей степени принуждение, наложенное на людей в конкретных обстоятельствах, нежели predetermined жесткая необходимость» («Selbst Ananke ist viel mehr der Zwang, der in konkreten Verhältnissen auf dem Menschen liegt, als die vorherbestimmte starre Notwendigkeit»). *Wilamowitz, 1901. S. 26*).

³⁰⁷ Во второй редакции: «Кому ж удел — неволя, благо, верь, тому В издревле изобильном доме рабствовать».

а также то, к чему приводит такой поступок (вина, грех, бедствие, гибель). Как персонификация Ата — это «богиня беды, источник всех слепых, опрометчивых действий и их результатов».³⁰⁸ Вяч. Иванов по-разному переводит это слово,³⁰⁹ но пять раз — как «рок» (Pers. 100; Ag. 386, 643, 820; Ch. 68), причем дважды как его персонификацию, то есть «Рок» (Pers. 100; Ch. 68). Возможно, что «Рок», а не «рок» стоило бы читать и в переводе Ag. 386, потому что там тоже Ата очевидно персонифицируется (впрочем, во всех автографах Иванова в этом месте «рок» со строчной буквы):

βιάται δ' ἄ τάλαινα πειθῶ προβούλος, παῖς ἄφερτος ἄτας (Ag. 386).

Дословно: «силой принуждает [человека] злосчастное Убеждение, решающее заранее, невыносимое дитя **Аты**».

Перевод Иванова: «Нашепчет пагубный совет страсть, — / Ее ж заслал, вины предтечей, злой **рок**...»

Трудно сказать, в каких случаях Вяч. Иванов переводит ἄτη как «Рок», а в каких «Ата», но этот выбор мог быть обусловлен метрически.

3.5. Добавление переводчика

В следующих местах в греческом тексте нет конкретного слова, которое бы соответствовало существительным в русском переводе:

1) «судьба»: Sept. 96, 598; Ag. 350, 674, 1084, 1264, 1663; Ch. 542, 558, 695, 746, 795, 895;

2) «рок»: Pers. 269, 324, 743; Sept. 402, 587; Ag. 347, 820, 1248; Ch. 455, 719, 870;

3) «доля»: Pers. 165, 521; Ag. 602, 1083;

³⁰⁸ *LSJ*. P. 243.

³⁰⁹ «Ослепленье» (Pers. 656), «Ата» (Pers. 824, 978; Sept. 315–316, 601, 686; Ag. 1229, 1433; Ch. 598, 383; Eum. 376), «рок» / «Рок» (Pers. 100; Ag. 386, 643, 819; Ch. 68), «проклятье» (Ag. 771, 1268, 1566; Ch. 830, 1076), «кара божия» (Ag. 735), «удар» (Ag. 1523), «гибель» (Ch. 405), «напасть» (Ch. 825). (См. главу 2.2.4.3).

4) «участь»: Ag. 345, 570.

В переводе Вяч. Иванова нет какого-либо точного соотношения между теми или иными древнегреческими и русскими лексическими единицами из лексико-семантической группы «судьба». Можно отметить, что ἄτη он переводит как «рок», но ни разу как «судьба». В свою очередь, русские слова в его переводе могут передавать совершенно разные древнегреческие понятия и больше всего приходится на существительные «судьба» (μοῖρα, μόρσιμον, τύχη, δαίμων, ἀνάγκη, συμφορά, βίωτος) и «рок» (μοῖρα, μόρσιμον, μόρος, αἴσα, τύχη, ἄτη, δαίμων, θέμις, ἀνάγκη, συμφορά, λάχος, λαγχάνω). Наконец, стоит сказать также о прилагательном «роковой». В переводах Иванова в большинстве случаев оно означает «несущий гибель», «смертоносный» и соответствует совершенно разным греческим словам или и вовсе является эпитетом, принадлежащим переводчику. Так, оно присутствует только в переводе, не имея эквивалента в греческом тексте, в: Pers. 73; Sept. 598; Ag. 747, 759, 1500; Ch. 376, 728. В других местах при помощи этого прилагательного передаются следующие греческие слова: πατροκτόνον («отцеубийственный» — о покрывале, наброшенном Клитемнестрой на Агамемнона, Ch. 1015), λουτρῶν οἷς ἐνοσφίσθης (у Иванова «роковая купель», досл. «баня, где ты был убит», Ch. 491), δάαν Ἑλλάδα χώραν («роковая Эллада», досл. «враждебная (злополучная) страна Эллада», Pers. 266), δυσδαίμονά τ' ἄκταν («берега роковые», досл. «несчастливый берег», Pers. 927).

§ 4. Судьба и трагедия

Судьба, рок, фатум в работах Вяч. Иванова о греческой трагедии выступают как синонимы. Важная мысль для понимания его взглядов на трагедию, которую он не раз высказывал, заключается в отрицании утверждения,

будто греческая трагедия — это исключительно трагедия рока.³¹⁰ Об этом он говорил в своих «Лекциях по поэтике», прочитанных в Бакинском университете:

«Идея Судьбы встречается очень редко в античной трагедии. Вся трагедия Эсхила основана на свободной личности, у него преступление — свободное деяние ответственной личности».³¹¹

О том же он писал в «Предисловии переводчика» к несостоявшемуся советскому изданию Эсхила:

«...что в своей манере и художественном задании, как “примитив”, мало общего имеет он с классическим “академизмом” Софокла, — чем объясняются и могучий реализм, роднящий его с Шекспиром, и на твердых устоях строгой веры основанный мужественный морализм ветхозаветного склада, свободный от примеси того свойственного Софоклу и уже агностического фатализма, благодаря которому вся античная трагедия (что неприменимо именно к Эсхилу) долгое время ошибочно слыла “трагедией рока”».³¹²

Но более подробно эту мысль он раскрыл в неоконченной статье «Человек и судьба в трагедиях Эсхила и Софокла» (другой вариант названия — «Герой и судьба в античной трагедии»: РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 14. Л. 1–3). Приведем из нее некоторые цитаты:

«И все же взгляд на древнюю трагедию, как на трагедию рока, ошибочен, как в постижении ее основного тона и конечного смысла, так и в общей оценке древнего самоопределения человеческой личности перед лицом сверхчеловеческих могуществ».

«Так, Эсхил Прометей — всецело подвижник самодеятельного подвига и как бы сам свой рок: ясно видит он, на что идет, не толкаемый ничьею силою извне на путь

³¹⁰ О мифологеме судьбы в рамках творчества Вяч. Иванова в целом см.: Федотова С. В. Поэтология Вячеслава Иванова: монография. Тамбов, 2012. С. 82–94.

³¹¹ Иванов В. И. Лекции по поэтике (1921–1922) [конспект, сделанный О. Г. Тер-Григорьяном; готовится к печати К. Ю. Лаппо-Данилевским]. Тетр. VI. Л. 120.

³¹² Иванов В. И. Предисловие переводчика к «Орестее» Эсхила // Эсхил. 1989. С. 197.

дерзновения, и — добровольный мученик своего «человеколюбивого нрава» (*philanthrôpos tropos*) — с полной сознательностью сверхчеловеческого прозрения в будущее избирает свой жребий. Тою же печатью самопроизвольности, самочинности отмечено благородное деяние Софокловой Антигоны. Нравственная красота обоих творений — красота высокого почина свободной воли. В Эхилиовых «Персах» не рок, а Ксеркс, безумный самодержец, выставлен единоличным виновником гибели царства». ³¹³

Вяч. Иванов здесь не отрицает античные представления о судьбе, но ставит акцент на том, что в центре трагедий Эхила стоит свободная воля человека, который сознательно выбирает свою судьбу. Примечателен тот факт, что он ссылается на трагедии Эхила, сюжет которых подходит для иллюстрации его утверждения, однако не говорит в этой статье, например, об «Орестее» или «Семерых против Фив», которые так или иначе иллюстрируют концепцию наследственной вины, а значит, и отчасти идею судьбы. Схожие мысли Иванов высказывает в своей книге о Достоевском, где сравнивает с последним Эхила:

«То, что в трагедиях Софокла представляется как непостижимый приговор судьбы, возвышается Достоевским (подобно Эхилу, который ставит на место Ананке заслуженное человеком проклятие богов) в первоначальный метафизический акт воли человеческой души, которая или обращается к Богу и тем самым на всю свою земную жизнь сохраняет глубинное чувство Его присутствия и веру в Него — или отдаляется от Него — и тогда она не может в течение всей жизни вспомнить о Нем, не может верить в него, даже если к вере стремится и о вере говорит». ³¹⁴

Таким образом, по мнению Вяч. Иванова, если герои Эхила страдают, то страдают они по своей вине.

³¹³ *Иванов В. И.* Человек и судьба в трагедиях Эхила и Софокла / Публ. и примеч. Н. В. Котрелева // *Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи.* М., 2010. С. 130.

³¹⁴ *Иванов Вяч.* Достоевский. Трагедия – миф – мистика // *СС.* Т. 4. С. 497.

Глава 4. Христианские коннотации в переводе Эсхила

В ивановских переводах трагедий Эсхила обращает на себя внимание значительный объем архаизмов,³¹⁵ среди которых можно выделить лексику, принадлежащую к церковнославянскому книжному языку. Таким образом Вяч. Иванов пытался передать стилистически архаичный язык Эсхила (особенно в хоровых партиях). Стоит также вспомнить тезис Иванова о животворном влиянии эллинского языка на русский. Так, в статье «Наш язык» (1918) он пишет следующее: «Церковно-славянская речь стала под перстами боговдохновенных ваятелей души славянской, свв. Кирилла и Мефодия, живым слепком “божественной эллинской речи”, образ и подобие которой внедрили в свое изваяние приснопамятные Просветители».³¹⁶

Эсхил в переводе Вяч. Иванова местами неизбежно вызывает ассоциации с библейским текстом и христианскими реалиями. П. А. Журов, слушавший чтение перевода Эсхила в Сочи 3 января 1917 года записал в дневнике: «Литературный кружок. Вячеслав Иванов читает “Плакальщиц” и “Евменид”. Мне показалось — трагедии (в одном случае) христианизированы».³¹⁷

С. С. Аверинцев, разбирая пассаж из «Агамемнона» («Жив Бог! Сущий жив!»), который Иванов переводит, используя библейские формулы «сущий» и

³¹⁵ Это касается и других переводов Иванова, ср.: «Вячеслав Иванов, архаизируя, создает иной художественный мир, нежели у любого из его современников или предшественников: это мир архаически (или иератически) преображенный» (*Эткинд Е. Г. Вьючное животное культуры (Об архаическом стиле Вячеслава Иванова) // Эткинд Е. Г. Там, внутри: О русской поэзии XX века. Очерки. СПб., 1997. С. 145*). О переводе Новалиса: «Стиль перевода не просто отличен от оригинала — он ему противоположен. Вместо простоты — усложненность, вместо прозрачности — темнота, вместо прямых значений слов — нагромождение фигуральных...» (*Эткинд Е. Г. Поэзия Новалиса // Эткинд Е. Г. Там, внутри: О русской поэзии XX века. С. 173*).

³¹⁶ *Иванов Вяч. Наш язык // Из глубины: сб. статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. М., 1990. С. 146*. Подробнее о значении церковнославянского языка в мифопоэтике Иванова: *Poljakov F. Kirchenslavisch als universelle Kultursprache in der mythopoetischen Konzeption Vjačeslav Ivanovs // Die Welt der Slaven. 1997. Vol. XLII. S. 252–271*.

³¹⁷ *Субботин С. И. «...Мои встречи с Вами нетленны...»: Вяч. Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П. А. Журова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 215*.

«живый»,³¹⁸ отмечает, что причины вольного обращения с текстом оригинала следует искать в мировоззрении Иванова: «согласно догматам его веры, устремление греческой античности за пределы инерции политеистического сознания по существу своему принадлежит той же сфере, что и Ветхий Завет; а значит, относящиеся сюда интуиции Эсхила могут быть наиболее корректно переданы на русский язык, изначально сформированный воздействием Библии, именно через посредство библейских речений».³¹⁹ Н. Н. Казанский, полемизируя с Аверинцевым, сомневается в том, что в переводах Иванова «такая установка могла быть сознательной» и предпочитает объяснять «возникшую культурную интерференцию в большей мере как зависящую от интенции Иванова-переводчика и обусловленную в большей степени поиском адекватных языковых средств для передачи древнегреческого оригинала, нежели из сознательной идеи “христианизации Эсхила”».³²⁰ «Христианские» выражения можно найти и в других переводах Иванова, в частности, из Алкея и Сапфо. К. Ю. Лаппо-Данилевский отмечает, что «Вяч. Иванов рассматривал свое творчество как единый религиозно-художественный проект. Крайне важным для него поэтому было сближение древних языческих культов с культом христианским, подчеркивание их неразрывной преемственности. Этот эффект достигался главным образом введением лексических средств с ясно различимыми христианскими коннотациями...»³²¹

³¹⁸ По всей видимости, именно этот пассаж Иванов имел в виду, когда писал позже: «Хотя мы, пожалуй, находим у Эсхила подлинную веру в Бога, все же сам он не подозревал о том, что был пророческим сосудом веры» (*Иванов В. И. Гуманизм и религия: О религиозно-историческом наследии Виламовица / Пер. с нем., комм. и послесловие К. Ю. Лаппо-Данилевского // Символ. 2009. № 53–54. С. 210*).

³¹⁹ *Аверинцев С. С. Единство общечеловеческого культурного предания как тема поэзии и мысли Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – Мировая культура. Томск; М., 2003. С. 6. О том же пассаже говорится в статье: Аверинцев С. С. Стратегия цитаты в поэзии Вячеслава Иванова // Europa Orientalis. 2002. Vol. 21. № 1. С. 12.*

³²⁰ *Казанский, 2003. С. 17–18.*

³²¹ *Лаппо-Данилевский К. Ю. Переводы Вячеслава Иванова из Алкея и Сапфо // Алкей и Сапфо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. Третье, переработанное издание / науч. редакция,*

В настоящей главе будут рассмотрены отдельные слова и выражения, которые вносят в перевод Эсхила библейские и христианские коннотации (как на уровне исключительно языковом, так и идейном); мы не называем их библейскими аллюзиями, так как аллюзия — это понятие, сопряженное скорее с представлением о некоей сознательной авторской интенции, тогда как в переводах Иванова, если согласиться с мнением Н. Н. Казанского, наличие такой интенции не всегда очевидно.³²²

§ 1. Лицо земли

Язык греческой Септуагинты, лежащей в основе славянского перевода Библии, содержит множество калькированных выражений, восходящих к еврейскому оригиналу. Одним из таких выражений является словосочетание «лицо земли», обозначающее земную поверхность: в славянской Библии таким образом передается греческое выражение τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, многократно встречающееся в Септуагинте. Следует отметить, что существительное πρόσωπον («лицо») в древнегреческом языке может обозначать лицо человека или выражение лица, иногда — морду животного, редко — фасад здания (например, храма), однако в значении «поверхность» употребимо только в христианских текстах.³²³ В Септуагинте τὸ πρόσωπον τῆς γῆς — это калька древнееврейского выражения p^onê hā^ʔaḏāmâ или p^onê hā^ʔāreṣ. Первое существительное (здесь — p^onê) может обозначать лицо человека или животного,

сост., вступ. статья и текстология К. Ю. Лаппо-Данилевского; комментарии С. А. Завьялова. СПб., 2019. С. XXVII.

³²² Иное можно сказать про оригинальные произведения Вяч. Иванова: например, А. Л. Топорков показывает, что в «Повести о Светомире царевиче» поэт не только обращается к библейским сюжетам, но и часто цитирует Библию и литургические тексты: Топорков А. Л. Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор. М., 2012. О библейских и литургических цитатах в поэзии Иванова см. также: Федотова С. В. Поэтология Вячеслава Иванова: монография. Тамбов, 2012. С. 212–235.

³²³ LSJ. P. 1327. Lampe. P. 1186. Bauer. Sp. 1431.

а также употребляется в еврейской Библии в значении «поверхность» земли или воды.³²⁴

В переводах Вяч. Иванова из Эсхила выражение «лицо земли» встречается четыре раза, приведем их с текстом Эсхила и дословным переводом:

1. Реплика вестника Талфибия на вопрос предводителя хора о судьбе Агамемнона:

οὐκ οἶδεν οὐδεὶς ὥστ' ἀπαγγεῖλαι τοῦτῳ, / πλὴν τοῦ τρέφοντος Ἥλιου **χθονὸς φύσιν** (Ag. 632–633).

Дословно: «никто не знает, чтобы сообщить точно, / кроме Гелиоса, питающего **природу земли**».

Перевод Иванова: «Кто знает, что с ним? Видит кто? Ты, Гелиос, / Зовущий жизнь из мрака на **лицо земли**».

2. Из монолога вестника Талфибия:

Μενέλεων γὰρ οὖν / πρῶτόν τε καὶ μάλιστα προσδόκα μέλειν· / εἰ δ' οὖν τις ἀκτὶς ἡλίου
νιν ἱστορεῖ / χλωρόν τε καὶ βλέποντα, μηχαναῖς Διὸς / οὐπω θέλοντος ἐξαναλῶσαι γένος, /
ἐλπὶς τις αὐτὸν πρὸς δόμους ἤξειν πάλιν (Ag. 675–8).

Дословно: «Ожидай, что Менелай, несомненно, прибудет первым, / если луч солнца его знает / живым и зрячим, благодаря помощи Зевса, / который не хотел вовсе уничтожить род, / есть некоторая надежда, что он снова придет домой».

Перевод Иванова: «Жди Менелая: первым, знаю, он придет. / Когда единый солнца луч его живым / И зрячим обретает **на лице земли**, / Сам Зевс о нем промыслит, охраняя род: Надежда есть, что витязь и домой придет».

3. Молитва Электры на могиле Агамемнона (с обращением к нему):

³²⁴ *Brown F., Driver S. R., Briggs C. A. A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an appendix containing the biblical Aramaic. Oxford, 1907. P. 815–816. Theological Dictionary of the Old Testament. / Eds. G. J. Botterweck, H. Ringgren, H.-J. Fabry. Cambridge, 2001. Vol. 11. P. 589–620.* Стоит отметить, что в сочетании с существительным «вода» в переводах оно обычно передается иначе. Например, Быт 1:2 'āl p'nê hāmmayim, досл. «на лице воды» в Септуагинте переведено как ἐπάνω τοῦ ὕδατος («над водой»), а в церковнославянском переводе в этом же месте: «Дух Божий ношашеся верху воды».

ἡμῖν δὲ πομπὸς ἴσθι τῶν ἐσθλῶν ἄνω, / σὺν θεοῖσι καὶ γῆ καὶ δίκη νικηφόρω (Ch. 147–148).

Дословно: «А нам ты будь проводником **наверх** благ, / вместе с богами, Геей и победоносной Правдой».

Перевод Иванова: «Добро же да прозябнет **на лицо земли** / Из недр могильных, где живешь с богами ты, / С великой Геей и с победной Правдою».

4. Из монолога Ореста (под двумя женщинами Орест подразумевает Клитемнестру и Эгисфа):

τὸ μὴ πολίτας εὐκλεεστάτους βροτῶν, / Τροίας ἀναστατῆρας εὐδόξω φρενί, / δυοῖν γυναικοῖν ᾧδ' ὑπηκόους πέλειν (Ch. 302–304).

Дословно: «Чтобы граждане, славнейшие из смертных, / разрушители Трои, с гордым духом, / не были так послушны двум женщинам».

Перевод Иванова: «А город отчий, славный **по лицу земли!** / Венец похитив Трои древней, рабствовать / Двум женам будет гордый Аргос?»

Из четырех приведенных пассажей наиболее интересны первый и третий: в обоих случаях переводчик добавил метафору, которая у Эсхила отсутствует. В первом случае русский перевод оказывается, пожалуй, даже более ярким по своей метафоричности: в греческом тексте Гелиос «питает» или «выращивает» «природу земли» (φύσιν здесь, видимо, нужно понимать как вообще всё, что на земле произрастает и живет), в русском переводе Гелиос — «зовущий жизнь из мрака на лицо земли». Таким образом, в переводе Иванова появляется мотив возникновения из небытия, из тьмы на «лицо земли», эксплицированный при помощи антитезы «свет (солнце)» – «тьма», «жизнь» – «смерть».

Третий пассаж является фрагментом из молитвы Электры на могиле Агамемнона; она призывает своего покойного отца отомстить врагам, а в завершении молитвы обращается к нему, к Гее, Правде (Дике) и другим богам за помощью. В переводе Иванова менее очевидной оказывается та мысль, что подателем или проводником (πομπός) «добра» своим близким должен выступить сам покойный Агамемнон вместе с богами, зато подчеркивается, что «живет в

недрах могильных». ³²⁵ Стих «добро же да прозябнет на лицо земли» снова, как и в предыдущем разобранном пассаже, вводит в текст мотив возникновения и рождения из мрака («из недр могильных») на поверхность земли.

Второй пассаж также можно связать с этим мотивом, хотя здесь он не столь очевиден. Контекстуально эта реплика вестника близка к первому пассажи, об Агамемноне: здесь тоже «солнце» (Гелиос), «лицо земли» (которое можно истолковать как противопоставленное недрам земли, где обитают мертвые), «живой» (о Менелее). Солнце в мифопоэтике Иванова — это обычно Дионис. ³²⁶

В «Дионисе и прадионисийстве» словосочетание «лицо земли» девять раз встречается в аналогичном контексте, где речь идет о воскрешении божества (палингенесии) или его умирании, то есть движении наверх или вниз; несколько раз это выражение сочетается с существительным «возврат», однокоренным глаголом или самой идеей возвращения, например: ³²⁷

«Орфический синтез жизни и смерти, как другой жизни связанной с первой **возвратом душ на лицо земли** (палингенесией), укрепляя соответствующее представление о Дионисе, как о вожде по пути вниз и по пути вверх, естественно пользуется Загреем, как готовым в народном сознании оргиастическим аспектом Диониса подземного, но дает ему своеобразное оптимистическое и эвфемистическое истолкование...» ³²⁸

³²⁵ Ср.: ДП. С. 54 (О смертных, почитаемых после смерти как «подземные цари», со ссылкой на Ch. 355 об Агамемноне).

³²⁶ См.: *Проскура В.* «Cor Ardens»: Смысл заглавия и эзотерическая традиция // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 196–213.

³²⁷ Интересно, что в «Эллинской религии страдающего бога» «лицо земли» ни разу не встречается: ср. «возврат на землю» (*Иванов В. И.* Эллинская религия страдающего бога // *Символ*, 2014. С. 166).

³²⁸ ДП. С. 16. Другие примеры: «...на девять великих годов (космических периодов) сошел он в иной мир, дабы, смертью смыв с себя проклятие (agos), **вернуться** потом **на лицо земли** воистину Фебом...» (Там же. С. 19); «Радаманф, справедливый, светлокудрый брат Миноса критского, ипостаси бога двойной секиры, начальник блаженных душ, обитающих в Элисии, милостивый лик подземного Зевса, кроткое солнце глубин, куда он **перенесен с лица земли...**» (С. 74); «Гера поручила куретам сделать его невидимым (arphanê poiêsai, т. е. **похитить** в горную пещеру **с лица земли**, — pathos, равнозначный смерти)...» (С. 82); «Итак, постоянная цель ночных таинственных служений — знаменовать нисхождение бога в область

В стихотворных текстах Вяч. Иванова выражение «лицо земли» тоже встречается неоднократно, в том числе в контексте палингенесии. Например, в послании к Ю. Верховскому («Послание на Кавказ», 1912): «Поистине, я умирал не раз / **И на лицо земное возвращался,** / Помолодев и вид переменяв». В «Зимних сонетах» (1920): «И, полночь пережившее утрат, / Биеньем тайным сердце ускоряет / **Любимых на лицо земли возврат**».

В третьем приводимом выше пассаже (из «Хоэфор») обращает на себя внимание глагол «прозябать» («Добро же да **прозябнет на лицо земли** из недр могильных»), который в значении «прорасти» или «расти» является старославянизмом и обладает библейскими коннотациями (ср. у Пушкина: «и дольной лозы прозябанье»³²⁹). В Библии и в литургических текстах такого выражения как «прозябать на лицо земли» нет, однако глагол во многих местах, где он встречается, связан с существительным «земля» или расположен в тексте по соседству с ним.³³⁰

Выражение «лицо земли», восходящее к древнееврейскому и калькированное через библейские переводы сначала в древнегреческий, а затем в старославянский, в текстах Вяч. Иванова часто употребляется в контексте движения вверх, на землю из ее недр (реже — вниз, под землю), и таким образом связано с мифологемой умирания-воскресения, лежащей в основе дионисийской концепции Иванова. В частности выражения «лицо земли» в текстах Иванова отразилась характерная черта его поэтики: исследователями творчества Иванова доказано, что в его стихах многокомпонентные комбинации лексем имеют

смерти и его победный **возврат на лицо земли**» (С. 103); «в этом образе бог умерший почитается как мужское начало подземной растительной мощи и нового **возврата** из сени смертной **на лицо земли...**» (С. 120); «...и откуда новый зов (о котором говорит Вергилий в своем описании Элисия) **выведет его опять на лицо земли...**» (С. 159); «В недавно найденном среди оксиринхских папирусов поэтическом послании Алкея к другу Меланиппу великий лирик Лесбоса выражает свое несочувствие разделяемому его товарищем и политическим единомышленником верованию в **возврат умерших на лицо земли**, на свет земного солнца...» (С. 169).

³²⁹ Об этом глаголе: *Виноградов В. В.* История слов. М., 1999. С. 570–573.

³³⁰ Напр.: «вся прозябающая от земли» (Быт 19:25), «да прозябнет земля» (Ис 45:8).

обыкновение повторяться.³³¹ Стоит лишь добавить, что эта особенность свойственна в равной мере прозаическим текстам Иванова, а также его переводам.

§ 2. Стратотерпец. Страстной

Словарь дает следующие определения этих слов: «стратотерпец — претерпевающий или претерпевший страдания; мученик, пострадавший за Христа»;³³² «страстный — относящийся к страстям Христовым».³³³ Таким образом, в русском языке оба слова изначально относятся к церковно-христианскому узусу.

В текстах Вяч. Иванова эти лексические единицы весьма частотны и обычно касаются страданий (πάθηα) Диониса, прадионисийских божеств или мифологических персонажей, объединяемых Ивановым в их отношении к культу Диониса. Так, например, в «Дионисе и прадионисийстве» Иванов пишет:

«Религиозно-историческая особенность отношения к герою — именно скорбь и плач по нем; особенность его участи — „страда“, или „страсти“. Оба рода объектов религиозного служения тем и разнятся между собою, что бессмертные, „вечно блаженные“ боги по существу не подвержены страданию и бесстрастны (apatheis), герои же, будучи из рода смертных, по необходимости страстям причастны (empathis), они — стратотерпцы, лик их — страстной».³³⁴

³³¹ «В частности, было установлено, что у Иванова в произведениях разных лет, входящих в состав разных поэтических книг, некоторые слова устойчиво соседствуют друг с другом...» (Павлова Л. В., Романова И. В. Опыт применения программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 6. С. 142). См. также: Павлова Л. В. Потаённые повторы в лирике Вячеслава Иванова (опыт применения компьютерной программы «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // *Retoryka tekstu artystycznego. Gry semantyczne*. Риторика художественного текста. Семантические игры / под ред. А. Маймескулов. Wydgoszcz, 2016. С. 271–283.

³³² *СЦСРЯ*. Т. 4. С. 234.

³³³ *СЦСРЯ*. Т. 4. С. 233.

³³⁴ *ДП*. С. 56.

Если проанализировать существительные, которые в «Дионисе и прадионисийстве» употребляются в паре с эпитетом «страстной», то их можно объединить в три семантические группы: страдающий субъект (страстной герой, страстной бог, страстной демон, страстной лик, страстная ипостась); действия страдающего субъекта и его гибель (страстное странствие, страстной подвиг, страстная смерть, страстная участь, страстная доля, страстная судьба); культовые действия, посвященные страдающему субъекту (страстное служение, страстное действо, страстное богослужение, страстной культ, страстной обряд, страстные мистерии, страстные оргии, страстная религия). Все три семантические группы в смысловом отношении представляют некое единое целое, так как посредством страстных служений, посвященных страдающему божеству, участник этих мистерий приобщался к страданиям божества, чтобы затем испытать катарсис и очиститься от страстей.³³⁵

Что Вяч. Иванов совершенно сознательно использует христианские по своим коннотациям понятия в дискурсе о дионисийской религии, очевидно из тех пассажей в «Дионисе и прадионисийстве», где он сравнивает «языческие страстные мистерии» с христианской мистериальной идеей страстей Христовых и культом мучеников, которым «церковь, при завоевании ею языческого мира, искала заменить стародавние формы культа языческих предков».³³⁶ «Понятие „страстей“, — пишет Иванов, — прямо перешло из эллинской религии в

³³⁵ Ср.: «Уподобление богу хтоническому (*mimêsis pathus*), соединение с ним (*syngenesthai tôi daimoniôî*), — приятие его в себя (*enthusiasmos*) — вот содержание культового „пафоса“, священного претерпения божественных „страстей“. Результат — полнота благодатного действия — „очищение“, „катарсис“» (*ДП*. С. 201). О концепции катарсиса у Иванова: *Силард Л.* Несколько заметок к учению Вяч. Иванова о катарсисе // *Культура и память. Третий международный симпозиум, посвященный Вячеславу Иванову.* / Под ред. Ф. Мальковати. Firenze, 1988. Т. II. Доклады на русском языке. С. 143–154. *Балашов Н. И.* Апокатарсис и дионисийские работы Вячеслава Иванова в издании его переводов Эсхила // *Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph.* Heidelberg, 1993. С. 58–66.

³³⁶ *ДП*. С. 198. Мысль о том, что культ некоторых христианских святых имеет истоки в греко-римской религии, в современной Вяч. Иванову науке активно обсуждалась, см. например: *Usener H.* *Legenden der heiligen Pelagia.* Bonn, 1879. *Anrich G.* *Das antike Mysterienwesen in seinem Einfluss auf das Christentum.* Göttingen, 1894.

христианство, во всей полноте своего содержания, как мистического и обрядового термина».³³⁷

В переводе трагедий Эсхила единожды встречается существительное «страстотерпец» (Eum. 441) и пять раз прилагательное «страстной» (Ag. 669, 1167; Ch. 370, 1064; Eum. 78). «Молельщик-страстотерпец» — так Афина у Иванова называет Ореста, ищущего защиты в ее храме, и сравнивает его с Иксионом (Eum. 441). В греческом тексте нет слова, которое можно было бы перевести как «страстотерпец» (σεμνὸς πρὸσίτωρ ἐν τρόποις Ἰξίουος «заслуживающий уважения проситель, по образу Иксиона»), так что оно здесь является поясняющим дополнением переводчика. Согласно мифу, на который намекает Аполлон, Иксион убил своего тестя Эионея, но Зевс очистил его от этой вины. Таким образом, важным оказывается именно этот частный прецедент, а не дальнейшая судьба Иксиона,³³⁸ намек на которую можно увидеть в слове «страстотерпец». Более того, Орест является героем страдающим: в «Дионисе и прадионисийстве» Иванов перечисляет разные мифы о гибели Ореста, не отразившиеся в «Орестее».³³⁹

Трактовка фигуры Ореста как страстного героя нашла свое отражение в переводе Вяч. Иванова в двух других местах. Почти в самом финале «Хоэфор» предводительница хора произносит следующее, обращаясь к Оресту:

ἀλλ' εὐτυχοίης, καὶ σ' ἐποπτεύων πρόφρων / θεὸς φυλάσσοι καιρίοισι συμφοραῖς (Ch. 1063–1064)

Дословно: «Пусть удача сопутствует тебе (=прощай), и, наблюдая за тобой, пусть благосклонный / бог тебя оберегает при помощи своевременных (=благоприятных) событий».

³³⁷ Там же.

³³⁸ Комментарий к этому месту: *Aeschylus. Eumenides* / Edited by A. N. Sommerstein. Cambridge, 1989. P. 160.

³³⁹ Об Оресте он пишет: «Орест умирал не раз: он был растерзан собаками и, как кажется, размыкан конями <...>; он, наконец, пал жертвою Артемиды Таврической. Мало того: еще младенцем погиб он от Телефа, — героя, конечно, дионисийского, — потом от Эгисфа, — и старцем — от укуса змеи» (ДП. С. 66).

Перевод Иванова: «Ступай же с богом! Он да соблюдет тебя, / Ведя **тропой страстнóю** ко спасению».

«Страстная тропа» в сочетании со «спасением» содержит очень сильные христианские коннотации. Этот пассаж в ивановском переводе можно понять так, что Орест должен «спастись» (то есть очиститься от скверны и преследующих его Эриний) через страдания. Отметим, что *καίριοισι συμφοραῖς* интерпретируют и в положительном смысле, и в отрицательном. В положительном смысле — так как прилагательное *καίριος* характеризует что-либо, происходящее вовремя, в свой сезон, откуда вытекает значение «удобный, благоприятный». В отрицательном — поскольку существительное *συμφορά* («случай, происшествие») часто употребляется (без определения) в значении «несчастный случай».³⁴⁰ У. фон Виламовиц-Меллендорф, на перевод которого Иванов мог опираться, понимает *καίριοισι συμφοραῖς* в негативном смысле: «So fahre wohl, und möge dich in gnäd'ger Hut / ein Gott bewahren, rettend in der Not dir nah'n» («Прощай же, и пусть бог охраняет тебя под своей милостивой защитой, спасая в бедствии, которое к тебе приближается»)³⁴¹ В переводе Вяч. Иванова, как мы видели выше, божество как будто бы оказывается активным субъектом не только в акте спасения Ореста, но и в его страданиях.

Другая реплика — из обращения Аполлона к Оресту, в «Эвменидах»:

καὶ μὴ πρόκαμνε τόνδε βουκολούμενος πόνον (Eum. 78)

Дословно: «Не устань слишком рано от этого труда (=не прекращай), будучи его пастырем».

Перевод Иванова: «Не падай духом, мужествуй в **труде страстнóм!**»³⁴²

³⁴⁰ Ср.: «But the phrase is somewhat ambiguous, and the audience may think of a more sinister sense» «однако эта фраза в некоторой мере двусмысленна, и зрители могут подумать о более зловещем значении» (*Aeschylus. Choephoroi / With introduction and commentary by A. F. Garvie. Oxford, 1986. P. 349*).

³⁴¹ *Wilamowitz, 1901. S. 203*.

³⁴² В «Дионисе и прадионисийстве» он приводит также свой дословный перевод этого места: «не уставай быть пастырем (буколом) труда сего» (*ДП. С. 141. Примеч. 6*).

При интерпретации этого пассажа трудность вызывает причастие βουκολούμενος: глагол βουκολέω означает «пасти скот», а в медиально-пассивной форме — «пасться».³⁴³ Так, А. Соммерстейн пишет в комментарии к «Эвменидам», что это причастие можно перевести как «caring for, devoting yourself», но оно может быть понято и пассивно — как намек на то, что бог подобно пастырю будет присматривать за Орестом.³⁴⁴

Чтобы понять, почему в переводе Вяч. Иванова возникает выражение «труд страстной», стоит обратиться к «Дионису и прадионисийству». Восьмая глава «Буколы» посвящена обрядам, связанным с культом быка — одним из дионисийских культов, по мысли Иванова. В частности, автор рассматривает употребление глагола βουκολέω и существительного βουκόλος в трагедиях Эсхила, а именно четыре таких случая, включая Eum. 78, и приходит к спорному, но важному для его построений, заключению: «Итак, у Эсхила „буколическое“ значит „экстатически-страстное“, и все перечисленные уподобления вполне осмысливаются лишь при их соотнесении к древнейшему оргиастическому культу страстей жертвенного бога-быка».³⁴⁵ Этими же соображениями объясняется и добавление прилагательного «страстной» в переводе следующего пассажа из «Агамемнона»:

ἔπειτα δ' Ἴδιην πόντιον πεφευγότες, / λευκὸν κατ' ἥμαρ, οὐ πεποιθότες τύχῃ, /
ἐβουκολοῦμεν φροντίσιν νέον πάθος, / στρατοῦ καμόντος καὶ κακῶς σποδομένου (Ag. 667–
670).

Дословно: «затем, бежав морского Аида, / на белый день, не доверяя судьбе, / мы в мыслях пасли новое страдание, / (думая), что войско испытало тяготы и сильно пострадало».

³⁴³ LSJ. P. 289.

³⁴⁴ Aeschylus. Eumenides / Edited by A. H. Sommerstein. Cambridge, 1989. P. 96–97.

³⁴⁵ ДП. С. 141. Примеч. 6.

Перевод Иванова: «На белый свет из ада вышел водного, / Не верили спасенью мы, спасенные; / **Страстная скорбь** пронзила дух; отторгнутых / Ночную бурей, вспомнили соратников».³⁴⁶

Еще два места, где в переводе Вяч. Иванова встречается эпитет «страстной», это Ag. 1167 и Ch. 370. «О Трои, Трои день страстной, гибель конечная!» (Ag. 1167) — так он передает стих $\iota\acute{o}\ \lambda\acute{o}\nu\omicron\iota\ \lambda\acute{o}\nu\omicron\iota\ \lambda\acute{o}\lambda\epsilon\omicron\varsigma\ \acute{o}\lambda\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha\varsigma\ \tau\acute{o}\ \pi\tilde{\alpha}\nu$ (Дословно: «Увы, страдания, страдания города, целиком погибшего»). Основные значения существительного $\lambda\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ — это «работа» и «страдание, боль»,³⁴⁷ так что по своей семантике оно близко существительному «страда», этимологически родственному другому слову — «страсть». Напомним процитированный ранее фрагмент из «Диониса и прадионисийства»: «Религиозно-историческая особенность отношения к герою — именно скорбь и плач по нем; особенность его участи — „страда“, или „страсти“».³⁴⁸ Очевидно и то, что Иванов старался передать присутствие звукописи в переводимом стихе: **Трои – Трои – страстной.**

Во другом случае (Ch. 370), в реплике Электры об Агамемноне, можно обнаружить сходство с уже рассмотренными пассажами, а именно с представлением о страстях, претерпеваемых героем:

θανατηφόρον αἶσαν / πρόσω τινὰ πυνθάνεσθαι / τῶνδε πόνων ἄλειρον (Ch. 369–371).

³⁴⁶ Ср.: «В „Агамемноне“ Эсхила, вестник Талфибий сравнивает ахейский флот, застигнутый бурей, со стадом, которое злой пастырь привел в бешенство и смятение, так что корабли стали один с другим бодаться и потом были разогнаны ветром во все стороны. Нам кажется, что поэту предносится сцена боя быков, подобного тем зрелищам, что давались на Крите в минойскую эпоху, в связи с культом быка и двойного топора. „Избавившись от морского аида, уже при свете белого дня“, продолжает вестник (669), „мы, предавшись горестным заботам (о судьбе пропавших без вести товарищей), пасли новую кручину“, — дословно же „мы стали буколами новых страстей“ (ebukolumen neon pathos) — метафора, доньше кажется, не понятая. По-видимому, поэт не хочет оставить мотив стада и пастыря и страстей стада и — как бы отзвучием в описанию бури — снова вызывает образ страстного действия буколов» (ДП. С. 141. Примеч. 6).

³⁴⁷ LSJ. P. 1253.

³⁴⁸ ДП. С. 56.

Дословно: «Впредь кто-нибудь спросит о смертоносной доле, не зная о таких страданиях».

Перевод Иванова: «Когда б твое имя в преданьи / Страстнóй не мрачилось долей,
/ Памятью смерти лютой!»

«Страстная доля» — это перевод словосочетания θανατηφόρον αἶσαν; здесь так же, как и в Ag. 1167, прилагательное «страстной» близко по значению прилагательным «смертоносный» и «гибельный». Более того, и в этом месте присутствует существительное πόνος (πόνοι πόλεος; τῶνδε πόνων ἄλειρον), «страда».

«Страстотерпец» и «страстной» в переводе Эсхила возникают не случайно — они связаны с мифологемой страстей дионисийского героя, о чем свидетельствуют отсылки Иванова к трагедиям в «Дионисе и прадиионисийстве».

§ 3. Богоотступники. Безбожники

В трагедии «Персы» вестник, сообщая детали похода Ксеркса в Грецию, рассказывает о том, что внезапно замерзла река Стримон, и персы понесли потери, переходя реку по непрочному льду. Эта погодная аномалия повлияла и на моральное состояние войска:

θεοὺς δέ τις / τὸ πρὶν νομίζων οὐδαμοῦ τότ' ἤρχετο / λιταῖσι, γαῖαν οὐρανόν τε προσκυνῶν
(Pers. 492–494).

Дословно: «богов кто / прежде ни во что не ставил, тогда взмолился / мольбами
земле и небу, падая ниц».

Перевод Иванова: «...здесь и тот, кто встарь / Нигде богов не видел, вдруг
уверовал, / Земле и Небу вместе поклоняться стал».

Выражение θεοὺς νομίζων οὐδαμοῦ, которое Вяч. Иванов переводит как «нигде богов не видел», можно понимать двояко: либо принимать интерпретацию переводчика, если рассматривать οὐδαμοῦ как локатив «нигде»,

и тогда речь действительно идет об отрицании богов;³⁴⁹ либо считать οὐδαμοῦ genetivus pretii, и в этом случае дословный перевод будет «ни во что не ставил», «считал ничтожным». А. Ф. Гарви в комментарии к «Персам» отмечает, что вряд ли в этой фразе стоит непременно усматривать атеизм.³⁵⁰ Иванов в переводе усилил эффект, произведенный на персов внезапной стужей: «вдруг уверовал» можно понять так, что речь идет об изначально полном отрицании богов, хотя «нигде богов не видел» можно истолковать и в том смысле, что человек не видел (или не умел / не хотел видеть) знамений, посылаемых богами.³⁵¹

В одной из речей Этеокл (Sept. 597–625) сожалеет о том, что среди вождей, осаждающих Фивы, присутствует жрец Аполлона Амфиарай, который, по словам разведчика, крайне не одобряет эту войну и порицает Полиника («Ты мать разишь: каким свой грех возмездием, / Сразив, искупишь?»). В переводе Иванова в этой речи, основанной на противопоставлении нечестивых людей и человека, чтущего богов, встречается лексика, которая может ассоциироваться с христианским контекстом: праведные и праведник (δίκαιος), благочестивый (εὐσεβής), мужи-богоотступники (ἀμνήμων θεῶν), безбожный, справедливый (δίκαιος), богобоязненный (εὐσεβής), богохульники (ἀνόσιοι).

Среди перечисленных эпитетов, особую трудность, на наш взгляд, при переводе на русский язык вызывают ἀμνήμων (θεῶν) и ἀνόσιος. Первое выражение (ἀμνήμων θεῶν) дословно переводится как «не помнящий богов»,³⁵² но не в смысле «атеист», который отрицает существование богов, а в том смысле, что такой человек не считается с богами, с их установлениями и, вероятно, пренебрегает обрядами. Русское слово «богоотступник», которым Иванов

³⁴⁹ Ссылка на это место в контексте такой трактовки есть в словаре в статье «νομίζω» (LSJ. P. 1008).

³⁵⁰ *Aeschylus Persae* / Ed. by A. F. Garvie. Oxford, 2009. P. 224.

³⁵¹ Ср. в других переводах на русский язык: «И прежде кто богов **не признавал**, Теперь с мольбой взывал к ним, поклоняясь Земле и небу» (*Аппельрот*); «Кто божества **не почитал** дотоле, тут взмолился набожно, Земле и небу кланяясь, упавши ниц» (*Пиотровский*).

³⁵² LSJ. P. 78 (ἀμνημονέω).

переводит указанное словосочетание, обозначает человека, отступившегося от бога, от веры в него.³⁵³

Эпитет ἀνόσιος (ἀνοσίοισι ἀνδράσιν, Sept. 611 — об осаждающих Фивы) характеризует в данном контексте того, кто совершает несправедливые с точки зрения божественных установлений дела³⁵⁴ (прилагательное ὄσιος, без отрицательной «альфы»), в паре с δίκαιος может означать нечто правильное и справедливое с точки зрения божественного права, тогда как второе прилагательное — с точки зрения человеческого права). Слово «богохульник» в русском языке означает человека, который хулит и поносит бога, либо то, что свято.³⁵⁵ Таким образом, в переводе усилен акцент на нечестивости и неправедности Полиника и его союзников с точки зрения божественного права.

С другой стороны, существительное «богохульник» можно рассматривать как контекстуальный синоним к слову «безбожник», которое неоднократно встречается в переводе Эсхила, но в его втором значении, а именно как обозначение человека нечестивого и бессовестного, не имеющего страха перед богами:³⁵⁶ безбожные дела (ἄθεα φρονήματα, Pers. 809), безбожница (δύσθεος, о Клитемнестре, Ch. 191; нет соответствия — о Клитемнестре, Ch. 434), безбожник (ἄθεος ἀνὴρ, об Оресте, Eum. 151), безбожные (Eum. 910). Прилагательное ἄθεος (откуда — «атеизм») в контексте трагедии является характеристикой именно такого человека — нарушающего установления богов, так что «безбожник» / «безбожный» здесь вполне ему соответствует.

В статье «Гуманизм и религия» (1933) Вяч. Иванов так пишет об античном «безбожии»:

³⁵³ Ср.: «Отступивший, отвергшийся от Бога; богоборец» (*СЦСРЯ*. Т. 1. С. 69).

³⁵⁴ *LSJ*. P. 135.

³⁵⁵ «Произносящий хулу на Бога» (*СЦСРЯ*. Т. 1. С. 71). «Богохульничать, богохульствовать — словом или делом оскорблять святыню, ругаться над тем, что свято, отрекаться от Бога, Господа» (*Даль*. С. 526).

³⁵⁶ Ср.: «1) Не признающий бытия Божия. 2) Не имеющий страха Божия» (*СЦСРЯ*. Т. 1. С. 26); «неверующий в Бога, отрицающий бытие Его; // беззаконник, нечестивец, незнающий страха Божия, живущий заведомо во зле, во грехах» (*Даль*. С. 146).

«В благоговении перед богами, практически приводимом в действие, состояла античная религия. Отрицателем богов (ἄθεος) считался безбожник, тот, кто презирал богов; теоретические сомнения позднейшего времени не могли положить конец этой реальной норме до той поры, пока мудрствующий гордец почтительно воздавал бессмертным исконную дань уважения».³⁵⁷

Таким образом, он здесь ставит акцент не столько на неверии в богов, сколько на презрении к ним, то есть в древности человек, презирающий богов, отнюдь не отрицает их существования, но повинен в неуважении к ним.

§ 4. Святой

Прилагательные «святой» и «священный» близки по своему значению;³⁵⁸ принципиальная разница в употреблении заключается в том, что «священный» — обычно о неодушевленных предметах, а «святой» — как о лицах, так и о неживых предметах. В некоторых случаях они могут выступать как контекстуальные синонимы. Если посчитать число этих прилагательных в переводе Вяч. Иванова, то можно увидеть, что предпочтение он отдает первому: «святой» встречается 31 раз, «священный» — 15 раз; наречие «свято» — 6 раз, существительное «святыня» — 18 раз.

В отдельную группу можно выделить употребление эпитетов «святой» и «священный» в связке с топонимом. Во-первых, это названия рек и пролива: «Увы, Скамандр, отчий, святой поток!» (ἰὸ Σκαμάνδρου πάτριον ποτόν Ag. 1157), «святой Тмол» (ἱεροῦ Τμόλου Pers. 50), «Стримон священный» (ἄγνοῦ Στρυμόνος Pers. 492), «священные струи Стримона» (ἄγνός Στρυμών Suppl. 241),

³⁵⁷ Пер. К. Ю. Лаппо-Данилевского. *Иванов В. И. Гуманизм и религия: О религиозно-историческом наследии Виламовица / Пер. с нем., комм. и послесловие К. Ю. Лаппо-Данилевского // Символ. 2009. № 53–54. С. 210.*

³⁵⁸ Священный — «1) проникнутый святостью; 2) освященный, неприкосновенный» (СЦСРЯ. Т. 4. С. 111). Святой — «1) совершенно чистый, пренепорочный; 2) ведущий к святости, непорочности; 3) живущий по заповедям Божиим; праведный, непорочный» (СЦСРЯ. Т. 4. С. 109).

«священный Геллеспонт» (Ἑλλάσποντον ἰρὸν Pers. 746). Очевидно, что здесь эти прилагательные являются синонимами: так, прилагательное ἱερός (ἰρός) Иванов в одном случае переводит как «священный», а в другом как «святой». Прилагательное ἄγνός, эпитет реки Стримон в двух разных трагедиях, переведено одинаково как «священный». В первом приводимом примере «святой» добавлено переводчиком, так как в греческом тексте для него соответствия нет (ἰὸ Σκαμάνδρου πάτριον ποτόν Ag. 1157).

Во-вторых, те же прилагательные часто выступают эпитетами названий городов: «Фивы святы» (Sept. 178, 633), «Илион святой» (Eum. 457), «священный град» (об Афинах, Eum. 915). Примечательно, что у Эсхила в этих местах соответствующих эпитетов нет, однако в переводе Вяч. Иванова они могли возникнуть как наследие предыдущей переводческой традиции и как следствие того факта, что эпитет ἱερός (ἰρός) в древнегреческой поэзии часто употребляется с названиями городов. Например, «святой Илион» или «святая Троя» многократно встречается в переводе «Илиады» Гнедича: так он передает постоянный гомеровский эпитет Илиона ἰρή (Il. 4. 416; 7. 413; 15. 169; 17. 191; 18. 270), а также другие эпитеты — αἰλύς («высокий», Il. 15. 71) и αἰλεινή («высокий», Il. 13. 777). Фивы в «Илиаде» также называются ἱερή (Il. 1. 366), однако в переводе Гнедича они «священные» (и вообще в русской традиции Фивы чаще «священные», а не «святы»). Стоит отметить, что «святы Афины» («Провещай слово, святых Афин царь...») появляются в ивановском переводе дифирамба Вакхилида «Тезей», где в оригинале то же греческое прилагательное (Βασιλεῦ τᾶν ἱεῶν Ἀθηνᾶν).

Добавление эпитетов «святой» или «священный» подчеркивает особое отношение говорящего к называемым ими топонимам. Например, реплику хора Эриний – Эвменид οὐδ' ἀτιμάσω πόλιν «я буду чтить город» (досл. «я не оскорблю город пренебрежением, я не опозорю город», об Афинах) Иванов переводит как «Будь мне свят, наш с Палладой общий град!» (Eum. 916), где «свят» выражает отношение хора к городу и в то же время передает οὐδ' ἀτιμάσω.

«Святой» часто фигурирует как эпитет божества или того, что имеет отношение к божеству и культу. Так, например, Артемида в одном месте именуется «святая защитница твари дубравной» (Ag. 137) — так Вяч. Иванов передает прилагательное ἄγνᾶ, здесь скорее означающее «чистая, девственная», и являющееся постоянным эпитетом Артемиды, например, в «Одиссее» (Od. 5. 123; 18. 202; 20. 71).³⁵⁹ В другом месте Иванов переводит ἄγνᾶ Διὸς κόρα («чистая дочь Зевса», Suppl. 128) как «чистая Артемида», а в Ag. 201, где у Эсхила имя Артемиды упоминается без каких-либо эпитетов, она превращается в русском переводе в «Деву святую». Отметим, что переводчик не стремится точно передавать имена богов: там, где у Эсхила перифрастическое обозначение бога, у Иванова бог может быть назван прямо по имени, и наоборот. Некоторые эпитеты Иванов добавляет сам, обращаясь, в частности, к постоянным гомеровским эпитетам. Среди других божеств, которые в переводе называются «святыми»: дважды «святая Правда» (Ag. 398, Sept. 668) и Эринии-Эвмениды («Древлей Ночи безмужние дочери, святые», Eum. 1033). «Святую Правду», персонификацию Δίκη, можно найти в «Одиссее» в переводе Жуковского (Od. 5. 190; 22. 35), причем в греческом тексте соответствующего эпитета нет.

Как «святой» Вяч. Иванов переводит разные греческие прилагательные. Это уже отмеченные ἄγνός (кроме упомянутых выше: «святая округа» Suppl. 210; «святые дома» Sept. 278, «нива святая» Sept. 753), ἱερός («свет святой» Eum. 1004), а также прилагательное σεμνός³⁶⁰ («святых гостей престолы» – σεμνοὶ θᾶκοι, Ag. 519).

В ряде случаев эпитет «святой» добавлен переводчиком и не имеет соответствий в греческом тексте: «промыслитель святых неотменных судеб» (Ag. 68), «убор святого сана» (Ag. 1270), «святой совет» (Pers. 226), «песнопенье святое» (Pers. 628), «с нами, богов, богинь сила святая будь!» (Sept. 88), «святые

³⁵⁹ В. А. Жуковский этот эпитет никак не переводит, а у В. В. Вересаева во всех указанных случаях Артемида «чистая».

³⁶⁰ «Почитаемый, священный», этимологически связано с глаголом σεβόμεναι («почитать, испытывать благоговейный страх»). *LSJ*. P. 1381.

очаги» (Ch. 863), «колыбель святая» (Sept. 294), «святая Эринии власть» (Eum. 951), «пресвятая» (Eum. 979, обращение к Земле), «час святой тишины» (Eum. 1012).

Особый случай употребления этого прилагательного — в значении «чистый», в реплике Электры, обращающейся к покойному отцу:

αὐτῇ τέ μοι δὸς **σωφρονεστέραν** πολὺ / μητρὸς γενέσθαι χεῖρά τ' **εὐσεβεστέραν**. (Ch. 140–141).

Дословно: «И мне самой дай быть намного **чище**, чем моя мать, и намного **благочестивее** в отношении руки»

Перевод Иванова: «Дай **чище** быть мне, быть **святей**, чем мать моя, Чтоб рук не запятнала кровь преступная».

Прилагательное *σώφρων* (здесь в сравнительной степени) характеризует человека, обладающего таким качеством, как *σωφροσύνη*, то есть благоразумного, умеренного, умеющего властвовать над своими чувственными желаниями и аффектами.³⁶¹ Второе прилагательное *εὐσεβής* «благочестивый» обозначает того, кто чтит богов, человека богобоязненного.³⁶²

§ 5. Двусоставные слова

Среди той лексики, которая несет на себе отпечаток библейского узуса, особо стоит рассмотреть некоторые двусоставные прилагательные и существительные,³⁶³ вошедшие в русский язык через переводы Библии и литургических текстов. Несколько таких лексических единиц встречаются в монологе Афины, которая отвечает на вопрос предводительницы хора Эвменид

³⁶¹ *LSJ*. P. 1522.

³⁶² *LSJ*. P. 615.

³⁶³ Подробнее двусоставные слова и их перевод рассматриваются в третьем разделе в § 1. «Двусоставные слова в переводе Вяч. Иванова»; здесь же разбираются только некоторые примеры, которые обладают явными христианскими коннотациями.

«Какие благостыни нагадать мне ей?» (τί οὖν μ' ἄνωγας τῆδ' ἐφουμνήσαι χθονί; «Что ты прикажешь, чтобы я пропела этой стране? [то есть Аттике]»):

То, что к победе доблестной откроет путь.
Пусть мóря, неба, недр земных дыхания,
Теплом согреты солнечным, обвеют край
Среды воздушной **благорастворением!**
Плодов земных обилье, тучных стад приплод
Пусть в срок урочный радуют хозяина!
Умножь, богиня, добрых **чадородие,**
Безбожных и преступных удержи прирост.
Подобно **вертоградарю** и пахарю,
Хочу, чтоб злое не глушило доброго.
Тебе сии заботы. Мне ж иной удел:
На поле славы в ратном состязании
Явить **добропобедным** мой священный град.
(Eum. 903–915)

Значение существительного «благорастворение» словарь определяет как «счастливое соединение составных частей»,³⁶⁴ в литературном языке оно чаще употребляется в составе выражения «благорастворение воздуха / воздуха»³⁶⁵ в значении «хорошая погода» (иногда иронически), которое восходит к тексту ектении из литургии Иоанна Златоуста: «О граде сем, всяком граде, стране и верою живущих в них, Господу помолимся. О благорастворении воздухов, о изобилии плодов земных и временех мирных, Господу помолимся».

Текст Эсхила, который Вяч. Иванов здесь переводит, начинается так: ὀλοῖα νίκης μὴ κακῆς ἐπίσκολα, / καὶ ταῦτα γῆθεν ἔκ τε ποντίας δρόσου, / ἐξ οὐρανοῦ τε,

³⁶⁴ СЦСРЯ. Т. 1. С. 56.

³⁶⁵ Ср. у Вяч. Иванова: «Светомир же в благорастворении воздуховном той пустыньки здороветь после болезни стал» (*Иванов В. И. Повесть о Светомире царевиче / Изд. подготовили А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. М., 2015. С. 103.*); «Обилие и непрерывный ритм любви, благорастворение воздуха, в котором он живет». (*Дневники Вячеслава Иванова // СС. Т. 2. С. 799.*)

κάνέμων ἀήματα / εὐηλίως πνέοντ' ἐπιστείχειν χθόνα (« [пожелай] того, что достигнет благой победы: / и то, что из земли, и то, что из морской влаги, / и то, что от неба, и порывы ветров, дую, вместе с солнечным светом, пусть придут на землю»). В литургии же «благорастворение воздушных» — это греческое εὐκрасία ἀέρων, где двусоставное существительное εὐκрасία (εὐ- «хорошо», -κрасία «смещение») означает хорошую температуру или хорошую погоду.³⁶⁶ По-видимому, типологическая и тематическая близость всего пассажа к ектении (ср.: «плодов земных обилье» — «о изобилии плодов земных», а выше — о том, что всё это пожелания всей стране) привела к введению здесь узнаваемой литургической лексики, подчеркивающей это сходство. Параллель, которая здесь напрашивается, — это пассаж из «Диониса и прадионисийства», в котором Иванов демонстрирует близость молитвы мистов (впрочем, поздней) молитве христианской:

«Как близки были по характеру и тону поздние языческие страстные мистерии к мистериям христианским, мы видим, например, из формулы мистов, которая произносилась жрецом в одну из ночей между погребением Аттиса и его восстанием из мертвых: “Дерзайте, мисты господина спасенного: Нам из трудов страстных взойдет спасение”».³⁶⁷

Следующее двусоставное существительное «чадородие», которым Вяч. Иванов передает τῶν βροτείων σπερμάτων σωτηρίαν («сохранение смертных семян / отпрысков»), тоже является церковнославянизмом (ср.: «спасется же чадородия ради» 1 Тим. 2:15, где «чадородие» — это калька греческого существительного τεκνογονία).³⁶⁸

³⁶⁶ *LSJ*. P. 604. *Lampe*. P. 566.

³⁶⁷ *ДП*. С. 198.

³⁶⁸ *Bauer*. Sp. 1599. У Иванова в др. текстах: «сила исторического чадородия» (*Иванов Вяч. Предчувствия и предвестия // Иванов Вяч. По Звездам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909. С. 191*); «дар исторического духовного чадородия» (*Иванов Вяч. Наш язык // Из глубины: сб. статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 146*); «творческое чадородие» (*Иванов Вяч. Л. Толстой и культура // Логос:*

«Подобно вертоградарю и пахарю» — так Вяч. Иванов переводит ἀνδρὸς φυτόποιμενος δίκην («подобно человеку-садовнику»); первая часть (φύτο-) двусоставного существительного-гапакса φυτόποιμην означает «растение», вторая (ποιμήν) — «пастух», то есть в целом — человек, который заботится о растениях. Существительное «вертоградарь» встречается в Новом Завете лишь один раз, в эпизоде, когда Мария Магдалина, увидев воскресшего Христа, сначала не узнала его и приняла за садовника: «Она [же] мнящи, яко вертоградарь есть, глагола Ему...» (Ин. 20:15). Словом «вертоградарь» здесь передается греческое двусоставное существительное κηπουρός, первая часть которого содержит тот же корень, что существительное κῆπος («виноградник», «сад»; это слово в Библии обычно как раз переводится как «вертоград»), а вторая — с οὔρος («сторож»).³⁶⁹

Наконец, последнее двусоставное слово в приведенном пассаже также стилистически относится к церковной лексике: «добропобедный» — «знаменитый, прославленный победою в подвиге за истинную веру»³⁷⁰ (обычно о христианских мучениках). «Добропобедный град» соответствует ἀστύνικος πόλις у Эсхила. Прилагательное-гапакс ἀστύνικος состоит из двух частей: ἀστύ- («город») и -νικος («побеждающий»). В христианских текстах прилагательное, которое передается как «добропобедный», это также двусоставное καλλίνικος,³⁷¹ где первая часть другая (καλλι- «прекрасный»).

Таким образом, в цитируемом пассаже все четыре двусоставных эпитета относятся к церковнославянской лексике и в принципе имеют двусоставные же соответствия в греческом языке, однако в двух случаях в тексте трагедии Эсхила композиты отсутствуют, а в двух других — это гапаксы, встречающиеся только у Эсхила и только в этом месте.

международный ежегодник по философии культуры. М., 1911. Кн. 1. С. 169). Пять раз «чадородие» встречается в «Дионисе и прадионисийстве».

³⁶⁹ Bauer. Sp. 852.

³⁷⁰ СЦСРЯ. Т. 1. С. 330.

³⁷¹ Lampe. P. 697.

Рассмотрим еще несколько двусоставных слов, а именно «смиренномудрый», «благовестный» и однокоренные с ними.

Прилагательное «смиренномудрый» трижды встречается в переводах трагедий Эсхила: смиренномудрое сердце (Ag. 380), смиренномудрый помысл (Ag. 927), смиренномудрым быть (Eum. 521). Во втором случае в греческом тексте здесь выражение τὸ μὴ κακῶς φρονεῖν («не думать дурного»), в последнем — глагол σφφρονεῖν («быть благоразумным, быть воздержанным»). В переводе Нового Завета «смиренномудрый» — это калька греческого двусоставного прилагательного ταπεινόφρων³⁷² (ταπειν- «низкий; смиренный», φρον- тот же корень, что и в глаголах выше, о мыслительном процессе). Впрочем, в Новом Завете чаще встречается существительное «смиренномудрие», калька позднего греческого слова ταπεινοφροσύνη (по способу образования близкого к σφφροσύνη).³⁷³ Если прилагательное ταπεινόφρων можно найти, например, у Плутарха, то существительное ταπεινοφροσύνη — исключительно у христианских авторов.³⁷⁴

Прилагательное «благовестный» и однокоренные слова в русский язык вошли путем калькирования соответствующих греческих композитов. Композиты, состоящие из частей εὐ- и ἄγγελ(λ)- в греческом языке не маркированы как лексика исключительно христианских авторов: они встречаются у Гомера, в аттической трагедии и комедии, у греческих прозаиков, но, конечно, частота их употребления у христианских грекоязычных писателей становится выше в силу того особого значения, которое приобретает слово εὐαγγέλιον в христианском контексте.³⁷⁵ В переводе Эсхила встречается благовестье («благовестье целит унывающий дух», Ag. 99), благовестница (Ag. 265) и благовестный («благовестный свет», Ag. 29). Существительное «благовестье» не имеет конкретного соответствия в греческом тексте, но в

³⁷² Lampe. P. 1374. Bauer. Sp. 1592. Напр., 1Петр. 3:8.

³⁷³ 1Петр. 5:5, Деян. 20:19, Еф. 4:2, Флп. 2:3, Кол. 2:18, Кол. 2:23, Кол. 3:12.

³⁷⁴ Данные электронного Thesaurus Linguae Graecae.

³⁷⁵ Lampe. P. 555–559.

сочетании с «унывающим духом» имеет «христианское» звучание. Как «благовестница» передается прилагательное εὐάγγελος в следующих стихах, перевод которых отличается в двух редакциях «Агамемнона»:

εὐάγγελος μὲν, ὥσπερ ἡ παροιμία, / ἕως γένοιτο μητρὸς εὐφρόνης πάρα (Ag. 264–265).

Дословно: «Благовестницей, как [гласит] поговорка, / заря родится от благодатной матери».

Перевод Иванова (1-я редакция): «Заря, как люди молвят, да родится нам / От матери отрадной — **благовестницей**».

Перевод Иванова (2-я редакция): «Заря, гласит присловье, да родится нам / От Ночи Благодатной **благовестницей**».

Эту фразу (в ее первом варианте), которую произносит Клитемнестра, сообщая затем о падении Трои, Вяч. Иванов цитирует в «Дионисе и прадионисийстве». Он отмечает эвфемистический характер эпитета ночи εὐφρόνη, указывающий на «хтонический и ужасающий характер первоначального представления о ночной богине» и пишет о том, что «Дионис как рождающееся из лона ночи солнце (солнечный культ Орфея), — вот представление, породившее ту παροιμία, на которую намекает Эсхилова Клитемнестра: „заря, как люди молвят, да родится нам от матери отрадной (Euphronê) благовестницей (euangelos)“. Так и безумствующий ночью Дионис разоблачается как спасительный пастырь Эвбулей».³⁷⁶ Так «благовестье» здесь связывается с именем Диониса.

Значимым для приведенных выше стихов является общий контекст: Клитемнестра сообщает радостную новость о падении Трои прошедшей ночью, а затем, отвечая на недоуменный вопрос предводителя хора о том, как же эта весть так быстро смогла дойти до Аргоса, произносит длинный монолог, в котором подробно рассказывает о системе сигнальных огней (Ag. 281–316). Первым же о победе ахейцев узнает страж, чей монолог открывает трагедию:

³⁷⁶ ДП. С. 103.

Ἀγαμέμνωνος γυναικί σημαίνω τὸρῶς / εὐνής ἐπαντείλασαν ὡς τάχος δόμοις / ὀλολυγμὸν
εὐφημοῦντα **τῆδε λαμπάδι** / ἐπορθιάζειν, εἶπερ Ἴλιου πόλις / ἐάλωκεν, ὡς ὁ φρυκτὸς
ἀγγέλλων πρέπει (Ag. 26–30).

Дословно: «Я пронзительно сообщаю [криком] жене Агамемнона, / чтобы она,
встав с ложа, скорее бы подняла по дому / ликующий вопль по поводу **этого светоча**, /
поскольку город Илион / взят, как ясно возвещает сигнальный огонь».

Перевод Иванова (1-я редакция): «Супруга Агамемнона — услышала ль? / Бегу
поведать знаменье. Чрез миг она, / Воспрянув с ложа, радостный подымет клик, /
Встречая ликованием **вожделенный** луч, / Заголосит: “Победа! Рухнул вражий
кремль!..”».

Перевод Иванова (2-я редакция): «Услышала ль супруга Агамемнона? / Бегу
поведать знаменье. Сейчас она, / Воспрянув с ложа, радостный подымет клик, /
Встречая ликованием **благовестный** свет, / Заголосит: “Победа! Рухнул вражий
кремль!”».

Во второй редакции «вожделенный луч» переводчик изменяет на «благовестный свет», передавая таким образом и τῆδε λαμπάδι, и ὁ φρυκτὸς ἀγγέλλων (возможно, чтобы как-то сохранить в переводе ἀγγέλλων). В «Дионисе и прадионисийстве» после цитируемых выше рассуждениях о ночи и Дионисе-солнце Иванов пишет следующее:

«мужеубийственная жрица двойного топора, Клитэмнестра как бы отождествляет себя с божеством ночи. Она господствует в ночи, и во тьме стелет, по Эсхилу, сети Аты. Господство ее в царстве ночи выражается устроенною ею „гонкою огней“ по горам; пафос этого пламенного бега — ночной, дионисийский; зарева, озаряющие горы, — исконная дионисийская эпифания».³⁷⁷

Таким образом, «благовестный свет» сигнальных огней тоже оказывается в дионисийском контексте, который в трагедии Эсхила здесь не очевиден.

Введение рассмотренной лексики в русский перевод было вызвано стремлением переводчика передать стилистические особенности греческого

³⁷⁷ ДП. С. 103.

текста трагедии, а именно большое число композитов (см. главу 3.1). Так как одним из путей возникновения составных прилагательных в русском языке было калькирование соответствующих греческих композитов в переводах библейских и литургических текстов, то не удивительно, что эти слова сами по себе обладают христианскими контекстуальными обертонами. С другой стороны, рассматриваемый выше пассаж из речи Афины (Eum. 903–915) близок к христианской молитве типологически. Это сходство Вяч. Иванов, по-видимому, и акцентирует в своем переводе.

§ 6. Разное

Приведем еще несколько примеров из перевода Вяч. Иванова, лексика и выражения которых встречаются в Библии и литургических текстах.

1)

ἡμεῖς γάρ ἐσμὲν Νυκτὸς αἰανῆ τέκνα (Eum. 416).

Дословно: «Мы вечные дети Ночи».

Перевод Иванова: «Мы — дети Ночи, **прежде век рожденные**».

Эту реплику произносит хор Эриний, выступающий перед Афиной; прилагательное αἰανῆ, по-видимому, следует переводить как «вечные», хотя есть и другие варианты его этимологии и значения,³⁷⁸ которые, впрочем, отличаются от значения выражения «прежде век рожденные». Последнее известно главным образом по «Символу веры», где говорится об Иисусе Христе, «от Отца рожденного прежде всех век», что указывает на существование Христа еще до сотворения времени и мира; в том же контексте эти слова можно найти в текстах православной службы. А, например, в библейской «Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова» София (Премудрость) говорит о себе: «прежде века от начала Он произвел меня» (Сир. 24:9, πρὸ τοῦ αἰῶνος ἀπ' ἀρχῆς ἔκτισέν με). Возможно, что предполагаемая этимологическая связь указанного выше греческого

³⁷⁸ *Aeschylus. Eumenides* / Edited by A. H. Sommerstein. Cambridge, 1989. P. 155–156.

прилагательного со словом αἰών привело к появлению в переводе выражения «прежде век рожденные», которое ассоциируется с христианским текстом и может считаться устойчивым выражением (ср. у Г. Р. Державина: «А вечность, прежде век рожденну, / В Себе Самом Ты основал» («Бог»)). Кроме того, в «Дионисе и прадионисийстве» Иванов подчеркивает, что Эринии — «дщери Ночи»,³⁷⁹ принадлежат к хтоническим дионисийским божествам и являются более древними, чем олимпийские боги («они — представительницы ветхого завета эллинской религии»³⁸⁰).

2)

μόχθους γὰρ εἰ λέγοιμι καὶ δυσαυλίας, σπαρνὰς παρήξεις καὶ κακοστρώτους (Ag. 556-557).

Дословно: «Ведь если я расскажу о тяготах и о скверном пристанище, об узких жестких проходах...».³⁸¹

Перевод Иванова: «**Главы нам было негде преклонить.** Ни нар / На палубе не сыщешь, ни скамьи присесть».

Этот пассаж — из монолога вестника Талфибия, рассказывающего о тяготах, которые выпали на долю ахейского войска, возвращавшегося из-под Трои на родину (прежде всего — о бытовых трудностях). «Негде главы преклонить» — крылатое выражение, восходящее к словам Иисуса: «лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8:20; Лк. 9:58). В литературном языке оно может использоваться как в широком контексте (о человеке, который не знает, где найти пристанище), так и в более узком — об отсутствии жилища или ночлега.

³⁷⁹ ДП. С. 51. Такую генеалогию Эриний приводит Эсхил, однако есть и другие варианты их происхождения: например, согласно Гесиоду (Theog. 185) и Софоклу (Oed. Col. 40), они дочери Геи.

³⁸⁰ ДП. С. 51.

³⁸¹ По-видимому, смысл этого пассажа следующий: ахейскому войску во время возвращения домой приходилось спать, разместившись на деревянном полу корабля (См. комментарий: *Aeschylus. Agamemnon* / Ed. J. D. Denniston and D. L. Page. Oxford, 1957. P. 123).

В переводе Иванова можно видеть почти буквальное значение — ночевать воинам есть где, но в страшной тесноте и без удобств.

3)

πόροι τε πάντες ἐκ μιᾶς ὁδοῦ / βαίνοντες τὸν χερομυσῆ / φόνον καθαίροντες ἔκλυσαν μάταν³⁸² (Ch. 72–74).

Дословно: «И все ручьи, идущие одним потоком, омывая убийство, запачкавшее руки, едва ли очистят [его]».

Перевод Иванова: «Так всем потокам, слившимся в одно русло, / Не смыть сих страшных / Вековечных клейм, и **рук** / **Не убелить** убийственных. (Ch. 72–75)».

В пароде «Хоэфор» (третья антистрофа) хор плакальщиц, совершающий обряды на могиле Агамемнона, намекает на предшествующие события трилогии. Греческие глаголы καθαίρω и κλύζω (предложенная А. Вейлем конъектура ἔκλυσαν) оба означают «очищать», при этом первый употребляется еще в смысле ритуального очищения. В переводе Вяч. Иванова «...и рук не убелить убийственных» глагол «убелить» в смысле «очистить» отсылает к библейскому стиху из книги Исаяи: «Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю» (Ис. 1:18. ἐὰν ᾤσιν αἱ ἀμαρτίαι ὑμῶν ὡς φοινικοῦν, ὡς χιόνα λευκανῶ, ἐὰν δὲ ᾤσιν ὡς κόκκινον, ὡς ἔριον λευκανῶ). В Септуагинте здесь — глагол λευκαίνω, производный от прилагательного λευκός («белый»). В обоих случаях — и у Эсхила, и в Библии — метафорически говорится об очищении от греха (от пролитой крови).

Отдельные слова и выражения в переводе Вяч. Иванова обладают христианскими и библейскими коннотациями: среди них есть устойчивые выражения библейского происхождения; церковнославянизмы, включая калькированные греческие слова (например, двусоставные прилагательные); слова, первоначально относившиеся к церковно-христианской сфере

³⁸² Стихи 73–74 считаются испорченными. Текст приводится по изданию А. Вейля (Aeschylī tragoediae / Rec. H. Weil. Lipsiae, 1884), на которое Иванов в основном опирался при переводе «Хоэфор».

употребления. В некоторых случаях намеренное использование такой лексики можно объяснить конкретными тезисами Иванова о греческой трагедии и религии (например, о страстях трагического героя), нашедшими выражение в его работах. В других случаях — его общей идеей о взаимосвязи между христианством и эллинизмом, которая оказала влияние на все его творчество, включая переводы. Этот синтез — эллинистического и христианского — проявляется в переводах Иванова из Эсхила как на идейном, так и на языковом уровне.

Раздел III. СТИЛЬ

Глава 1. Двусоставные слова в переводе Вяч. Иванова

Аристофан, пародируя в комедии «Лягушки» стиль Эсхила, заставляет своего героя говорить длинными, двусложными словами: так, уже в первой реплике (ст. 840–843) Эсхил употребляет три композита, два из которых являются гапаксами. А. Хаусман в пародии на античную трагедию («Fragment of a Greek Tragedy»), вдохновленную, вероятно, творчеством Эсхила,³⁸³ в первой же строке добивается того же комического эффекта за счет громоздкого прилагательного («O suitably-attired-in-leather-boot Head of a traveller»). Обилие композитов, особенно в партиях хора, является не только особенностью стиля Эсхила, но античной драмы в целом.

Составным словам в поэтическом языке Вяч. Иванова посвящены два раздела докторской диссертации А. Г. Грек.³⁸⁴ В качестве одного из источников словотворчества Иванова исследовательница выделяет «поэтическую традицию древних авторов, в том числе и в ее русской, переводной версии»,³⁸⁵ в ряде случаев указывая на возможные греческие соответствия и двусоставные прилагательные из русских переводов Гомера, однако не обращается к переводам Иванова из Эсхила. Специальные работы о переводе двусоставных слов с древнегреческого на русский язык при создании поэтического перевода нам неизвестны, но А. Н. Егунов в книге «Гомер в русских переводах XVIII–XIX

³⁸³ *Marcellino R. A. E. Housman's «Fragment of a Greek Tragedy» // The Classical Journal. 1953. Vol. 48. № 5. P. 171–178.*

³⁸⁴ *Грек А. Г. Поэтический язык Вячеслава Иванова: дис. ... д. филол. наук: 10.02.01: защищена 7.10.2004. М., 2004. С. 61–104, 409–423. См. также: Грек А. Г. О составных прилагательных с корнесловом -крыл- в поэтической традиции // Лингвистика и поэтика: преодоление границ: памяти Наталии Алексеевны Кожевниковой: сборник научных трудов. М.; Тверь, 2008. С. 95–103.*

³⁸⁵ *Грек А. Г. Поэтический язык Вячеслава Иванова. С. 410.*

веков» приводит списки композитов, созданных разными переводчиками Гомера на русский язык.³⁸⁶

Стоит отметить, что двусоставные прилагательные и существительные в поэтическом творчестве Иванова весьма частотны и их можно считать одним из элементов, формирующих ту «тяжеловесность» стиля поэта, о которой неоднократно писали критики и исследователи его творчества. В стихотворных пародиях на Иванова его стиль нередко пародируется в том числе при помощи нагромождения сложных прилагательных-неологизмов.³⁸⁷ С. Маковский сравнивал Иванова с Гнедичем: «Какой необыкновенный парадокс — русский язык Вячеслава Иванова! По части сложных прилагательных он один, кажется, последовал за Гнедичем, переводчиком Гомера, и превзошел его».³⁸⁸ Ф. Ф. Зелинский, восхищаясь словотворческой силой поэта, видел ее источник в греческом языке, а именно в дифирамбах и трагедиях Эсхила: «Это Дионисов огонь расплавляет застывшие образования и делает их способными ко все новым и новым сочетаниям. А из поэтов-недифирамбистов только один к ним приближается по оригинальности и силе своего творчества в области слова, это — Эсхил. В. Иванов в сущности только перенес в русский язык ту

³⁸⁶ *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. 2-е изд. М., 2001. С. 45, 54–55, 64, 287–288, 327. Заслуживает также упоминания список эпитетов в приложении А. И. Малеина к статье А. С. Орлова «“Тилемахида” В. К. Третьяковского» (*Малеин А. И.* Приложение к статье А. С. Орлова «Тилемахида» // XVIII век, сборн. статей и материалов / Под ред. А. С. Орлова. М.; Л., 1935. С. 57–60), который можно рассматривать как попытку осмыслить усвоение Третьяковским античных языковых моделей. Малеин по просьбе Орлова сделал перевод сложных прилагательных из «Тилемахида» с русского языка на древнегреческий и при помощи *Thesaurus Graecae Linguae* указал соответствующие места у античных авторов, впрочем, со следующей оговоркой: «Конечно, я отнюдь не считаю, чтобы Третьяковский был непосредственно знаком со всеми этими авторами, но позволяю думать, что список может показать, как глубоко проник он в дух языка и как свободно мог располагать им» (Там же. С. 57).

³⁸⁷ Например, см. стихотворения «Полынь» Л. Галича (Вяч. Иванов: *pro et contra*, антология / Сост. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина. СПб., 2016. Т. 2. С. 741), «Хлябнолонное» Фрицхена (Ф. Ф. Благова. Там же. С. 742), М. Лозинского (Там же. С. 747), Л. и Дм. Ивановых (Там же. С. 749).

³⁸⁸ *Маковский С.* Вячеслав Иванов // В. И. Иванов: *pro et contra*, антология / Сост. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина. СПб., 2015. Т. 1. С. 668.

дионисическую свободу, которую он изучил в творениях своих греческих образцов...».³⁸⁹ В заключение своей статьи Зелинский надеется на скорый выход Эсхила в переводе Иванова: «... и если есть заслуга, которой он может превзойти свои нынешние заслуги, то это — воссоздание Эсхила в русской поэзии».³⁹⁰

При анализе сложных слов (преимущественно прилагательных, наречий, от них образованных, и реже существительных) в переводе Вяч. Иванова мы рассмотрим, во-первых, вопрос об эквивалентности перевода греческих композитов и, попутно, о словообразовательных моделях в древнегреческом и русском языках. Ограничения, с которыми сталкивается переводчик, с одной стороны, имеют характер узко лингвистический: некоторые модели, по которым образуются сложные слова в древнегреческом языке, в русском менее продуктивны. Это касается, например, двусоставных прилагательных с первой глагольной частью. С другой стороны, дополнительные ограничения накладывает задача, которую поставил перед собой Иванов, а именно, создать «эквиметрический» перевод. Во-вторых, нас будет интересовать вопрос о сложных прилагательных, добавленных Ивановым к греческому оригиналу.

Наилучшим образом пристрастие Вяч. Иванова-переводчика к двусоставным словам можно проиллюстрировать, сравнив количество таких слов в русских переводах «Агамемнона». Ниже приводятся результаты подсчета сложных прилагательных, наречий и существительных независимо от того, соответствуют ли они греческим композитам:

³⁸⁹ *Зелинский Ф. Ф.* Вячеслав Иванов // В. И. Иванов: pro et contra, антология. 2015. Т. 1. С. 366.

³⁹⁰ Там же. С. 369.

Таблица 9. Двусоставные слова в русских переводах «Агамемнона» Эсхила.³⁹¹

Перевод	Adj, Adv + повторы	N + повторы	Всего (с повторами)
Котелов, 1864	20 + 3	21 + 11 ³⁹²	41 (55)
Котелов, 1883	22 + 7 ³⁹³	12 + 5 ³⁹⁴	34 (46)
Радциг	28 + 11	14 + 6	42 (59)
Пиотровский	28 + 7	22 + 10	50 (67)
Апт	30 + 4	17	47 (51)
Иванов	85 + 19	45 + 8	130 (157)

В греческом тексте «Агамемнона» всего 278 композитов.³⁹⁵ На основании сделанных подсчетов можно сделать вывод о том, что Иванов наиболее последовательно стремится передать эту особенность эсхилевского стиля.³⁹⁶ Более того, явно поэтических образований у четырех других переводчиков сравнительно мало (выделяется на общем фоне только перевод С. К. Апта): сладко-приятный, страшно-коварный, благородный, тысячекорабельный, многомужняя, факелonosцы, щитonosцы, всеcвершитель (*Котелов*); светлоокый, трехтелый, чернорогий, тонкорунный, сребростенный (*Радциг*); двулезвейный, легкокрылый, остроперый, постыло-праздный, первопричинный (*Пиотровский*); двупрестольный, многомошный, светозарный, лученосный, крепкокаменный, тонкотканый, прекраснорунный, хвостоголовый, зайцеед, градодержцы, домодержец, щитоносец, мужегубица, взаимоубийство (*Апт*). По большей части двусоставные слова в их переводах — это прочно вошедшие в русский язык

³⁹¹ Здесь и далее используемые сокращения: Adj – прилагательное, Adv – наречие, DO – прямой объект, IO – косвенный объект, N – существительное, Num – числительное, PP – предложная группа, V – глагол.

³⁹² Восемь раз встречается существительное «злодейство».

³⁹³ Восемь раз встречается «благосклонный» или «благосклонно».

³⁹⁴ Шесть раз встречается существительное «жертвоприношение».

³⁹⁵ *Earp F. R. The Style of Aeschylus. Cambridge, 1948. P. 6.*

³⁹⁶ На это уже указывала Я. Л. Забудская (*Забудская Я. Л. Дионисийство и трагедия: Эсхил в переводах Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 142*).

существительные и прилагательные, которые можно отнести к межстилевой лексике (напр.: злодейство, жертвоприношение, новобрачная, благополучный, благородный, драгоценный, великодушный, кровожадный и т. д.).

Составив список сложных прилагательных и существительных в переводах Вяч. Иванова из Эсхила (см. *Приложение 1*), мы распределили слова в 4 группы: двусоставные слова, которые соответствуют композитам в греческом тексте (*Прил. 1. Табл. 1*); при помощи которых передается несколько греческих слов (*Прил. 1. Табл. 2*); которые соответствуют односоставным словам в греческом тексте (*Прил. 1. Табл. 3*); которые не имеют соответствий в тексте оригинала (*Прил. 1. Табл. 4*).

Целый ряд сложных слов в русском переводе представляют собой кальки с греческого. Среди тех, которые давно вошли в русский язык, в отдельную группу можно выделить сложные слова с первым компонентом «благо-», соответствующим греческому εὖ-: благовонный (εὐώδης), благовестница (εὐάγγελος), благородный (εὐγενής), благочестивый (εὐσεβής) и др.

Классифицировав слова-кальки по способу связи между двумя компонентами, можно выделить две большие группы: атрибутивные слова и субординативные.³⁹⁷

1) Атрибутивные сложные слова (с сочинительной связью между компонентами)

Adj+N

белоконный (λευκόπωλος), высокобашенный (ὕψιπυργος), единокровный (ἴμαμος), златошлемный (χρυσοπήληξ), медногрудый (χαλκόστομος), прекраснотлицый (καλλίπρῳρος), синегрудый (κυανώπιδες), многовёсельный (τρίσκαμος), многолюдный (πολύανδρος), многожужный (πολύάνωρ).

³⁹⁷ Распределение основано на классификации, предлагаемой в статье: *Benigni V., Masini F. Compounds in Russian // Lingue e linguaggio. 2009. № VIII (2). P. 171–193.*

Num+N

двудержавный (δίσκηπτρος), седмивратный (ἐπτάπυλον), первовещунья (πρωτόμαντις), первоубийца (πρωτοκτόνος).

2) Субординативные сложные слова (с подчинительной связью)

DO+V

копьеносный (δορύφορος), щитоносный (ἀσπίδηφόρος), всезрящий (πανόπτας), всеохватный (πανάλωτος), душегуб/душегубец (λαοδάμας, παιδολέτωρ, βροτοκτονοῦντες), огнедышащий (πύρπινοος).

IO+V

боголюбимый (θεοφιλέστατος);

PP+V

златокованный (χρυσήλατος);

Adv+V

новосмешанный (νεοκράς), долгодлительный (μακροβίωτος).

Словообразовательные возможности древнегреческого языка, по сравнению с русским, дают бóльшую свободу при создании двусоставных слов по модели V+N, где вторая часть содержит объект, на который направлено действие первой глагольной части. В древнегреческом языке таких композитов много, и они относительно хорошо изучены.³⁹⁸ В «Русской грамматике-80» приводятся только существительные, образованные по этой модели (скопидом, сорвиголова, горицвет, вертишейка, вертихвостка и др.),³⁹⁹ тогда как среди прилагательных такие образования не зафиксированы.⁴⁰⁰ О. Трибулато в недавней работе, посвященной греческим композитам, отмечает следующее: «In German, English, Baltic and Slavic V1 compounds are restricted and betray an

³⁹⁸ См. список композитов: *Tribulato O. Ancient Greek Verb-Initial Compounds: Their Diachronic Development within the Greek Compound System.* Berlin; Boston, 2015. P. 361–424.

³⁹⁹ Грамматика современного русского литературного языка / По ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1. С. 240.

⁴⁰⁰ Там же. С. 316–325.

onomastic origin».⁴⁰¹ Вероятно, именно эта особенность русского словообразования привела к тому, что эпитет μισόθεος («ненавидящий богов») переведен на русский язык как «богопротивный», а ἀρπάξανδρα («похищающая мужей») Иванов передал как «смертоносная».

По схожим причинам ἰσοδαίμων и ἰσόθεος («равный богу») переведены как «богоравный»; в обоих случаях это эпитеты к существительному βασιλεύς — по отношению к персидскому царю. Как «богоравный» переведен также θεῖος — эпитет Ореста (Ch. 867). Если в первых двух случаях такой перевод оправдан, то в третьем, скорее, нет.⁴⁰²

Во многих случаях одна из частей композита переведена не вполне точно: например, как «медногрудые» переведен эпитет χαλκόστομοι («медноротые/медноклювые» — о кораблях, Pers. 415), та же вторая часть встречается в эпитете «синегрудый», относящемся к кораблям («синегрудая стая», Pers. 559), — так Иванов переводит прилагательное κτανώπιδες («темноглазые»). Три разных греческих композита с первой частью δημ- переведены как «всенародный» (δημηλασία, δημοπληθέα, δημόθρους). Стараясь по возможности сохранять в русском переводе двусоставные эпитеты, иногда Иванов меняет их расположение: так, ἀνθονομούσας βοός («коровы, пасущиеся на цветах», Suppl. 44) передано как «праматерью, пасшейся древле / На цветоносных лугах».

Некоторые двусоставные слова в русском переводе передают сразу несколько греческих слов (*Прилож. 1. Табл. 2*): так, например, близкие к композиту сочетания πάντα с причастием (πάνθ' ὀρῶντα и πάντ' ἐποπτεύων) переведены Ивановым одним емким двусоставным словом «всезрящий» (тип

⁴⁰¹ *Tribulato O. Ancient Greek Verb-Initial Compounds...* P. 161.

⁴⁰² Ср. замечание А. Н. Егунова по поводу прилагательного δῖος в переводе Жуковского: «... авторитет Жуковского закрепил запоминающуюся каждым русским читателем Гомера, как якобы характерный гомеровский эпитет, неудачную и противоречащую гомеровским религиозным представлениям передачу этого слова как “богоравный”» (*Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. С. 286. Прим. 31*).

DO+V). Этот же эпитет трижды употреблен им в других местах для передачи греческого композита πανόπτης.

Около 30 сложных прилагательных передают односоставные греческие прилагательные (*Прилож. 1. Табл. 3*). Среди них можно выделить обозначения цвета: рыжеогненный (πυρσή, Pers. 314), светлорусый (ξανθή, Pers. 616), среброкрылая змея-летунья (о стреле: πτηνός, ἀργηστής ὄφις, Eum. 182). К ним близки эпитеты с первой частью «свето-»: светозарный (φλέγουσα Ag. 308, λαμπροί Ag. 6⁴⁰³), светоносный (λαμπρός Pers. 504). Несколько раз употребляется «стародавний» для перевода греческих простых прилагательных παλαιός (Pers. 17, Ag. 1501, Eum. 727), πρότερον (Ag. 1338) и несогласованного определения πατέρων (Ch. 865). В некоторых случаях составные эпитеты соответствуют простым качественным прилагательным, что не всегда можно считать удачным решением:⁴⁰⁴ благосклонная (ἀγαθή, Eum. 988), многооблестный (ἀγαθός, Pers. 44), многомошная (ἰσχυρά, Suppl. 287), миротворный (ἀγνόν, Ag. 94). Словосочетание «честной миротворный елей», которое Иванов употребляет для перевода ἀγνόν χρῖμα («чистое масло»), вносит в текст перевода христианские коннотации.

Более 40 сложных прилагательных не имеют соответствий в греческом тексте (*Прилож. 1. Табл. 4*). По большей части их следует отнести на счет фантазии переводчика. Для некоторых из них можно найти греческие аналоги,

⁴⁰³ В первой редакции перевода «Агамемнона», по которой текст печатается в издании 1989 года, стихи 4–6 читаются так: «И ведом стал мне круговратных звезд собор, / Несущих зной и холод, узнаю владык, / Воздушных венценосцев» (РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 9. Л. 3). Вместо «воздушных венценосцев» в рукописи первоначально было «эфира светозарных». Позже, во второй редакции, Иванов вернулся к этому варианту (РГБ. Ф. 583. Карт. 14. № 18. Л. 2).

⁴⁰⁴ «Disregarding for the moment the stately and often daring compounds generated by the tradition of ritual choral song, what has always struck critics is the conventional quality of most of the tragic diction, its delight in the simple epic adjectives — good, bad, beautiful, ugly, just, unjust, and so forth — and in the compact nouns and verbs that reverberate with the social experience of the city-state. Translators have come up hard against this simplicity. Many have fallen victim to the temptation of substituting the more sophisticated, more tentative expressions favored today for the hard, squarely hitting terms of Aeschylus's Greek» (*Rosenmeyer Th. G. The Art of Aeschylus. Berkeley; Los Angeles; London, 1982. P. 78*).

однако в тексте Эсхила в соответствующих местах двусоставных эпитетов нет: так, эпитеты «копьеносный» (Ag. 46) и «многовёсельный» (Pers. 352) были добавлены переводчиком, однако они уже употреблялись им в других пассажах для перевода греческих композитов *дорύφορος* и *τρίσκαλμος* (Прилож. 1. Табл. 1). Вполне «греческим» является эпитет «многоустый» (Нил, Suppl. 3) — прилагательного *πολύστομος* нет у Эсхила, но оно встречается у Никандра в поэме «Theiаса», также как эпитет Нила (Nic. Th. 175).⁴⁰⁵ В ряде мест в переводе возникают эпитеты богов, которые у Эсхила в соответствующих стихах отсутствуют: например, «правосудный Зевс» (Ag. 56)⁴⁰⁶ и «сребролукий Феб» (Ag. 509). Во втором случае переводчик использовал кальку устойчивого гомеровского эпитета для Аполлона *ἀργυρότοξος*, у Эсхила же здесь — *ὁ Πύθιος ἄναξ* («Пифийский владыка»).

Некоторые добавленные Вяч. Ивановым эпитеты, по-видимому, выполняют уточняющую и поясняющую функцию, то есть эксплицируют смыслы, внутренне заложенные, с точки зрения переводчика, в определяемом понятии. Например, как «двуострая секира» он переводит существительное *πέλεκυς* (Ch. 889), которое в древнегреческом языке употреблялось для обозначения обоюдоострого топора. Как «смертоносное покрывало» передано существительным *ἀμφίβληστρον* (Ch. 492), обозначающее рыболовную сеть, но в указанном месте метафорически указывающее на покрывало, которое Клитемнестра набросила на Агамемнона. Ту же уточняющую функцию выполняют прилагательные в словосочетаниях «благоговейный трепет» (*σέβας*, Eum. 700) и «богомерзкий разбойник» (*μαίφρονος*, Eum. 607), где точная передача греческого понятия на русский язык одним только существительным вызывает трудности. В предисловии к несостоявшемуся изданию «Орестеи» Иванов писал следующее: «перевод устроен с таким расчетом, чтобы подразумеваемая в подлиннике связь мыслей и образов была обнаружена, намеки раскрыты или

⁴⁰⁵ Ср. также в Suppl. 33: *πολυθρέμων Νεῖλος* – «многосеменный Нил» в переводе Иванова.

⁴⁰⁶ В Ag. 525 этим прилагательным передан греческий эпитет Зевса *δικηφόρος*.

опрозрачены, чтобы передача слов поэта включала в себя, в границах того же числа таких же по размеру строк, в некоторой мере и их существенно-смысловое истолкование».⁴⁰⁷ Возможно, в отмеченных выше вольностях в некоторой мере нужно видеть эту попытку «раскрыть намеки».

В своем переводе Вяч. Иванов не только по возможности старался передать греческие композиты, используя словообразовательные возможности русского языка, но и дополнительно насыщал русский текст сложными прилагательными, обнаруживая свою поэтическую изобретательность. Полученные данные демонстрируют применяемые Ивановым словообразовательные приемы, а также творческую работу переводчика, решающего поставленную им перед собой трудноисполнимую стилистическую задачу.

Глава 2. Лексические и звуковые повторы

Звуковой форме слова древнегреческие трагики уделяли особое внимание.⁴⁰⁸ Трагедии писались для сцены, и их текст изначально рассчитан на произнесение вслух, а хоровые части — на пение. В этой главе будет рассмотрена передача Вяч. Ивановым в переводе на русский язык лексических и звуковых повторов, включая как собственно аллитерацию, так и те повторы, которые можно отнести к риторическим фигурам.⁴⁰⁹

⁴⁰⁷ Эсхил, 1989. С. 197.

⁴⁰⁸ О фигурах повтора в греческой литературе: *Fehling D.* Die Wiederholungsfiguren und ihr Gebrauch bei der Griechen vor Gorgias. Berlin, 1969. Об аллитерации: *Riedel Chr.* Alliteration bei den drei grossen Griechischen Tragikern. Erlangen, 1900. *Stocker M.* Alliteration bei Äschylus. Straubing, 1902. *Pogliani M. C.* L'alliterazione nella tragedia eschilea // *Lexis: Poetica, retorica e comunicazione nelle tradizione classica.* 1994. № 12. P. 37–46. *Garvie A. F.* Alliteration in Aeschylus // *Lexis: Poetica, retorica e comunicazione nelle tradizione classica.* 2002. № 20. P. 3–12. *Сумм Л. Б.* Звук – значение: аллитерации в образном языке Эсхила // *ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ.* Вопросы классической филологии. Сб. статей в честь А. А. Тахо-Годи. М., 2002. Вып. XII. С. 232–248.

⁴⁰⁹ Об аллитерации как приеме в ивановских переводах Эсхила ранее писала Я. Л. Забудская: *Забудская Я. Л.* О возможностях передачи звукописи в художественном переводе (на материале переводов эсхилового Агамемнона Вяч. Ивановым и С. И. Радцигом) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология (чтения памяти И. М. Тронского).* СПб., 2005. Т. 9. С. 82–85. *Забудская Я. Л.* Язык и стиль художественного

Среди повторов можно выделить: повтор в начале стиха (анафора) или в конце (эпифора); повторение одного слова в разных формах (полиптон); повтор слов схожих по звучанию, но разнокоренных (парономасия); повтор слов с одинаковыми корнями или одного и того же слова в разной форме (*figura etymologica*, которую иногда считают разновидностью парономасии); повтор конечных морфем разных слов (гомеотелевт); повторы одинаковых или близких по типу согласных (групп согласных) или гласных в одном отрезке речи (аллитерация и ассонанс). Повторы слов и морфем так или иначе являются звуковыми, но аллитерацией принято называть повторы на уровне отдельных звуков, а не морфем.

При изучении повторов (и особенно аллитерации) часто поднимается вопрос о намеренности или случайности этих повторов. А. Ф. Гарви в статье об аллитерации у Эсхила отмечает, что такая дифференциация не вполне правомерна, так как можно представить пограничную ситуацию, когда аллитерация в процессе создания текста возникла случайно, но автор осознает факт этой случайности.⁴¹⁰ Д. Фелинг также указывает на сложность вопроса о наличии авторской интенции в повторах.⁴¹¹ В частности, он замечает, что, например, созвучие финальных частей слов, на котором основана фигура гомеотелевта, — это следствие флективного характера индогерманских языков.⁴¹² Гомеотелевт как риторическая фигура является «не изобретением, но, в лучшем случае, открытием».⁴¹³

перевода (на материале переводов «Агамемнона» Эсхила) // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2007. С. 697–698. *Забудская Я. Л.* Проблемы стилистики художественного перевода античных текстов // *Colloquia classica et indo-germanica IV*. СПб., 2008. (*Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН*. Т. 4). С. 453–470.

⁴¹⁰ *Garvie A. F.* Alliteration in Aeschylus // *Lexis: Poetica, retorica e comunicazione nelle tradizione classica*. 2002. № 20. P. 3.

⁴¹¹ *Fehling D.* Die Wiederholungsfiguren und ihr Gebrauch. S. 74–78.

⁴¹² Там же. S. 86.

⁴¹³ «...nicht als Erfindung, sondern allenfalls Entdeckung...». Там же. S. 86.

Поскольку нас интересует интенция переводчика, то эта проблема несколько упрощается: мы сосредоточим свое внимание преимущественно на тех повторах, которые имеют соответствия в греческом оригинале, и наша задача — продемонстрировать, что лексические и звуковые повторы Иванов стремился по возможности передать в своем переводе, а значит, рассматривал их как важные элементы стиля Эхила. Стоит отметить, что мы имеем дело с переводом, выполненным поэтом, который придавал большое значение звукописи: это отразилось и в собственном поэтическом стиле Иванова,⁴¹⁴ и в его статьях (например, «К проблеме звукообраза у Пушкина»⁴¹⁵), и в лекциях по поэтике, прочитанных им в Бакинском университете.⁴¹⁶

§ 1. Повторы однокоренных слов

1.1. *Figura etymologica* (этимологическая фигура)

Figura etymologica, или этимологическая фигура представляет собой риторическую фигуру, которая заключается в сочетании двух слов с одинаковым

⁴¹⁴ Так, А. Г. Грек отмечает, что в оригинальных стихотворениях, жанр которых Иванов обозначал как дифирамб, он прибегает к корнесловным повторам (*figura etymologica*), звуковым повторам и к приему этимологизирования имени собственного, что исследовательница относит к «знакам архаичности» (*Грек А. Г. Стилистика стихотворений-дифирамбов в творчестве Вяч. Иванова // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2010. С. 181*). См. также о звуковой ткани поэзии Иванова: *Грек А. Г. Поэтический язык Вячеслава Иванова... С. 123–190. Грек А. Г. Μουσική в поэзии Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. М., 2018. Вып. 3. С. 169–180*.

⁴¹⁵ *Иванов Вяч. К проблеме звукообраза у Пушкина // Московский пушкинист / Под ред. М. А. Цявловского. М., 1930. Вып. II. Статьи и материалы. С. 94–105*.

⁴¹⁶ *Иванов В. И. Лекции по поэтике (1921–1922) [конспект, сделанный О. Г. Тер-Григорьяном; готовится к печати К. Ю. Лаппо-Данилевским]. О лекциях: Белькинд Е. Л. Теория и психология творчества в неопубликованном курсе лекций Вяч. Иванова в Бакинском гос. университете (1921–1922 гг.) // Психология процессов художественного творчества. Л., 1980. С. 208–214. Лаппо-Данилевский К. Ю. Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы / Отв. редактор А. В. Лавров. СПб., 2011. С. 96–110*.

корнем. Иногда ее рассматривают как частный случай паронимии. К *figura etymologica* относят образования нескольких типов: 1) глагол+существительное («пир пировать»), 2) глагол+глагол («уходя уходи»); 3) существительное+прилагательное («горе горькое») 4) существительное+существительное в род. п. («царь царей», т. н. *genetivus hebraicus*, поскольку это распространенная фигура в еврейской Библии); 5) два прилагательных при сравнении («худший из худших»).⁴¹⁷

У Эсхила, по мнению К. Ридела, эта риторическая фигура встречается не слишком часто.⁴¹⁸ Впрочем, другие исследователи, например, Д. Фелинг иного мнения о частотности ее у Эсхила.⁴¹⁹ В переводе Вяч. Иванова почти везде *figura etymologica* не отражает соответствующую фигуру в греческом тексте, а является добавлением переводчика: «горе горькое» (Ag. 862, Ch. 159), «доля бездольная» (Ag. 1165), «правая правда» (Sept. 641), «бегом бежит» (Sept. 370), «грозою грозитя» (Sept. 427), «век вековать» (Sept. 366), «думу думать» (Pers. 143), «вещали весть» (Ch. 39), «ковы кую» (Ch. 221), «содеяно деянье» (Eum. 611), «славу славить» (Ag. 31). Исключение — «верные из верных» (Pers. 681) — *πιστῶν πιστῶν* (Pers. 682). Отметим, что этимологические фигуры типа «горе горькое», «думу думать» обладают яркой фольклорной окраской.⁴²⁰

⁴¹⁷ *Riedel Chr. Alliteration bei den drei grossen Griechischen Tragikern*. Erlangen, 1900. S. 8. Более подробная классификация: *Fehling D. Die Wiederholungsfiguren und ihr Gebrauch*. S. 153–162.

⁴¹⁸ *Riedel Chr. Alliteration bei den drei grossen Griechischen Tragikern*. S. 53–54. Там же см. примеры.

⁴¹⁹ «Dagegen begegnet sie öfter bei Äschylus, darunter auch einige Male in den Chorliedern» («Напротив [по сравнению с ранними греческими лириками – Л. Е.], у Эсхила она встречается чаще, в том числе даже несколько раз в песнях хора». *Fehling D. Die Wiederholungsfiguren und ihr Gebrauch*. S. 153–155).

⁴²⁰ Среди прочих особенностей, которые характерны для русского фольклора и которые можно найти в переводе Вяч. Иванова, стоит назвать также устаревшую лексику, в том числе описывающую русские реалии (витязь, богатырь, хоромы, гостинец, торжища, сулица, вече, холоп, вотчина, лукоморье и др.), конструкции из существительных с дефисом, одно из которых является определяющим приложением или синонимично другому (тоска-кручина, грусть-тоска, Исмен-поток, судия-перун, Земля-Кормилица, Людоед-Меч, царь-отец), конструкции с устойчивыми эпитетами и идиомами (ветры буйные, сине море, лютый враг, тугой лук, солнце красное, поле бранное, меч булатный, горе лютое, темный лес, «буйную

В некоторых случаях, возможно, стоит считать, что передается не конкретное греческое выражение, а стилистические (например, наличие аллитерации) особенности всего пассажа. Так, например, «горе горькое» в Ag. 862 — это перевод ἔκπᾰγλον κακόν («ужасная беда»), однако ниже есть *figura etymologica* κακοῦ κάκιον ἄλλο («другое [зло], злее злого»). В этом же пассаже определенно присутствует аллитерация: ἦσθαι δόμοις ἔρημον ἔκπᾰγλον κακόν, πολλὰς κλύουσαν κληδόνας παλιγκότους.

В других случаях аллитерации или лексических повторов у Эсхила нет. Например, Ag. 31 Иванов вначале перевел как «Ей славу петь, а мне плясать предславию», но во второй редакции изменил на «Ей славу славить, — мне плясать предславию», добавив еще один повтор корня «слав-».

С долей осторожности можно отметить, что некоторые *figurae etymologicae* Эсхила Вяч. Иванов старается отразить в своем переводе, прибегая к лексическому повтору в соответствующем пассаже, хотя бы несколькими стихами ниже: ὡς εἰπεῖν ἔπος (Pers. 715) — «Все скажу, сказав одно» (Pers. 713).

1.2. Оксюморон

Оксюморон, сочетание противоположных понятий, можно считать разновидностью *figura etymologica* в тех случаях, когда, например, определяющее прилагательное образовано от того же корня, что и существительное, но с отрицательной частицей, например, παῖδες ἄπαιδες «дети недетные» (другой вариант интерпретации — «дети, которые не дети») (Eum. 1035).⁴²¹

голову в поле сложит», «ныне мне и смерть красна»), перенос ударения на предлог (за море, на море, о земля, по сердцу, за хлеб, за соль), слова и выражения, встречающиеся в былинах (возгворил, в поднебесье), грамматическую рифму. Фольклорная составляющая в переводе Эсхила ошутима, но ее нельзя назвать стилиевой доминантой.

⁴²¹ Примеры у Эсхила: *Riedel Chr.* Alliteration bei den drei grossen Griechischen Tragikern. S. 55. Об этом типе оксюморона в греческом языке: *Fehling D.* Die Wiederholungsfiguren und ihr Gebrauch. S. 287–289.

В одном случае Вяч. Иванов сделал попытку передать эту фигуру, сохранив лексический повтор. Хор в «Персах», сообщая покойному царю Дарию об утратах, которые понес Ксеркс во время своего похода, говорит: ἐξέφθινται τρίςκαλμοὶ νᾶες, ἄναες νᾶες (Pers. 675–676. Дословно: «Пропали трехрядные / корабли, некорабельные корабли (корабли не-корабли / пагубные корабли)»). Атрибут ἄναες, по-видимому, придуманное Эсхилом слово, образовано от νᾶες («корабли») с помощью отрицательного префикса α-. В переводе Иванова: «Взгляни / Где дома многовёсельные? / Ах, не дома — домовины!» (Pers. 678–680). Таким образом, он добавляет здесь яркую метафору корабль – дом и использует антитезу двух однокоренных слов с разным значением («дом» и «домовина», или гроб, то есть дом для покойника).⁴²² Возможно, что определенную роль сыграло также созвучие существительного ναῦς «корабль» с глаголом ναίω «населять, жить».

Другой пример (в реплике хора о Елене): βεβάκει ῥίμφα διὰ πυλᾶν ἄτλατα τλᾶσα (Ag. 407–408. Дословно: «Легко прошла через ворота, посмев совершить то, что нельзя совершать»). Здесь прилагательное ἄτλητος образовано от того же корня, что и глагол со значением «дерзать, осмеливаться», но содержит отрицательную «альфу». Вяч. Иванов перевел этот пассаж следующим образом: «Порхнула пташкой из теремов. Порог / непреступимый перешла...»⁴²³ Он добавил метафору «порхнула пташкой», но при этом сумел передать лексический повтор и антитезу при помощи слов с одной и той же приставкой пре-/пере- и с корнями, близкими по значению: «непреступимый» и «перешла».

⁴²² Другие переводчики сохраняют лексический повтор, но не пытаются передать оксюморон: «Ведь не плавают больше / Корабли, корабли мои» (Ант); «Корабли остроносые в щепы, / в щепы разбиты» (Пиотровский).

⁴²³ Ср. др. переводы: «Прошла тогда порог поспешно, безумной смелостью горя» (Радциг). «Походкой легкой из ворот с безумным сердцем вышла» (Пиотровский). «Походкой легкой выйдя из ворот, умчалась прочь преступница» (Ант).

1.3. Анафора, эпифора, полиптон

Среди прочих повторов одного и того же слова, которые в то же время относятся к риторическим фигурам, можно выделить анафору, эпифору и полиптон.

Анафора представляет собой повтор в начале стиха или предложения, а эпифора — в конце. Рассмотрим несколько примеров. В первом стасиме «Персов» (строфа 1) хор бросает упреки своему царю Ксерксу, потерпевшему поражение в походе против греков:

νῦν γὰρ δὴ πρόπασα μὲν στένει / γαῖ' Ἀσίς ἐκκενουμένα. / **Ξέρξης** μὲν ἄγαγεν, ποποῖ, /
Ξέρξης δ' ἀλώλεσεν, τοτοῖ, / **Ξέρξης** δὲ πάντ' ἐπέσπε δυσφρόνως / βαρίδεσσι ποντίαις.
(Pers. 543–548).

Дословно: «Теперь же вся стенает / земля Азия, опустелая. / Ксеркс увел, увы! / Ксеркс сгубил, увы! / Ксеркс распорядился всем безрассудно, / с помощью кораблей морских».

Перевод Иванова: «Вся Азия рыдает днесь, / Стенает опустелая. / Увел народ воитель — Ксеркс, / Сгубил народ губитель — Ксеркс! / Безумец Ксеркс доверил свой народ / Утлым, в хляби волн, стругам!» (Pers. 648–553)

В оригинале мы видим эпифору с повторением имени **Ξέρξης** — таким образом хор делает акцент на том, что именно Ксеркс погубил персидское войско. В ст. 545–546, более того, присутствует синтаксический параллелизм и гомеотелевты, образованные междометиями. Вяч. Иванову удастся и сохранить этот параллелизм, и передать повторение имени Ксеркса, искусно преобразовав анафору в эпифору, так что в русском переводе акцент усиливается, поскольку «Ксеркс» оказывается в ударной позиции. То же самое он делает при переводе соответствующей антистрофы:

πεζοὺς τ' ἠδὲ καὶ θαλασσίους / ὁμόπτεροι κυανώπιδες / **νῆες** μὲν ἄγαγον, ποποῖ, / **νῆες**
δ' ἀλώλεσαν, τοτοῖ, / **νῆες** πανωλέθροισιν ἐμβολαῖς... (Pers. 553–557).

Дословно: «Пехотинцев, а также и моряков / равнобыстрые, темноглазые / корабли увезли, увы! / корабли сгубили, увы! / корабли — всегубящими ударами...»

Перевод Иванова: «Пехоту и морскую рать / Вы стаей синегрудою / Увы, везли на казнь, суда! / Сгубили черные суда / Станицы медноклювых лютых птиц!» (Pers. 558–561)

Эта антистрофа перекликается со строфой: тот же синтаксический параллелизм, те же самые глаголы и междометия ($\nu\tilde{\alpha}\epsilon\varsigma \mu\acute{\epsilon}\nu \acute{\alpha}\gamma\alpha\gamma\omicron\nu$, $\lambda\omicron\lambda\omicron\iota$, / $\nu\tilde{\alpha}\epsilon\varsigma \delta' \acute{\alpha}\lambda\omega\lambda\epsilon\sigma\alpha\nu$, $\tau\omicron\tau\omicron\iota$), но только вместо $\Xi\acute{\epsilon}\rho\zeta\eta\varsigma$ здесь в начала стиха повторяется $\nu\tilde{\alpha}\epsilon\varsigma$. В переводе так же, как и в строфе 1, анафора превращается в эпифору.

Приведем еще один случай повтора однокоренных слов и форм, где можно видеть и полиптотон, и эпифору, и гомеотелевт, и с которым Вяч. Иванов удачно справляется, сохранив повторы в переводе:

$\acute{\omicron}\tau\alpha\nu \delta\acute{\epsilon} \tau\epsilon\upsilon\chi\eta \text{Ze}\acute{\upsilon}\varsigma \acute{\alpha}\pi' \acute{\omicron}\mu\phi\alpha\kappa\omicron\varsigma \lambda\iota\kappa\rho\acute{\alpha}\varsigma / \omicron\iota\tilde{\iota}\nu\omicron\nu$, $\tau\omicron\tau' \eta\delta\eta \psi\tilde{\upsilon}\chi\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\nu \delta\acute{\omicron}\mu\omicron\iota\varsigma \lambda\epsilon\lambda\epsilon\iota$, / $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omicron}\varsigma \tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\omicron\nu \delta\omega\mu' \acute{\epsilon}\lambda\iota\sigma\tau\rho\omega\phi\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$. / $\text{Ze}\acute{\upsilon} \text{Ze}\acute{\upsilon} \tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\epsilon$, $\tau\acute{\alpha}\varsigma \acute{\epsilon}\mu\acute{\alpha}\varsigma \acute{\epsilon}\nu\chi\acute{\alpha}\varsigma \tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota$ / $\mu\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota \delta\acute{\epsilon} \tau\omicron\iota \sigma\omicron\iota \tau\omega\nu\pi\epsilon\rho \grave{\alpha}\nu \mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\eta\varsigma \tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\nu$. (Ag. 970–974)

Дословно: «Когда Зевс творит из кислого винограда / вино, тогда уже в доме прохлада / при том, что хозяин возвращается домой. / Зевс, Зевс могущественный, исполни мои молитвы: / позаботься о том, что ты намереваешься исполнить».

Перевод Иванова: «Когда же Зевс лучами гроздь кислая / В дар сладкий претворяет, — не прохлада ли / Под кровом дома, если муж **верховный** в нем? / О Зевс **верховный**, Зевс-**вершитель**, сам **сверши**, / О чем молю. Воспомни, что судил **свершить**».

В этом пассаже из речи Клитемнестры, которая встречает вступающего в дом Агамемнона, во-первых, можно видеть повторы однокоренных прилагательного $\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\omicron\varsigma$ («совершенный», но здесь в значении «могущественный») и глагола $\tau\acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\omega$ («совершать, доводить до конца, исполнять»). Во-вторых, к ним добавляются созвучные глаголы $\mu\acute{\epsilon}\lambda\omega$ («заботиться») и $\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega$ («собираться что-то сделать»). Наконец, $\lambda\epsilon\lambda\epsilon\iota$ («быть, становиться») и $\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota$ («совершает») в конце стихов 971 и 973 соответственно

представляют собой гомеотелевты. Иванов не сохраняет гомеотелевт, но зато передает повторение τέλειος и τελέω при помощи повторов однокоренных «верховный», «вершитель», «сверши», «свершить».

Пполиптотон — это повтор одного и того же слова в разных грамматических формах в одном предложении. Приведем несколько примеров.

Слова Кассандры об Аполлоне:

καὶ νῦν ὁ μάντις μάντιν ἐκπράξας ἐμὲ (Ag. 1275).

Дословно: «И ныне прорицатель меня, прорицательницу, прикончив...».

Перевод Иванова: «Свою **вещунью** ныне развенчал **Вещун**».

Из реплики хора в «Семерых против Фив» о междоусобной войне:

συμβολεῖ φέρων φέροντι, / καὶ κενὸς κενὸν καλεῖ, / ζύννομον θέλων ἔχειν (Sept. 352–354).

Дословно: «Грабитель (досл. несущий) объединяется с грабителем (досл. несущим), / и нищий (досл. порожний) зовет нищего (досл. порожнего), / желая иметь сообщника».

Перевод Иванова: «Жадным оком зарится / **Грабитель** на **грабителя**; / **Нищий** общник **нищему** / В грабеже...»

Из монолога Этеокла, который собирается сразиться со своим братом Полиником:

ἄρχοντί τ' ἄρχων καὶ κασιγνήτῳ κάσις, / ἐχθρὸς σὺν ἐχθρῷ στήσομαι (Sept. 674–675).

Дословно: «Как правитель с правителем, и брат с братом, и враг с врагом я встану».

Перевод Иванова: «Сойдемся в поле — **царь** с **царем** и с **братом брат**, / Как **враг** с **врагом**».

В приведенных случаях Вяч. Иванов сохранил в переводе эту риторическую фигуру.

§ 2. Повторы слов с разными корнями. Этимологизация имени собственного

Парономасия, основанная на сочетании слов, сходных по звучанию, но разных по значению и этимологии, у Эсхила встречается нечасто.⁴²⁴ Как специфический случай парономасии можно отметить игру слов, включающую имена собственные, при этом этимологизация имени собственного может быть ложной, из разряда народной этимологии.

Рассмотрим примечательные с этой точки зрения у Эсхила пассажи, при переводе которых Вяч. Иванов постарался передать игру слов.

В трагедии «Агамемнон» хор порицает Елену, из-за которой началась Троянская война, и усматривает дурной знак в самом ее имени:

τίς ποτ' ὠνόμαζεν ᾧδ' / ἐς τὸ πᾶν ἐτητύμως – / μή τις ὄντιν' οὐχ ὀρῶμεν προνοί/αισι τοῦ πεπρωμένου / γλῶσσαν ἐν τύχῃ νέμων; – / τὰν δορίγαμβρον ἀμφινει/κῆ θ' Ἑλέναν; ἐπεὶ πρεπόντως / ἑλένας, ἔλανδρος, ἐλέπτολις...(Ag. 681 слл.)

Дословно: «Кто некогда назвал ее так, совершенно точно — был ли это некто, кого мы не можем видеть, наделяющий точным языком, с помощью предвидения судьбы? Ее — спор мужей, обоюдную вражду,⁴²⁵ [назвал] Еленой. В соответствии [со своим именем] — берущая корабли, берущая мужей, берущая города».

Перевод Иванова: «Кто ей имя это дал, / Предвещающее **плен**? / Роковое нагадал — вещей, кто? / Демон был он, чей язык / Чаровательный сложил / Имя «Елена». Ей удел — / Храбрых **пленять** и — **пленницей** — / Мощных соперников / **Полонить** корабли, / Грады и царства...»

В двусоставных эпитетах ἑλένας, ἔλανδρος, ἐλέπτολις (первые два из них — гапаксы) первая часть, созвучная имени Ἑλένη, связана с глагольным корнем ἐλ- и имеет значение «брат, одолевать». Этимология самого имени «Елена»

⁴²⁴ Riedel Chr. Alliteration bei den drei grossen Griechischen Tragikern. S. 53.

⁴²⁵ В тексте непереводимые двусоставные прилагательные: δορίγαμβρος («копье» + «жених; родственник по браку (не кровный)»), ἀμφινεικῆς («обоюдный» + «ссора, спор, битва»).

неясна,⁴²⁶ но сомнительно, что его стоит сближать с указанным глагольным корнем. Вяч. Иванов для передачи и звукового повтора, и игры слов использовал корень «плен/полон», повторив его несколько раз: плен — пленять — пленницей — полонить. Стоит отметить, что чуть ниже, в стихе 694 — «ловцы еленя», которые также созвучны имени «Елена». К этой удачной находке позже в своих переводах прибегли А. Пиотровский и С. Апт.⁴²⁷

Пленная Кассандра, привезенная во дворец Атридов, обращается к Аполлону, чей знак она видит возле ворот дворца, и поэтому упоминает один из эпитетов Аполлона — ἀγυιάτης, то есть «дорожник», охраняющий дороги.

Ἄπολλον· Ἄπολλον· / ἀγυιάτ', ἀπόλλων ἐμός. / ἀπόλεσας γὰρ οὐ μόλις τὸ δεύτερον.
(Ag. 1080–1082)

Дословно: «Аполлон! Аполлон! Страж дорог, губитель мой, ведь ты второй раз меня погубил — полностью».

Пер. Иванова: «Путей страж, **разящий**, / **Сразивший** меня на́ смерть, мой бог! / Стрелой другою на́ смерть⁴²⁸ ты **сразил** меня!»

⁴²⁶ Frisk H. Ἑλένη // Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. S. 489.

⁴²⁷ «Имя — Елена — плен и тлен, / Медью плененная невеста, / Плен мужей, плен мечей, столицы плен» (Пиотровский). «Это имя значит “Плен”. / Людям плен и кораблям, / И столице горький плен / Уготовила она...» (Ann). С. Радциг также попытался сохранить игру слов: «...это невесту Еленой / Кто же назвал бы другой? / Уж и впрямь злая язва заела, / На суда и мужей, и на город сошла...» (курсив переводчика; кроме того, Радциг снабдил это место примечанием: «Здесь в греческом тексте непередаваемая игра слов, основанная на созвучии имени Елены с основой глагола взять, одолеть (ἐλεῖν)» (Радциг. С. 34). В немецком переводе Виламовица-Меллендорфа (Wilamowitz, 1901. S. 75) имя Helene сближается со словом Hölle («ад»), подобное же можно найти и в английских переводах (Helen — Hell).

⁴²⁸ Я. М. Боровский полагает, что в этих стихах ошибка (дигитография), и вместо второго «на смерть» предлагает исправление «немотством» (Боровский Я. М. Эсхил в переводе Вячеслава Иванова. С. 52), но во всех известных нам рукописях перевода «Агамемнона» так, поэтому следует полагать, что описки или опечатки здесь нет.

Этимология имени Ἄπολλων неясна, и есть разные гипотезы на этот счет;⁴²⁹ сближение имени бога с глаголом ἀπόλλυμι («губить, убивать»), по-видимому, относится к народной этимологии, и такая словесная игра встречается также у других, более поздних авторов.⁴³⁰ Адекватно передать эту игру слов на русский язык крайне сложно, но Вяч. Иванов сделал попытку ее сохранить с помощью созвучности страж/сраз- и повторения однокоренных слов «разящий – сразивший – сразил». Кроме того, «разящий» здесь может восприниматься как эпитет бога (чуть раньше, в первой строфе и антистрофе: «О Аполлон разящий!»).⁴³¹

Еще один подобный случай касается этимологизации имени Полиника (Πολυνείκης), первая часть которого полу- имеет значение «много», а вторая связана с существительным νεῖκος «спор, раздор, сражение». В трагедии «Семеро против Фив» прорицатель Амфиарай упрекает Полиника за войну против родного города; его имя обыгрывается как предрекающее беду, подобно имени Елены в приведенном выше примере:

καὶ τὸν σὸν αὖθις <προσθροῶν ὁμόσπορον> / ἐξυπτιάζων ὄνομα, Πολυνείκους βίαν /
δίς τ' ἐν τελευτῇ τοῦνομ' ἐνδατούμενος, / καλεῖ. λέγει δὲ τοῦτ' ἔπος διὰ στόμα· / “Ἦ τοῖον
ἔργον καὶ θεοῖσι προσφιλές, / καλόν τ' ἀκοῦσαι καὶ λέγειν μεθυστέροις, / πόλιν πατρώαν καὶ
θεοῦς τοὺς ἐγγενεῖς / πορθεῖ, στρατεύμ' ἐλακτὸν ἐμβεβληκότα;” (Sept. 576 слл.)

Дословно: «И обратившись к твоему брату по имени, глядя ввысь, силу Полиника он зовет, дважды выделяя вторую часть имени. Такую речь он произносит устами: “Неужели таковое деяние угодно богам, а потомкам будет приятно [о нем] слышать и

⁴²⁹ Frisk H. Ἄπολλων // Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. S. 124–125. Откупщиков Ю. В. Ἄπολλων (Мифолого-этимологический этюд) // Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб., 2001. С. 293–300.

⁴³⁰ Комментарий: *Aeschylus. Agamemnon* / Ed. J. D. Denniston and D. L. Page. Oxford, 1957. P. 167.

⁴³¹ Другие переводчики «Агамемнона» на русский язык не пытаются сохранить игру слов: «О, Аполлон, Аполлон! Страж улиц, губитель ты мой! В другой раз меня и в конец уж ты губишь» (*Радциг*). А Пиотровский заимствовал перевод этих стихов, с небольшими изменениями, у Иванова: «Дорόг страж разящий, Меня сразивший насмерть; мой бог, Стрелой другою насмерть ты сразил меня!» (*Пиотровский*).

говорить — осадить отеческий город и родных богов, бросив [на него] чужеземное войско?»».

Перевод Иванова: «Потом, на брата твоего уставя взор, / Суровый, обличает Полиника мощь: / **Поникнуть** хочешь в поле, **Полиник**, за гнев / На град родной? — гадает он по имени: / Какое дело! Сколь богам любезное! / Послушать людям любо, вспомнить правнукам! / Низринул сын Эдипа родовых богов, / С чужою ратью вторгся в стены отчие».

Другие переводчики этой трагедии не пытались в своем переводе прояснить для русского читателя, почему имя «Полиник» — говорящее и зловещее,⁴³² это проще объяснить в комментарии. Вяч. Иванов сделал такую попытку, добавив в текст фразу, которая не имеет соответствий в оригинале, но содержит смысловую игру, основанную на созвучии: «**Поникнуть** хочешь в поле, **Полиник**».

§ 3. Гомеотелевты и рифма

Гомеотелевтами называют повторение на определенном отрезке текста слов с одинаковой финальной частью (обычно это одинаковая морфема). Таким образом, гомеотелевты являются предшественниками рифмы, которую античная поэзия как таковую не знала, и типологически близки к грамматической рифме.

Предшественники Вяч. Иванова переводили трагедии Эсхила, решая вопрос о рифме по-разному. Так, А. Ф. Мерзляков в своих переводах (или, скорее, переложениях) из Эсхила и других греческих трагиков (1825) использовал традиционный для русской классицистической трагедии

⁴³² «Потом глаза отведши, слово грузное / Он Полинику, брату твоему, сказал. / Его назвал он имя злое, черное, / Кровь обещающее, и закончил так / “О что за подвиг, божествам угоднейший, / Среди потомков славный, знаменитейший, / Родимый город рушить, на отеческих / Богов — бросать копыта чужеземных войск”...» (*Пиотровский*); «Потом он к Полинику обращает взгляд / И, брату твоему единокровному / Напомнив смело, что недобрым именем / Отмечен тот, такие говорит слова: / “Прекрасный подвиг, право, — и богам он мил, / И у потомков на устах останется, — / Родной свой город и богов отеческих / Сгубить, придя с ордою чужеземных войск!...”» (*Ант*).

александрийский стих с чередованием мужских и женских рифм; рифмовка у него не всегда смежная, встречается и кольцевая. В хоровых партиях рифма появляется непоследовательно: где-то ее вообще нет, где-то она спорадическая. В. К. Кюхельбекер (1825) и А. Н. Майков (1874), переводя фрагменты из «Агамемнона», рифму не использовали. В первом переводе «Орестей» Н. П. Котелова (1864) рифма изредка встречается, но ее появление не следует никакой закономерности. Во втором переводе «Орестей» (1883) он добавил рифму: здесь есть вольная рифмовка в хоровых партиях, но кое-где она спорадическая, так что зарифмованы не все стихи, а в некоторых стасимах ее и вовсе нет. Рифма также иногда встречается в ямбических частях трагедий, например, первый монолог Агамемнона в переводе одноименной трагедии написан александрийским стихом с парной чередующейся мужской и женской рифмой. В переводах «Семерых против Фив» (1887) и «Персов» (1888), выполненных В. Г. Апфельротом, рифмы нет. Современники Иванова, переводившие греческих трагиков, а именно Д. С. Мережковский, И. Ф. Анненский и Ф. Ф. Зелинский, к рифме не прибегали. Только в переводе «Агамемнона» С. И. Радцига (1913) появляется преимущественно перекрестная рифмовка в партиях хора — в строфах, антистрофах и эподах. Решение вопроса об использовании рифмы при переводе греческой трагедии, связано не только с традициями перевода, но, очевидно, и с индивидуальными вкусами переводчика.

Вяч. Иванов считал рифму второстепенным средством в поэтическом искусстве,⁴³³ но в его переводе трагедий Эсхила рифму найти можно. В нижеследующей таблице приведено число содержащих рифмы стихов в переводе Иванова. Учитывались как точные, так и неточные женские и мужские

⁴³³ «Рифма в стихах играет служебную, второстепенную роль и не должна себе довлеть. Вспоминаю, как Брюсов однажды пришел ко мне и сказал: “Вячеслав, ты в “Нежной тайне” употребил рифму: полюс — Solus, ведь я тебе ее дал, а ты поместил даже не в главном, центральном стихе, а в каком-то второстепенном”. Я только пожал плечами, мне это было смешно слушать: придавать такое чрезмерное значение рифме» (*Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995 С. 37–38*). Еще об этом: *Обатнин Г. В., Постоутенко К. Ю. Вячеслав Иванов и формальный метод (материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 2. С. 184.*

рифмы (типа *дом–нѐм, спадут–суд, роковой–под землей, преступленьє–смятеньє*) на отрезке в пять стихов, включая внутренние рифмы, а также дактилические клаузулы с рифмой, имеющей одинаковый ударный гласный и звуки за ним. Не учитывались, во-первых, рифмы, образованные лексическими повторами (тавтологические), во-вторых, неточные дактилические рифмы, у которых не совпадает ударный гласный и последующие звуки (типа *советчицы–соучастницы*). Мы старались не считать случайные рифмы, но, учитывая, что доказать случайность или намеренность рифмы не всегда возможно, мы отдаем себе отчет в том, что избежать погрешностей при таком подсчете невозможно, и не претендуем на стопроцентную точность. Тем не менее, общая картина позволяет увидеть некоторые закономерности.

Во втором столбце таблицы указано количество стихов с рифмами в партиях, принадлежащих хору или предводителю хора, в третьем — в остальном тексте, в четвертом столбце — общее число стихов с рифмой, в последнем — процент от числа всех переведенных Ивановым стихов (стоит учесть также, что «Просительниц» он перевел только до 309 стиха, а «Семерых против Фив» до 777 стиха включительно; в «Персах» 1045 стихов, в «Хоэфорах» — 1076 стихов, в «Эвменидах» — 1047 стихов; наконец, «Агамемнон» значительно длиннее других трагедий Эсхила — 1673 стиха).

Таблица 10. Рифмы в переводе Вяч. Иванова из Эсхила.

Трагедия	Хор	Не хор	Итог	%
«Просительницы»	6	0	6	1,9
«Персы»	24	13	37	3,5
«Семеро против Фив»	19	6	25	3,2
«Агамемнон»	42	15	57	3,4
«Хоэфоры»	54	4	58	5,4
«Эвмениды»	41	26	67	6,4

Большая часть рифм приходится на долю хора, что можно объяснить стремлением Иванова стилистически дифференцировать хоровые партии и

речитативные части. В процентном отношении к длине каждой трагедии число стихов с рифмами заметно больше в переводе «Хозфор» и «Эвменид», причем во втором случае это происходит не за счет хора, но, главным образом, за счет рифмованного монолога Афины (Eum. 1003–1013), хотя в греческом тексте здесь всего пара гомеотелевтов.

Если рассматривать рифмы в одном и в соседних стихах по их расположению, то можно выделить следующие, наиболее частотные разновидности:

1. Смежная рифма в клаузуле соседних строк, в рамках одного стиха или двух:

Вскликните дружно в лад,
Громко ликуй весь град. (Ch. 942)

2. Рифма в клаузуле двух стихов, разделенных еще одним стихом (ее также можно назвать перекрестной, но при этом второй стих далее может и не рифмоваться):

Неповинным весь век не прожить никому,
Не прожить и без горькой печали.
Увы, увы!.. Раньше скорбь к одному,
А к другому поздней постучится. (Ch. 1018–1020)

3. Стыковая рифма, когда клаузула рифмуется с началом или серединой следующего стиха, обычно перед цезурой:

Скорблю душой. Низвергнут в прах
Божий страх. Растоптан стыд (Ch. 642–643)

4. Внутренняя рифма; клаузула рифмуется с серединой стиха, обычно перед цезурой:

Что над мертвым царем, корабельным вождем... (Ch. 723)

5. Внутренняя рифма; рифмуются два рядом стоящих слова не в клаузуле, при этом она может продолжаться внутри следующего стиха:

Чистительных, спасительных.... (Ch. 823)

Что сказать, как начать мне моление, Зевс?

Как тебя заклинать, милосердный отец? (Ch. 855–856)

В ряде случаев с помощью рифм Вяч. Иванов в своем переводе передает присутствие гомеотелевтов в соответствующих стихах греческого оригинала. Стоит отметить, что никто из переводчиков Эсхила — ни предшественников Иванова, ни последующих — этого не делает (См. *Приложение 2*).

В большинстве случаев, где Иванов прибегает к рифме, в греческом тексте нет очевидных гомеотелевтов, но отметим, что рифмами переводчик не злоупотребляет. Один из нехарактерных примеров, где зарифмованы все стихи, да еще и присутствует внутренняя рифма, — это речь Афины (последний пример, см. в *Приложении 2*). В третьем стасиме «Эвменид» лирические строфы и антистрофы, исполняемые хором, чередуются с анапестическими репликами Афины, которая, обращаясь к хору Эвменид, наставляет их помогать городу и народу. Почему Иванов решил зарифмовать эту реплику, трудно сказать, но можно предположить, что он посчитал ее наиболее важной в смысловом отношении, как заключительное пожелание богини — молитву за город.

§ 4. Аллитерация

Подсчеты А. Ф. Гарви демонстрируют, что в трагедиях Эсхила наиболее частотны аллитерации, содержащие звук «п», но это можно объяснить тем, что очень многие слова в греческом языке начинаются с буквы π.⁴³⁴ В своей статье он подробно рассматривает парод в «Персах»,⁴³⁵ где этот звук является

⁴³⁴ Garvie A. F. Alliteration in Aeschylus. P. 6.

⁴³⁵ Там же. P. 6–9.

доминирующим, так что никаких сомнений в намеренности аллитерации не остается.⁴³⁶

Наиболее очевидная звукопись встречается у Эсхила в хоровых партиях трагедий: «Одна из причин появления аллитерации в лирических пассажах трагедии, и, в частности, у Эсхила, — это тот факт, что строфические пары часто образуют самостоятельное единство, в котором антистрофа отвечает строфе не только тематически, но также с помощью повторения слов, слогов или даже согласных и гласных звуков. Следовательно, если строфа маркирована аллитерацией, например, за счет повтора буквы “п”, то зачастую, хотя, конечно, не всегда, бывает так, что та же аллитерация повторяется в соответствующей антистрофе».⁴³⁷

К. Бреннан, исследовав лирические части трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, приводит список примеров таких переключек между строфами и антистрофами, называя их рифмой (*rhyme*):⁴³⁸ этот термин, правда, он использует крайне широко, охватывая им не только гомеотелевты и лексические повторы, но также повторы разных форм одного слова. Трудно сказать, в какой мере эти звуковые переключки могли восприниматься как таковые зрителем, но его анализ говорит в пользу того, что аллитерацию в греческой трагедии стоит рассматривать как намеренный прием.⁴³⁹

⁴³⁶ Подробный список аллитераций у Эсхила по каждой трагедии приводит Кр. Ридел (*Riedel Chr. Alliteration bei den drei grossen Griechischen Tragikern. S. 17–38*), но он учитывает звуковые повторы только в начале (анлауте) слов.

⁴³⁷ «One reason for the appearance of alliteration in the lyric passages of tragedy, and more particularly of Aeschylus, is that the strophic pairs often form a self-contained unity, with strophe and antistrophe responding, not only in subject-matter, but also in repetitions of words, syllables, or even consonantal or vowel sounds. If, therefore, a strophe is marked by the alliteration of, for example, the letter p, it often, although by no means always, happens that the same alliteration is repeated in the corresponding antistrophe» (*Garvie A. F. Alliteration in Aeschylus. P. 4*).

⁴³⁸ *Brennan C. J. A Peculiarity of Choric Responsion // The Classical Review. 1906. Vol. 20. № 7. P. 339–346.*

⁴³⁹ Долгое время аллитерации в греческой литературе особого внимания не уделялось именно потому, что она не рассматривалась как особый прием. «Существует общее мнение, что греки, в отличие от римлян, применяли аллитерацию только изредка или вовсе не прибегали к ней» («Es ist communis opinio, daß die Griechen im gegensatz zu den Römern von der

В переводе Вяч. Иванова аллитерация очевидна, что уже ранее отмечалось исследователями: «Иванов прибегает к приемам, не обязательно воспроизводящим конкретную аллитерацию, но дающим общее представление о языке и стиле подлинника...»⁴⁴⁰ Как было сказано выше, в пародии «Персов» обращает на себя внимание повторение звука «п», при этом часто это начальный звук ключевых в смысловом отношении слов.⁴⁴¹ У Вяч. Иванова в переводе этого места (ст. 64–139) также повторяется тот же звук. Намеренность этой аллитерации не вызывает у нас сомнений, и она особенно заметна там, где слова, начинающиеся с «п», занимают одинаковую позицию в строке или синтаксически связаны друг с другом. Приведем те фрагменты перевода пародии, где есть аллитерация, учитывая не только букву «п», но и те случаи, где «б» оглушается:

Прегражден путь:
 Как река — понт.
 А об он-пол —
 Там чужой край,
 Медяных скреп...
 <...>
 И в ярмо впряг
 Роковой понт.
 <...>
 Пастуха жезл.
 По мостам шлют,
 По хребтам волн
 За полком полк
 <...>
 Кто б тебе, перс,
 Возбрал путь?
 Кто б тебя, перс,
 Одолеть мог?..

“Alliteration” nur spärlichen oder gar keinen Gebrauch gemacht haben». *Opelt I. Alliteration im Griechischen? // Glotta. 1958. Bd. 37. S. 205*). В этой статье И. Опельт также приводит разные мнения исследователей на этот счет (S. 205–206). О проблеме аллитерации у Эсхила также: *Сумм Л. Б. Звук — значение: аллитерации в образном языке Эсхила // ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ. Вопросы классической филологии. Сб. статей в честь А. А. Тахо-Годи. М., 2002. Вып. XII. С. 232–248.*

⁴⁴⁰ *Забудская Я. Л. Язык и стиль художественного перевода (на материале переводов «Агамемнона» Эсхила). С. 698.*

⁴⁴¹ «But in this particular ode it so happen that many of the key ideas naturally lend themselves to words which begin with π: sea, straits, crossing, war, city, sacking, Persians, multitude...» (*Garvie A. F. Alliteration in Aeschylus. P. 7*).

<...>
 На узлы **пут**
 Оперев **пядь**,
 Не отпрянешь.
 Невдомек нам
Потайной плен:
 <...>
Повергать в прах —
 <...>
Пролагать путь

В следующей таблице можно видеть также другие случаи аллитерации, которые воспроизводят наличие звукописи в греческом тексте.

Таблица 11. Аллитерация в переводе Вяч. Иванова из Эсхила

№	Перевод Вяч. Иванова	Греческий текст
1.	Персть прияла Персиды . (Pers. 647)	<i>πέμπετε δ' ἄνω οἶον οὐπω</i> <i>Περσις αἴ' ἐκάλυψεν.</i> (Pers. 649)
2.	Грянет горе с синя моря , встанет <i>лихо</i> из земли, И тем боле бед, чем доле протянулась смертных жизнь. (Pers. 707–708)	<i>πολλὰ μὲν γὰρ ἐκ θαλάσσης, πολλὰ δ' ἐκ χέρσου κακὰ</i> <i>γίγνεται θνητοῖς, ὁ μᾶσσων βίωτος ἦν ταθῆ πρόσω.</i> (Pers. 708–709)
3.	Как же с полчищем пехотным он чрез понт переступил ? С брегом брег пролива Геллы длинным он сопряг мостом. (Pers. 721–722)	<i>πῶς δὲ καὶ στρατὸς τοσόσδε πεζὸς ἦνυσεν περᾶν;</i> <i>μηχαναῖς ἔζηυξεν Ἑλλης πορθμόν, ὥστ' ἔχειν πόρον.</i> (Pers. 722–723)
4.	От сонной силы чары в ней отвратные. (Ag. 17) ⁴⁴²	<i>ὑπνου τόδ' ἀντίμολπον ἐντέμνων ἄκος</i>
5.	И крылами гребет , озирая простор . (Ag. 52)	<i>πτερύγων ἐρετμοῖσιν ἐρεσσόμενοι</i>
6.	Истлел костер Под бурей рока . Тучной тризны облако Стоит над пожарищем... (Ag. 819–821)	<i>...συνθνήσκουσα δὲ σποδὸς προπέμπει πίονας πλούτου πνοάς.</i>
7.	Сердце ужалила жалоба горькая, Доля бездольная, — вещей твой, жуткий плач.	<i>πέπληγμα δ', ἄπερ δῆγματι φοινίῳ δυσαλαγεῖ τύχα</i>

⁴⁴² Так во второй редакции. В первой: «От сонной силы отчураться думаешь».

	Жалость и страх в душе. (Ag. 1164–1166)	μινυρὰ θρεομένας , θραύματ' ἐμοὶ κλύειν.
8.	Вот, над трупом, черный вран , Грает он: «Кары пир! Кровь за кровь! Пейте кровь! Грех цветет из рода в род! (Ag. 1472–1474).	κράτος ἰσόψυχον ἐκ γυναικῶν καρδιόδηκτον ἐμοὶ κρατύνεις . ἐπὶ δὲ σώματος δίκαν κόρακος ἐχθροῦ σταθεῖς' ἐννόμως ῥμνον ὕ- μνεῖν ἐπεύχεται...

Первый и третий примеры — снова из «Персов» с повторением «п». Во втором примере присутствует еще внутренняя рифма (в переводе) и синтаксический параллелизм. В последнем, восьмом примере явно звукоподражательная аллитерация в греческом тексте начинается несколькими стихами ранее, но в той же антистрофе; вдобавок к этому здесь есть этимологическая фигура ῥμνον ὕμνεῖν, которую Иванов хоть и не передает, но использует лексические повторы. В четвертом примере, на наш взгляд, как аллитерацию можно предположительно расценивать повторение звуков vt и πv/μv, но этот пример наглядно демонстрирует принципы работы переводчика: «От сонной силы отчураться думаешь» (в первой редакции) Иванов исправляет на «От сонной силы чары в ней отвратные», что можно объяснить именно установкой на более удачное звучание.

Конечно, это не все примеры, но самые наглядные, которые показывают стремление Вяч. Иванова передать наличие аллитерации в тексте трагедий Эсхила. Впрочем, иногда в оригинале очевидной звукописи нет. Вот два примера из перевода «Хоэфор»:

«**Приливай, прибыль, мне! прибыток, мне!**
Прочь от милых, прочь, напасть!» (Ch. 824–825)

И не **страшись разить: дерзай**
Бремя приять проклятья! (Ch. 829–830)

Замечателен с точки зрения звукописи также следующий пассаж из заключительной части «Эвменид», где можно заметить не только аллитерацию, но и ассонансы:

Ты не вей ,	δενδροπή-
Вредный древу черный ветр!	μων δὲ μὴ πνέοι βλάβα,
Властно пенье кротких чар.	τὰν ἐμὰν χάριν λέγω,
Ты, зной ,	φλογμός
Знай предел, хмельной лозы	τ' ὀμματοστερῆς ὕφοι-
Щади росток, щади глазок!	το, μὴ περᾶν ὄρον τόπων,
(Eum. 938–941)	

В оригинале, приведенном справа, звукопись, может быть, не столь очевидна, как в русском переводе: таковой можно считать повторение δ-π-μ-ν.

Перевод трагедий Эсхила на русский язык, выполненный Вяч. Ивановым, отличается от других переводов пристальным вниманием к стилю: используя возможности русского языка, Иванов старался передать стилистические особенности греческой трагедии. Если некоторые переводчики Эсхила и пытались иногда сохранять такие фигуры, как анафора, эпифора, полиптотон, этимологизация имени собственного и т. п., то только в его переводе мы видим попытки передачи гомеотелевтов и аллитерации. Хотя предшественники Иванова могли намеренно прибегать к рифме, однако это не совсем то же, что гомеотелевты у Эсхила; Вяч. Иванов в своем переводе использовал ее спорадически, прибегая в том числе к неточной рифме и грамматической рифме. У него рифма ближе имитирует греческие гомеотелевты. В то же время стоит отметить, что грамматическая рифма характерна для русского устного народного творчества, так что в этом можно видеть еще и ориентацию переводчика на фольклорную стихию. Так, Вяч. Иванов пишет в предисловии к переводу «Орестей»: «Эсхил народен по своей проникнутости живою стариной

заклинательного языка и обрядового предания, присловий и поверий».⁴⁴³ А. Н. Веселовский, с трудами которого Иванов был знаком,⁴⁴⁴ считал, что разного рода параллелизмы, повторы лежат в основе народного творчества. Примечательно, что, говоря о следах происхождения трагедии из дифирамба, он обращается к примерам повторов из Эсхила.⁴⁴⁵

Особое внимание, как мы продемонстрировали, Вяч. Иванов уделил также аллитерации, при этом он не только по возможности пытается передать аллитерацию там, где она есть в греческом тексте, но в некоторых случаях привносит ее в русский перевод сам, обычно в хоровых частях. Лирические, хоровые части, которые в греческой трагедии отличаются от ямбических не только размером, но и стилистически, у Иванова таким образом оказываются также более лиричными и поэтичными по своему звучанию за счет добавляемой им звукописи и спорадических рифм.

⁴⁴³ Эсхил, 1989. С. 179.

⁴⁴⁴ См.: Лаппо-Данилевский К. Ю. Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 96–110.

⁴⁴⁵ «Его *στίβοια* <стасимы> едва ли не выродились из перепевов двух хоров: чередующиеся строфы и антистрофы часто подхватывают друг друга, не только в параллелизме содержания и идей, как у Софокла, но и в повторении тех же слов и образов, начальной рифмы (анастрофа), как у Эсхила <...> <Ксеркс повел — увы! // Ксеркс погубил — увы! // Ксеркс устроил все неразумно // Корабли увели — увы! // Корабли погубили — увы! // Корабли губительными ударами.> Точно <сходные куплеты> старофранцузского эпоса, вышедшие из чередования и подхватов певцов, как <припев>, распространяющийся в пареде “Агамемнона” на три строфы (<Лейся, печальный напев, но благу да будет победа!>), унаследовал, быть может, формы старого дифирамбического припева» (Веселовский А. Н. Три главы из исторической поэтики // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 242–243).

Раздел IV. МЕТР

Речитативные части (монологи и диалоги) греческой трагедии писались ямбическим триметром, причем первый слог каждой стопы мог быть как кратким, так и долгим (анцепс), а цезура находилась после пятого или седьмого элемента стиха:

X—U— X—U— X—U—;

Каждый из долгих слогов (но редко — анцепс, а также долгий слог в последней стопе) мог разрешаться в два кратких. Таким образом, наиболее приближенным аналогом этого квантитативного греческого размера в силлаботонической системе является шестистопный ямб.

Эволюция метрических решений, избираемых переводчиками трагедий Эсхила на русский язык, в общем соответствует той картине, которую обрисовала Я. Л. Забудская.⁴⁴⁶ С конца XVIII века греческие трагедии переводятся если не прозой, то александрийским стихом, или силлаботоническим шестистопным ямбом с цезурой после третьей стопы, что произошло под влиянием французской переводческой традиции. Так, александрийский стих использовал в своих вольных переложениях из Эсхила А. Ф. Мерзляков (1825):

Что счастье? — светла тень; другая тень сменит,
Ночь придет — и исчез призрака льстивый вид!..
Несчастье? — как песок, вверху горы лежащий;
Повеет легкий ветер, и он уж возметен!..
Не столько жалок тот, кто бедством угнетен! —
Жалчей его слепец, на лоне счастья спящий!

⁴⁴⁶ Забудская Я. Л. Эквиметризм как принцип в художественном переводе греческой трагедии // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2010. С. 65–74. Забудская Я. Л. Греческая трагедия в России: метрический аспект // Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе. М., 2015. С. 290–306.

Во второй четверти XIX века александрийский стих, воспринимавшийся как классицистический, уступает место пятистопному ямбу — как в собственно русской трагедии («Борис Годунов» Пушкина), так и в переводах; вместе с тем происходит и отказ от рифмы, без которой невозможно представить традиционный александрийский стих. Эти изменения, как считается, связаны с русскими переводами немецких романтиков — Гете («Ифигения в Тавриде» в переводе А. Х. Востокова) и Шиллера («Орлеанская дева» в переводе В. А. Жуковского).⁴⁴⁷ К белому пятистопному ямбу (с гиперкаталектическими стихами) в речитативных частях прибегают в переводах «Прометейя Прикованного» (фрагментов или целиком) — А. Тархов (1841), К. Павлова (1850), М. Л. Михайлов (1863), И. А. Коссович (1873), В. Турбин (1882), Л. Н. Дурдуфи (1893), А. Н. Майков в переводе из «Агамемнона» (1874), В. Г. Аппельрот («Семь против Фив» — 1887, «Персы» и «Прометей» — 1888),⁴⁴⁸ Н. П. Котелов («Персы», «Орестея» — 1864, «Орестея» — 1883), С. И. Радциг («Агамемнон», 1913). Как нами уже было отмечено, во втором своем переводе «Орестей» Котелов добавляет рифму, причем среди пятистопных стихов встречаются и шестистопные ямбические. В качестве примера приведем начало монолога Клитемнестры в двух переводах Котелова, указав количество слогов в стихе:

Уж я давно той радостною вестью, (11)	От радости давно я в восхищеньи, (11)
Огнями принесенной восхищаюсь, (11)	Лишь первый нам огонь явившись, возвестил
Которые поведали недавно (11)	(12)
О разрушеньи Трои и победе. (11)	О павшем Илионе, разрушеньи. (11)

⁴⁴⁷ Забудская Я. Л. Греческая трагедия в России: метрический аспект. С. 294–295. Гаспаров М. Л. Очерки истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 2000. С. 122–123.

⁴⁴⁸ Впрочем, среди пятистопных ямбических стихов встречаются и шестистопные, что язвительно отмечает анонимный рецензент: «Исполнен он (перевод — Л. Е.) приблизительно, размером подлинника, с заменой некоторых хоровых размеров другими, более свойственными русскому языку; кроме того, в диалогах шестистопный ямб заменен, по обычаю, пятистопным. Впрочем, кое-где переводчик обчелся, наприм., прямо в первом стихе “Семь против Фив”...» (Русская мысль. Кн. XII. 1887. С. 731–732).

И всякий говорил, смеясь в глаза мне: (11)	И всякий, мне в глаза смеясь, говорил: (12)
«Неубежденная в своих словах, (10)	«Зажженными огнями обманувшись, (11)
Не думаешь ли ты, что Троию взяли, (11)	Ты думаешь, разрушен Илион». (10)
Лишь только те зажглись огни?» Но мне, (10)	Мне ж, женщине, прилично восхищаться,
Как женщине, прилично восхищаться — (11)	(11)
И радуясь, казалась глупой я. (10)	И радуясь, казалась я безумной. (11)

Д. С. Мережковский в своих переводах греческих трагиков, Ф. Ф. Зелинский в переводе Софокла, И. Ф. Анненский в переводе Еврипида также использовали уже ставший к тому времени традиционным пятистопный ямб. Эту традицию нарушил Вяч. Иванов, избравший шестистопный ямб для перевода греческих триметров. Позже эту идею в России подхватили такие переводчики Эсхила, как А. И. Пиотровский и С. К. Апт. В пятистопном ямбе допускались гиперкаталектические стопы, и некоторые переводчики достаточно последовательно прибегали к чередованию 10-сложных и 11-сложных стихов, так что клаузула была либо мужской, либо женской. В шестистопном ямбе это оказывается недопустимым, так что клаузула получается либо мужская, либо дактилическая. Еще одна особенность шестистопного ямба в том, что цезура в нем не должна следовать после шестого слога, иначе он превратится в александрийский стих, но ей следует располагаться после пятого или седьмого слога.⁴⁴⁹

В лирических частях греческих трагедий, исполнявшихся хором, мы встречаем чередование разных метров (логаэды); структурно-метрическая особенность трагедии — это повторение схемы строфы в идущей за ней антистрофе. Попытки передать отличие речитативных партий от хоровых можно

⁴⁴⁹ Об этом правиле пишет В. О. Нилендер в отзыве на перевод А. И. Пиотровского, критикуя метрические вольности последнего: «Переводчики обязаны помнить, что всякий стих без цезуры после 5-го или 7-го слога есть бесформенное образование»; «Александрийская цезура в греческом трагическом ямбическом стихе — при его передаче — не допускается» (РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 81). В греческих трагедиях срединная цезура в ямбическом триметре встречается редко: *Снелль Б. Греческая метрика / Предисловие* А. И. Зайцева, пер. с нем. Д. Торшилова. М., 1999. С. 33.

увидеть уже в переводе А. Ф. Мерзлякова: в хоровых частях он прибегает к чередованию александрийских стихов с четырехстопным и трехстопным ямбом, но еще не стремится сохранить метрический параллелизм строф и антистроф. В переводе К. Павловой в хоровых партиях встречаются разностопные ямбические стихи (четырёхстопный и пятистопный ямб), хорей и используется рифма. В переводе А. Н. Майкова — анапест, амфибрахий, четырехстопный хорей, чередования дактилей и хореев, причем стихи, принадлежащие хору, имеют разную длину; рифма присутствует только в одной из песен хора. В переводе Н. П. Котелова — анапест, амфибрахий, хорей и четырехстопный ямб. В. Г. Апфельрот попытался показать повторение метрического рисунка в строфах и антистрофах, используя чередование амфибрахических и дактилических стихов; встречаются у него также ямб и хорей, а вот от рифмы он отказался. Рифм нет и в переводе «Прометея» Л. Н. Дурдуфи, который в лирических частях прибег к амфибрахиям и дактилям. Зато С. И. Радциг в переводе «Агамемнона» в хоровых партиях ввел рифму, переводя их чередующимися дактилическими, амфибрахическими и анапестическими стихами, стараясь сохранять метрический рисунок в строфах и отвечающих им антистрофах. Намного позже, в рецензии на сборник трагедий 1950 года, где были в том числе и подвергшиеся редактуре переводы Вяч. Иванова, Радциг писал, что «было бы бесплодным трюкачеством воспроизводить художественные формы древнегреческого стихосложения экспираторно-тоническими средствами новых языков».⁴⁵⁰

Таким образом, обобщая особенности русской переводческой традиции XIX века, можно отметить следующее: у переводчиков сложилось представление о необходимости сохранять разницу между речитативными партиями и хоровыми, чего они пытались достичь, используя в лирических частях стихи неравной длины, разные, часто трехсложные размеры (в оппозиции к

⁴⁵⁰ Радциг С. И. Рец. на кн.: Греческая трагедия. Эсхил, Софокл, Эврипид. Переводы с древнегреческого под ред. Ф. А. Петровского, ГИХЛ, 1950, 751 стр., цена 20 руб., тираж 10 000 экз. // Вестник древней истории. 1951. № 1. С. 173.

пятистопному ямбу, которым переводились монологи и диалоги), чередование размеров в соседних стихах, а иногда и в одном стихе, а также рифму.

До Вяч. Иванова идея создания «эквиметрического» перевода Эсхила, когда долгому слогу квантитативной системы соответствует ударный слог силлабо-тонической системы, а краткому — безударный, возникла у В. К. Кюхельбекера, который в 1825 году в письме к В. Ф. Одоевскому сообщал, что «принялся переводить его [Эсхила — Л. Е.] Агамемнона размером подлинника — сенариями».⁴⁵¹ Он перевел начальный монолог стража (всего 36 стихов) шестистопным ямбом, кое-где добавляя анапесты, подражая таким образом, как сам Кюхельбекер писал в примечании к переводу,⁴⁵² размеру подлинника:

Богов о съятии с меня трудов молю!
Хранящий стражу много лет; на высоте
Простерт Атридовых палат; подобно псу,
Отселе наблюдаю звезд ночных собор
И приносящих смертным лето и зиму
Златых властителей, сияющих в эфире.
<...>
К жене Агамемнона громко вопию:
Да, с ложа поспешно воспрянув, дом огласит,
Приветствуя радостным кликом светоча блеск,
Зане воистину Илион завоеван!⁴⁵³

Кроме принципа «эквиметризма», перевод Кюхельбекера роднит с переводом Вяч. Иванова еще и обилие церковнославянизмов. Примечательно, что оба они переводят существительное ὄμιλῳρις как «собор», не боясь возникновения специфических коннотаций (у других переводчиков — «сонм»),

⁴⁵¹ Бочкарев В. А. Ранние драматические произведения Кюхельбекера // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1961. № 1. С. 93. Отметим, что термин «сенарий» в настоящее время принято применять к латинскому стихосложению, не к греческому.

⁴⁵² Там же. С. 95.

⁴⁵³ Там же. С. 94.

«собрания», «скопища»). Перевод Кюхельбекера не был опубликован при жизни поэта, и мы также не знаем, попытался бы он следовать тому же принципу при переводе более сложных в метрическом отношении хоровых частей. Ранние переводы Иванова свидетельствуют о том, что он не сразу пришел к концепции «эквиметрического» перевода,⁴⁵⁴ но к тому моменту, как он начал переводить Эсхила, она уже сложилась, о чем свидетельствует его перевод Первой Пифийской оды Пиндара (1899).

Исследователи, изучавшие русский шестистопный ямб на материале разного времени (включая и александрийский стих как особую разновидность), обнаружили следующую закономерность: последний слог в таком ямбе всегда ударный, а наименьший профиль ударности приходится на пятую стопу, иными словами в этой стопе чаще всего бывают пиррихии.⁴⁵⁵ Но в переводах трагедий, выполненных Вяч. Ивановым, этих закономерностей мы не наблюдаем, что связано с адаптацией русского шестистопного ямба для передачи ямбических триметров греческой трагедии. Этому вопросу посвящена статья М. Л. Гаспарова,⁴⁵⁶ и результаты наших подсчетов в целом соответствуют его

⁴⁵⁴ «Другие ранние переводы Вяч. Иванова также убеждают, что четкая концепция при передаче метров древней поэзии сложилась у него не сразу: так, весной 1890 г. рифмованными ямбами по образцу XVIII столетия, были переложены два псалма, а чуть позже — эпиграмма Марциала (IX, 45)». (*Ланто-Данилевский К. Ю.* Из наблюдений над рукописями переводов Вяч. Иванова // *Petra Philologica*: профессору П. В. Бухаркину ко дню шестидесятилетия. СПб., 2015. С. 363).

⁴⁵⁵ Например: *Тарановский К. Ф.* О ритмической структуре русских двусложных размеров // *Тарановский К. Ф.* О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 274–282. *Бонди. С. М.* Шестистопный ямб Пушкина // *Пушкин: Исследования и материалы.* Л., 1986. Т. 12. С. 5–27. *Хворостьянова Е. В.* Ритмика шестистопного ямба XVIII в.: к проблеме «ритм и смысл» // *Индоевропейское языкознание и классическая филология. Чтения памяти И. М. Тронского.* СПб., 2006. С. 314–324. *Нещертов Н. И.* Ритмика русского 6-стопного ямба от Ломоносова и Тредиаковского по настоящее время // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова.* М., 2017. Вып. 11. Славянский стих. С. 89–121.

⁴⁵⁶ *Гаспаров М. Л.* Русский ямбический триметр // *Гаспаров М. Л.* Избранные труды. М. 1997. Т. 3. О стихе. С. 214–233.

выводам.⁴⁵⁷ В качестве материала мы привлекли тексты переводов Иванова (при этом нужно учесть, что для не до конца переведенных «Просительниц» это всего 148 ямбических стихов, так что данные по этой трагедии могут отличаться от других по причине меньшего объема текста), а также «Агамемнона» в переводах А. И. Пиотровского и С. К. Апта. В следующей таблице приведено процентное соотношение мужской (01⁴⁵⁸) и дактилической клаузулы (1 00) в стихах.

*Таблица 12. Клаузула в шестистопном ямбе в переводах Эсхила
Вяч. Иванова, А. Пиотровского и С. Апта*

Трагедия	Мужская	Дактилическая
«Агамемнон», Вяч. Иванов	60%	40%
«Хоэфоры», Вяч. Иванов	48,5%	51,5%
«Эвмениды», Вяч. Иванов	52,1%	47,9%
«Персы», Вяч. Иванов	48,4%	51,6%
«Семеро против Фив», Вяч. Иванов	49,9%	50,1%
«Просительницы», Вяч. Иванов	40,4%	59,6%
«Агамемнон», А. Пиотровский	44,1%	55,9%
«Агамемнон», С. Апт	35,8%	64,2%

У Вяч. Иванова, за исключением «Агамемнона» и «Просительниц», дактилическая клаузула колеблется в пределах 48–52,1%, но затем, в более поздних русских переводах, она начинает преобладать. Дактилическому окончанию стиха обязательно сопутствует ударение на пятой стопе. М. Л. Гаспаров, выделяя четыре возможных типа русского ямбического триметра (с константой на пятой стопе; на шестой стопе; на обеих; бесконстантный стих), отмечает, что «из этого состязания четырех типов русского триметра победителем вышел первый тип — 5-ст. ямб с дактилическим окончанием».⁴⁵⁹ В

⁴⁵⁷ Разметка текстов русских переводов была выполнена на основе принципов, изложенных в кн.: Казарцев Е. В. Введение в сравнительное стиховедение: методы и основы анализа. СПб., 2015. С. 66–67.

⁴⁵⁸ Здесь и далее «0» обозначает ударный слог, «1» безударный слог.

⁴⁵⁹ Гаспаров М. Л. Русский ямбический триметр. С. 215.

следующей таблице даны варианты ямбических стихов на материале указанных переводов.

Таблица 13. Варианты шестистопного ямба в переводах Эсхила

Вяч. Иванова, А. Пиотровского и С. Анта

	Агам.	Хоэф.	Эвм.	Персы	Семеро	Просит.	Пиотр.	Апт
01 01 01 01 01 01	9,1%	5,9%	6,9%	2,8%	4,7%	2%	4,2%	3,1%
01 01 01 01 01 00	9,2%	9%	6,8%	12,2%	9,8%	11,3%	11,8%	13,7%
00 01 01 01 01 01	0,3%	0,5%	0%	0,5%	0,9%	1,3%	1,9%	1,6%
00 01 00 01 01 01	0,3%	0%	0,1%	0%	0,4%	0%	1%	0,1%
00 01 01 00 01 01	1,1%	0,8%	1,8%	1,8%	3,6%	0,7%	3%	2,2%
00 01 01 01 01 00	0,1%	0,6%	0,9%	0,5%	1,5%	2%	2,6%	3,9%
00 01 00 01 01 00	0,2%	0,2%	1,2%	0%	0,4%	0%	1,6%	3,3%
00 01 01 00 01 00	0,2%	1,2%	1,3%	1,8%	3%	2%	2,8%	3,4%
01 00 01 01 01 01	4,1%	3,6%	3,1%	4,4%	2,8%	4%	2,8%	2,8%
01 01 00 01 01 01	5,6%	1,4%	2,8%	1,6%	2,8%	0%	5,2%	3,1%
01 01 01 00 01 01	23,6%	19,5%	19,9%	20,4%	18,8%	18,5%	13,2%	12,8%
01 00 01 00 01 01	11%	12,8%	13,7%	13,3%	11,6%	10,6%	6,9%	6,7%
01 00 01 01 01 00	5,8%	5,6%	5,4%	7,8%	6,2%	9,9%	5,9%	9,1%
01 01 00 01 01 00	3%	6,4%	4,3%	6,4%	4,5%	8,6%	10%	9,5%
01 01 01 00 01 00	11,4%	18,2%	15,5%	17,2%	13,9%	14,6%	11,9%	12,6%
01 00 01 00 01 00	7,9%	8,4%	8,8%	5,7%	7,9%	8,6%	4,7%	5,7%
11	2,7%	2,2%	1,6%	2,8%	2,1%	0,7%	2,2%	1,6%
10	0,9%	0,9%	2,4%	0,9%	3%	2%	4,9%	3,4%
01 01 01 01 00 01	1%	0,9%	0,9%	0,5%	0,2%	0,7%	0,1%	0,2%
00 01 01 01 00 01	0%	0,2%	0%	0%	0,2%	0,7%	0,1%	0%
01 00 01 01 00 01	0,3%	0,5%	0,3%	0,2%	0,2%	0%	0%	0%
01 01 00 01 00 01	0,3%	0,2%	0,1%	0%	0%	0%	0,6%	0%
00 01 00 01 00 01	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0,1%	0%

Наши данные подтверждают выводы М. Л. Гаспарова: в последних пяти строках таблицы представлены разные варианты стиха с пиррихией в пятой стопе, их в анализируемых переводах ничтожно мало. Вероятно, одной из

причин закрепления стиха с константой на пятой стопе для передачи греческого ямбического trimetra был тот факт, что пятый долгий слог в греческой трагедии обычно не распускается.⁴⁶⁰ В таблице также отмечены наиболее частотные формы стиха, встречающиеся в переводах, прежде всего — это стих с пиррихией в четвертой стопе в разных вариациях и «чистый» ямбический стих с дактилическим окончанием. У Пиотровского и Апта выше частотность пиррихия в первой стопе и там же — замена ямба на хорей. Мы не рассматривали отдельно стихи со спондеями, поскольку их ничтожно мало, и чаще спондеи встречаются в первой стопе, что в таблице указано.

Стихов, в которых не двенадцать слогов, а больше или меньше, у Вяч. Иванова немного, перечислим их все. В переводе «Агамемнона»: стих 323 («Смешаются ль? Нет! Дружить не станут. Так...») — 10 слогов, но во второй редакции перевода он был исправлен на «Смешаются ли? Нимало. Не дружат они») и стих 1328 («Как тень. Страданье? Как чертеж с доски» — во всех рукописях 10 слогов). Два стиха в переводе «Хоэфор» в издании 1989 года напечатаны так: «Приди в себя! Забыться в ликованиях», стих 233, 10 слогов; «Оплот мой и надежда; рок и счастье!», стих 239, 11 слогов. Однако в рукописях отчетливо читается «ликованиях» вместо «ликованиях» и «счастье» вместо «счастье», так что здесь ошибка прочтения рукописи издателями. В «Эвменидах» — стих 708 («Вот гражданам наказ мой. Подымайтесь», 11 слогов), который был исправлен в поздней машинописи (РГБ. Ф. 583. Карт. 14. № 18) автором на «Вот гражданам наказ мой. Подымайтесь». В переводе «Персов» — стих 779 («Шестым в ряду был Марафис, Артафрен седьмым», 13 слогов). В «Семерых против Фив» — стих 554 («Муж добрый — дела и руки, не слов», 10 слогов). Надо думать, что стих 1328 из «Агамемнона» (10 слогов) не является результатом небрежности или недосмотра переводчика, так как во всех рукописях перевода этой трагедии он читается именно так, даже в машинописи из архива Нилендера, тогда как в «Хоэфорах» и «Эвменидах» из того же архива, как сказано выше, есть по одному

⁴⁶⁰ Снелль Б. Греческая метрика. С. 34. *Anthon Ch. A System of Greek Prosody and Metre: for the use of schools and colleges.* London, 1845. P. 52.

исправлению, сделанному по метрическим причинам. То же, на наш взгляд, можно сказать и про стих 779 из «Персов» (13 слогов) — в обоих дошедших рукописных автографах он идентичен. Стих 554 из «Семерых против Фив» (10 слогов) в единственном карандашном автографе написан поверх другой, стертой строки, и в этом случае дело может быть и в недосмотре, так как перевод этой трагедии Иванов не завершил и не готовил его к печати.

Другой распространенный в трагедиях Эсхила метр — это анапест. Так, примером анапестической системы может служить парод, то есть первое выступление хора, в «Агамемноне» (ст. 40–103). Здесь мы видим следующие чередующиеся типы стихов: анапестический диметр с цезурой в середине стиха (UU— UU— // UU— UU—), анапестический монометр (UU— UU—) и паремиак, то есть каталектический анапестический диметр (UU— UU— UU— —). Анапест может заменяться спондеем или дактилем, при этом в указанном пароде у Эсхила такая замена составляет 52%.⁴⁶¹ Вяч. Иванов сохраняет в переводе общий метрический рисунок, но его анапест более «правильный», в отличие от греческого квантитативного размера, допускающего вариации. Анапестический диметр он транскрибирует как 001 001 001 001 со срединной цезурой, либо с цезурой после седьмого слога, анапестический монометр как 001 001, паремиак как 001 001 001 0.

В следующей таблице представлены расхождения ритмического рисунка между строфой и антистрофой в переводах Иванова, Пиотровского и Апта в процентном отношении к общему количеству слогов в строфах: учитывались несовпадающие сильные позиции и лишние слоги.

Таблица 14. Расхождения между строфой и антистрофой в переводах Эсхила Вяч. Иванова, А. Пиотровского и С. Апта

Трагедия	Процент расхождения
«Агамемнон», Вяч. Иванов	7,6%
«Хоэфоры», Вяч. Иванов	7,5%

⁴⁶¹ Scott W. C. Musical Design in Aeschylean Theater. Hanover, 1984. P. 33.

«Эвмениды», Вяч. Иванов	11,1%
«Персы», Вяч. Иванов	6,7%
«Семеро против Фив», Вяч. Иванов	9,6%
«Просительницы», Вяч. Иванов	11,3%
«Агамемнон», А. Пиотровский	19,9%
«Агамемнон», С. Апт	11,1%

Из таблицы следует, что расхождения в разных трагедиях в переводе Вяч. Иванова сопоставимы и не слишком велики тем более, что в оригинале также возможны расхождения (разрешения или замены стоп). Менее аккуратен в этом отношении перевод «Агамемнона» А. Пиотровского, тогда как перевод С. Апта приближается по тому же показателю к переводам Иванова.

Были также подсчитаны расхождения между строфами в разных переводах с оригиналом «Агамемнона».⁴⁶² Учитывались только строфы, которых в «Агамемноне» 26, без так называемых эфимниев. Считались не слоги, а стопы: ямба (X— или U—), трохей (—U), дактиль (—UU), анапест (UU—), спондей (— —), кретик (—U—), бакхий (U— —), хориямба (—UU—), ионик (UU— —) — с возможными разрешениями и заменами. Лекифий рассматривался как два трохея и кретик (—U —U —U—); гликоней как сочетание стопы с двумя анцепсами, хориямба и ямба (XX —UU— U—), ферекратаей таким же образом, только с анцепсом в конце вместо ямба (XX —UU— X); анакреонтов стих как сочетание стопы с одним анцепсом, двух трохеев и спондея (X—U—U— —); гиппонактов стих как один трохей, хориямба и бакхий (—U —UU— U— —); гемиэпес как два дактиля и стопа с одним долгим слогом (—UU —UU —); дохмий как сочетание одной стопы в форме бакхия или хориямба и одной трохеической стопы (U— — U— или —UU— U—). Сначала были подсчитаны стопы в переводе, которые отличаются от стоп в оригинале местом сильных позиций (в

⁴⁶² Метрические схемы греческого текста: *Aeschylus. Agamemnon* / Ed. by J. D. Denniston and D. L. Page. Oxford, 1957. P. 224–238. Распределение стихов в хоровых партиях в этом издании по сравнению с изданием А. Вейля, которым пользовался Иванов, и изданием У. Виламовица-Меллендорфа, по которому переводил Пиотровский, отличается незначительно.

переводе — ударный слог, в оригинале — долгий) или количеством слогов в стопе. Результат в процентном отношении к общему количеству стоп в строфах указан в столбце 1. В столбце 2 мы ориентировались не на ритмическую реализацию, а на абстрактный метр, так что в переводе считались только те стопы, которых не может быть ни в одном варианте реализации той или иной стопы, учитывая возможные разрешения и замены. Также во втором случае не учитывались бакхия (U— —), которые Вяч. Иванов в принципе не стремится передавать, в отличие от иоников (UU— —).

Таблица 15. Расхожденья между переводом «Агамемнона» Вяч. Иванова, А. Пиотровского и С. Апта с оригиналом в строфах

Переводчик	1	2
Вяч. Иванов	35%	15%
А. Пиотровский	44%	23%
С. Апт	61%	42%

В ходе анализа было обнаружено, что Вяч. Иванов систематически передает почти все метры, кроме тех, которые трудно транскрибировать в силлабо-тонику, а именно спондеи: он сохраняет одиночные спондеи (11), спондеи в иониках (0011), но в бакхиях оставляет только одну сильную позицию (100 или 010), спондеи в анапестических и дактилических системах он передает соответственно как анапест или дактиль, а в дактилических также как трохей (10). Вяч. Иванов обычно ориентируется на абстрактный метр, а не на его конкретную реализацию у Эсхила, что можно проиллюстрировать примером передачидохмиев в седьмой строфе коммоса (диалог Кассандры и хора).

Таблица 16. Сравнение перевода Вяч. Иванова из трагедии Эсхила «Агамемнон» (ст. 1162 слл.) с оригиналом

	перевод	оригинал
1	Ясною речью вдруг заговорила ты:	τί τόδε τοῖον ἄγαν ἔπος ἐφημίσω;

2	Младенец понял бы тебя.	νεογνὸς ἂν αἴων μάθοι.
3	Сердце ужалила жалоба горькая,	πέπληγμαὶ δ' ὑπ' αὐῷ δήγματι φοινίῳ
4	Доля бездольная, – вещей твой, жуткий плач.	δυσάλγει τύχα μινυρὰ θρεομένας,
5	Жалость и страх в душе.	θραύματ' ἐμοὶ κλύειν.
	1001 01 0001 01	UUUUU U— UUU— U—
	01 01 00 01	U— UUU U—U—
	1001 00 1001 00	U— — U— —UU— U—
	1001 00 1001 01	U— — U— UUUUU U—
	1001 01	—UU— U—

Дохмии, которые, предположительно, являются изобретением самого Эсхила, отличаются большим разнообразием форм в силу возможности разных замен.⁴⁶³ Базовая схема дохмия следующая: X— — U— . В *Табл. 16* в правом столбце мы видим четыре разных варианта дохмиев, тогда как в своем переводе Иванов в качестве основной формы избирает 1001 01 (ее можно считать транскрипцией варианта —UU— U—), которая в диподии в его переводе превращается в четырехстопный дактиль. Стремление передать разнообразные размеры греческих хоров, хотя и в общем виде, также присуще и А. Пиотровскому, который ориентировался на принципы ивановского перевода (*Табл. 15*). С. Апт в этом отношении менее скрупулезен, он стремится сохранить совпадение ритмического рисунка строфы и антистрофы, но при этом следует за античными размерами не всегда: так, например, ту же, приводимую выше, строфу с дохмиями он передает ямбом.

Вяч. Иванов первым из русских переводчиков греческой трагедии попытался создать «эквиметрический» перевод: античный ямбический триметр он передает шестистопным ямбом с константой на пятой стопе, а в переводе хоровых частей прибегает к логэдам, имитирующих греческие метры в их базовой форме. Переводческие принципы Иванова в XX веке во многом отразились на других русских переводах Эсхила, а именно А. Пиотровского и С. Апта.

⁴⁶³ Снелль Б. Греческая метрика. С. 34.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. На основании анализа рукописей и авторизованных машинописей, мы пришли к выводу, что наиболее полные рукописи, включающие окончательную авторскую правку, следующие: для «Персов» *БАП₂* из РАИ, для «Просительниц» и «Семерых против Фив» — единственные черновые автографы из РАИ. Последние по хронологии машинописи «Агамемнона» — это *АМ₃* из личного фонда В. О. Нилендера в РГБ и *АМ₄* из фонда Вяч. Иванова в РО ИРЛИ. Текст в них идентичен, но *АМ₄* — сделана под копирку, в ней нет авторских исправлений. Исправления в переводе «Агамемнона» видны в *БАП₂*, а затем в машинописях. Разночтения между *АМ₃* и *БАП₁* составляют 184 стиха, поэтому мы говорим о двух редакциях перевода «Агамемнона». Наиболее авторитетный текст «Плакальщиц» («Хоэфор») содержит *АМ* из архива Нилендера, в которой есть авторская правка, не обнаруженная нами в прочих рукописях. Наиболее авторитетная для «Эвменид» — машинопись из того же архива Нилендера, так как в ней также присутствует позднейшая авторская правка. Мы полагаем, что при подготовке нового издания Эсхила в переводе Вяч. Иванова «Орестею» следует печатать по машинописям из архива Нилендера, а остальные трагедии по указанным выше рукописям, то есть по тем же, что положены в основу издания 1989 года в серии «Литературные памятники».

2. В результате сравнения перевода Вяч. Иванова (прежде всего — нумерации стихов, их перестановок и иных текстологических решений) с разными изданиями греческого текста нами было обнаружено, что «Агамемнона», «Плакальщиц», «Эвменид» и «Семерых против Фив» он переводил по изданию Анри Вейля, а «Персов» и «Просительниц» по изданию Готфрида Германа. Не исключено, что Иванов обращался также к изданию, подготовленному Адольфом Кирхгофом, — в пользу этого говорит тот факт, что оно было в его распоряжении и оценивалось им высоко. Однако сравнение текста показало, что оно не было для Иванова основным. Определенное значение для его перевода имел также перевод У. Виламовица-Мёллендорфа на немецкий

язык, а позже, вероятно, и издание трагедий Эсхила, подготовленное Виламовицем.

3. Впервые фрагменты из «Персов», «Агамемнона», «Эвменид» в переводе Вяч. Иванова были изданы в хрестоматии Ф. Ф. Зелинского «Древнегреческая литература эпохи независимости» (1920). В этих текстах есть разночтения, неизвестные по имеющимся рукописям. Позднее те же фрагменты из «Агамемнона» и «Эвменид», но по другим источникам текста вышли в хрестоматии В. О. Нилендера «Греческая литература в избранных переводах» (1939), причем подготовительную правку Нилендера можно видеть в машинописях указанных трагедий, отложившихся в его фонде в РГБ. В «Хрестоматии по античной литературе» (1947) Н. Ф. Дератани и Н. А. Тимофеевой были напечатаны другие фрагменты из «Агамемнона» и «Эвменид», в них есть опечатки и следы редакторской работы, направленной на упрощение текста. Значительно отредактированный текст трех трагедий «Орестей» появился в издании «Греческая трагедия: Эсхил, Софокл, Эврипид» (1950); автор перевода не указан, редактор — Ф. А. Петровский. Первое полное издание ивановских переводов из Эсхила вышло в 1989 году в серии «Литературные памятники». Несмотря на его важное значение, оно не лишено недостатков: в новом издании переводов текст должен быть тщательно выверен с учетом не рассмотренных издателями источников текста.

4. К тому моменту, как Вяч. Иванов приступил к переводу Эсхила, он уже опубликовал «Эллинскую религию страдающего бога» (1904), и идеи о религии Диониса и трагедии, высказанные в этой работе, он продолжил разрабатывать, параллельно переводя Эсхила. Трагедии Эсхила были для него одним из источников, в котором он искал следы архаичных верований и ритуалов. Однако его изыскания в области эллинской религии и мифологии, в свою очередь, сказывались на переводе. Двойной топор, или лабрис в античной литературной и иконографической традиции фигурирует как орудие, которым Клитемнестра убила Агамемнона, но не у Эсхила — в его трилогии «Орестей» нет точного указания на орудие убийства, и, как предполагают некоторые исследователи, это

отсутствие может быть значимым. В переводе Иванова, как мы показали, двойной топор упоминается несколько раз при том, что в оригинале соответствующее слово отсутствует. Для Иванова лабрис был важен как атрибут жрицы прадионисийского божества и орудие убийства этого божества, он связывал его, в частности, с культом быка на Крите и с женским господством в рамках прадионисийского культа. Закономерным образом фигуру Клитемнестры он интерпретировал как жрицу двойного топора, убивающую жертву-быка, то есть Агамемнона.

5. Подсчеты показали, что Вяч. Иванов чаще других переводчиков Эхила использует существительное «грех» и однокоренные слова. Так он передает совершенно разные древнегреческие понятия: ἀμαρτία, ὕβρις, ἄτην, μίασμα, μύσος, ἄγος, δυσσέβεια, κακά, πῆμα, βλάβη, παρβασία, μάτα, φόνος — к ним добавляются безличные выражения и девять случаев, где в тексте оригинала нет конкретной лексической единицы, которую можно было бы перевести как «грех». С одной стороны, такую особенность можно объяснить трудностью адекватной передачи указанных понятий, так как не для всех из них можно найти более-менее точное и емкое русское соответствие. В то же время к этому добавляется еще и особая интерпретация Ивановым концепции греха в контексте дионисизма. Возводя идею первородного греха к античности, а именно к мифам, распространенным орфиками, согласно которым человек сотворен из праха Диониса-Загрея и титанов, его растерзавших, Иванов утверждал антиномическое понимание действия: человечество вынуждено расплачиваться за титанический грех, но всякое волевое действие отдельного человека, утверждающего свое индивидуальное бытие, ведет к новому греху. Таким образом, действие и грех оказываются тождественны друг другу.

6. В переводе Вяч. Иванова нет какого-либо принципа соотношения между русскими лексическими единицами из лексико-семантической группы «судьба» и древнегреческими понятиями, переводимыми ими. Они могут передавать совершенно разные понятия, и самая большая нагрузка приходится на существительные «судьба» (μοῖρα, μόρσιμον, τύχη, δαίμων, ἀνάγκη, συμφορά,

βίωτος) и «рок» (μοῖρα, μόρσιμον, μόρος, αἴσα, τύχη, ἄτη, δαίμων, θέμις, ἀνάγκη, συμφορά, λάχος, λαγγάνω). Наибольшая частотность из указанной лексико-семантической группы у слов «рок» и «роковой», несмотря на то, что сам Иванов неоднократно отрицал утверждение, будто греческая трагедия — это трагедия рока, имея в виду прежде всего трагедии Эсхила, как наиболее ранние. Впрочем, он не отрицал веру греков в судьбу как таковую, но указывал на ту особенность героев Эсхила (в отличие, например, от героев Софокла), что они действуют по своему свободному выбору и потому несут за свои поступки личную ответственность. Эта мысль, таким образом, оказывается связанной с концепцией «действие — грех», о которой было сказано выше.

7. Отдельные слова и выражения в переводе Вяч. Иванова обладают христианскими и библейскими коннотациями: среди них есть устойчивые выражения библейского происхождения; церковнославянизмы, включая калькированные греческие слова (например, двусоставные прилагательные); слова, первоначально относившиеся к церковно-христианской сфере употребления. В некоторых случаях намеренное использование такой лексики объясняется конкретными тезисами Иванова о греческой трагедии и религии (например, о страстях трагического героя), нашедшими выражение в его работах. В других случаях — его общей идеей о взаимосвязи между христианством и эллинизмом, которая оказала влияние на все его творчество, включая переводы. Так, выражение «лицо земли» восходит к еврейскому словосочетанию, калькированному позже в древнегреческий через библейские переводы, а позже и в старославянский. В текстах Иванова, как прозаических, так и поэтических, оно обычно связано с мифологемой смерти-воскресения, одной из ключевых в его дионисийской концепции, и соседствует с глаголами, обозначающими движение вниз или вверх. В нескольких пассажах из Эсхила также можно заметить схожий контекст. Слова «страстотерпец» и «страстной» в переводе фигурируют явно не случайно и во вполне объяснимых контекстах — ссылки Иванова на Эсхила в «Дионисе и прадиионисийстве» в нескольких случаях демонстрируют связь эсхилевских героев, в интерпретации Иванова, с

мифологемой дионисийских страстей. Введение в перевод другой рассмотренной нами лексики, а именно слов «безбожники», «богохульники», «святой», скорее не связано с какими-то конкретными идеями, но эти слова сами по себе несут на себе отпечаток христианского узуса. Как «святой» Иванов переводит разные греческие прилагательные: ἄγνός, ἱερός, σεμνός, εὐσεβής. «Святой» в его переводе часто служит эпитетом топонима, божества или того, что имеет отношение к религиозному культу. Некоторые двусоставные прилагательные и существительные, встречающиеся в переводе («благорастворение», «чадородие», «вертоградарь», «добропобедный», «смирennemудрый», «благовестный»), были калькированы из греческого языка и относятся к библейской и литургической лексике; в данном случае Иванов пытался сохранить стилистические особенности оригинала, а именно большое число композитов.

8. Вяч. Иванов сознательно насыщал текст перевода трагедий Эсхила двусложными словами. Двусоставные прилагательные и существительные в поэтическом творчестве Иванова весьма частотны сами по себе, но в данном случае он пытался передать стиль переводимого им автора. Возможности русского языка в отношении такого словообразования вполне сопоставимы с возможностями древнегреческого. Целый ряд сложных слов в русском переводе представляет собой кальки. Около сотни двусложных слов в переводе Иванова имеют соответствия в греческом тексте. Около тридцати сложных прилагательных передают простые греческие прилагательные. Более сорока — не имеют конкретных соответствий у Эсхила, но призваны передать эту стилистическую особенность в целом. Некоторые добавленные Ивановым эпитеты, по-видимому, выполняют уточняющую и поясняющую функцию, то есть эксплицируют смыслы, внутренне заложенные, с точки зрения переводчика, в определяемом понятии. Анализ двусоставных слов демонстрирует творческую работу Вячеслава Иванова, решающего поставленную им перед собой непростую стилистическую задачу.

9. Стремление Вяч. Иванова передать стиль Эсхила проявляется также в удачных находках, позволяющих сохранить в переводе лексические и звуковые повторы, а также риторические фигуры, на них основанные. Если некоторые переводчики Эсхила и пытались иногда передавать такие фигуры, как анафора, эпифора, полиптотон, этимологизация имени собственного и т. п., то только в его переводе мы видим попытки передачи гомеотелевтов и аллитерации. Хотя предшественники Иванова могли намеренно прибегать к рифме, однако это не совсем то же, что гомеотелевты у Эсхила; Вяч. Иванов в своем переводе использовал ее спорадически, прибегая в том числе к неточной рифме и грамматической рифме. У него рифма ближе имитирует греческие гомеотелевты. В то же время стоит отметить, что грамматическая рифма характерна для русского устного народного творчества, так что в этом можно видеть еще и ориентацию переводчика на фольклорную стихию. Так, Вяч. Иванов пишет в предисловии к переводу «Орестей»: «Эсхил народен по своей проникнутости живою стариной заклинательного языка и обрядового предания, присловий и поверий».⁴⁶⁴ А. Н. Веселовский, чьи труды Иванов хорошо знал,⁴⁶⁵ считал, что разного рода параллелизмы, повторы лежат в основе народного творчества. Примечательно, что, говоря о следах происхождения трагедии из дифирамба, он обращается к примерам повторов из Эсхила.⁴⁶⁶

Особое внимание, как мы продемонстрировали, Иванов уделил также аллитерации, не только передавая звукопись там, где она есть в оригинале, но в некоторых случаях привнося ее в русский перевод дополнительно, обычно в хоровых партиях. Хоровые части, которые в греческой трагедии отличаются от ямбических не только размером, но и стилистически, у Иванова, таким образом,

⁴⁶⁴ *Эсхил*, 1989. С. 179.

⁴⁶⁵ См.: Лаппо-Данилевский К. Ю. Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 96–110.

⁴⁶⁶ *Веселовский А. Н.* Три главы из исторической поэтики // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 242–243.

оказываются также более лиричными по звучанию за счет добавляемой им аллитерации и спорадических рифм.

10. Вяч. Иванов первым из русских переводчиков греческой трагедии попытался создать «эквиметрический» перевод: античный ямбический триметр он передает шестистопным ямбом с константой на пятой стопе, а в переводе хоровых частей прибегает к логоэдам, имитирующих греческие метры в их базовой форме. Переводческие принципы Иванова в XX веке оказались плодотворны для других русских переводах Эсхила, а именно А. Пиотровского и С. Апта.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Текстология

- АМ — авторизованная машинопись
БА — белой автограф
БАП — белой автограф правленный
ЧА — черновой автограф
Ф. — фонд
Л. — лист
Карт. — картон
Оп. — опись

Трагедии Эсхила

- Ag. — Agamemnon
Ch. — Choephoroe
Eum. — Eumenides
Pers. — Persae
Prom. vinct. — Prometheus vinctus
Sept. — Septem contra Thebas
Suppl. — Supplices

Архивы

- РАИ — Римский архив Иванова
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ — Российская государственная библиотека
РНБ — Российская национальная библиотека
РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы РАН

Словари и лексиконы

Даль — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М., 1903–1911. Т. 1–4.

Дворецкий, 1958 — Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. / Сост. И. Х. Дворецкий. Под ред. С. И. Соболевского. М., 1958.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.

СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.

Bauer — Bauer W. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur. Berlin: Verlag Alfred Töpelmann, 1958.

Beekes — Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston, 2010. Vol. 1–2.

Chantraine — Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968–1980. Vol. 1–3.

Lampe — A Patristic Greek Lexicon / Ed. by G. W. H. Lampe. Oxford: Clarendon Press, 1961.

LIMC — Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Zürich, München, Düsseldorf: Artemis & Winkler Verlag, 1981–1999. 8 vols.

LSJ — Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. 9th ed. Oxford, 1996.

RE — Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Bearb. von G. Wissowa et al. Stuttgart: J. B. Metzler, 1894–1978.

Издания и статьи

Аппельрот — Персы. Трагедия Эсхила / Пер. В. Г. Аппельрот. М., 1888.

Апт — Эхил. Трагедии / Перевод с древнегреч. С. Апта. М., 1971.

ДП — Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.

Казанский, 2003 — Казанский Н. Н. Вяч. Иванов как переводчик Эсхила // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 года. Томск; М., 2003. С. 15–24.

Котелов, 1864 — Драммы Эсхила / Пер. с греч. Н. [Котело]в. СПб., 1864.

Котелов, 1883 — Орестейя: Единственная дошедшая до нас трилогия Эсхила, данная на греческом театре в Афинах в 459 г. до Рожд. Хр. или за 2342 г. до нашего времени / Пер. с греч. Н. Котелов. СПб., 1883.

Котрелев, 1989 — Котрелев Н. В. Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила / Эсхил. Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова. М., 1989. С. 497–522.

Пиотровский — Эсхил. Трагедии / Пер. А. И. Пиотровского. М.; Л., 1937.

Радциг — Эсхил. Агамемнон / Стихотвор. пер. с греч. С. И. Радцига. М., 1913.

Символ, 2014 — Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога // Символ. 2014. № 64. С. 7–202.

СС — Иванов В. И. Собрание сочинений. Брюссель, 1971–1987. Т. 1–4.

Эсхил, 1989 — Эсхил. Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова. М., 1989.

Fraenkel, 1950 — Aeschylus. Agamemnon / Ed., comm. E. Fraenkel. Oxford, 1950. Vol. 3.

Wilamowitz, 1901 — Griechische Tragoedien / Übersetzt von U. von Wilamowitz-Moellendorff. Berlin, 1901. Bd. 2.

Wilamowitz, 1914 — Aeschyli tragoediae / Edidit U. von Wilamowitz-Moellendorff. Berolini, 1914.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

1. Договоры и переписка с А. И. Пиотровским, Л. Д. Тарасовым и др. об издании «Трагедий» Эсхила // РГАЛИ. Ф. 629 (Издательство «Academia»). Оп. 1. Ед. хр. 246. 101 л.
2. Зелинский Ф. Ф. Письма к В. И. Иванову // РГБ. Ф. 109 (В. И. Иванов). Карт. 20. № 55. 20 л.
3. Зуммер В. М. Письма к В. И. Иванову // РАИ. Оп. 5. Карт. 4. Папка 18. 26 л.
4. Иванов В. И. Герой и судьба в античной трагедии, наброски статьи // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 14. 3 л.
5. Иванов В. И. «Орестея». Перевод трилогии Эсхила. Предисловие, обложка, титульный лист. С пояснительной запиской Л. Я. Гуревич // РГАЛИ. Ф. 225 (В. И. Иванов). Оп. 1. № 29. 3 л.
6. Иванов В. И. Письмо к М. В. Сабашникову от 9 августа 1926 г. // РГБ. Ф. 261 (Издательство М. и С. Сабашниковых). Карт. 4. № 25. Л. 15–16.
7. Картотека рукописей издательства М. и С. Сабашниковых // РГБ. Ф. 261 (Издательство М. и С. Сабашниковых). Карт. 24. № 1. Л. 349, 396, 397, 399, 400.
8. Опись рукописей, находящихся в портфеле издательства на 1-е декабря 1917 г. // РГБ. Ф. 261 (Издательство М. и С. Сабашниковых). Карт. 10. № 1. 10 л.
9. Эсхил «Агамемнон». Пер. В. И. Иванова // РНБ. Ф. 304 (В. И. Иванов). № 11. 84 л.
10. Эсхил «Агамемнон». Пер. В. И. Иванова // РО ИРЛИ РАН. Ф. 607 (В. И. Иванов). № 361. 59 л.
11. Эсхил «Агамемнон». Пер. с греч. В. И. Иванова // РГАЛИ. Ф. 341 (Е. Ф. Никитина). Оп. 1. № 464. 16 л.

12. Эсхил «Агамемнон». Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 10. 29 л.
13. Эсхил «Агамемнон». Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 15. 17 л.
14. Эсхил «Агамемнон». Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 5. 22 л.
15. Эсхил «Орестея» («Агамемнон»), трагедия в русском переводе Иванова В. И. // РГБ. Ф. 583 (В. О. Нилендер). Карт. 14. № 18. 152 л.
16. Эсхил «Орестея». I. «Агамемнон». Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 9. 101 л.
17. Эсхил «Персы». Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 1. 48 л.
18. Эсхил «Персы». Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 2. 24 л.
19. Эсхил «Плакальщицы» («Хоэфоры»). Пер. В. И. Иванова // РНБ. Ф. 304 (В. И. Иванов). № 12. 15 л.
20. Эсхил «Плакальщицы» («Хоэфоры»). Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 6. 54 л.
21. Эсхил «Плакальщицы» («Хоэфоры»). Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 7. 39 л.
22. Эсхил «Плакальщицы» («Хоэфоры»). Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 8. 52 л.
23. Эсхил «Просительницы». Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 12. 8 л.
24. Эсхил «Семеро против Фив». Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 3. 17 л.
25. Эсхил «Эвмениды». Перевод В. И. Иванова // РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 11. 30 л.

Печатные источники

Издания трагедий Эсхила⁴⁶⁷

26. *Aeschyli tragoediae quae supersunt ac deperditarum fragmenta* / Recensuit Christian Gottfried Schütz. Halae: J. J. Gebauer, 1808–1811. Vol. 1–3.
27. *Aeschyli tragoediae* / Recensuit Godofredus Hermannus. Lipsiae: apud Weidmannos, 1852–1853. Vol. 1–2.
28. *Aeschyli tragoediae* / Edidit A. Kirchhoff. Berolini: apud Weidmannos, 1880. – VIII, 382 p.
29. *Aeschyli tragoediae* / Edidit Henricus Weil. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1884. – 312 p.
30. *Griechische Tragoedien* / Übersetzt von U. von Wilamowitz-Moellendorff. 3 ed. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901. Bd. 2. – 313 p.
31. *Aeschyli tragoediae* / Edidit U. von Wilamowitz-Moellendorff. Berolini: apud Weidmannos, 1914. – XXXV, 381 p.
32. *Aeschylus. Agamemnon* / Edited with a commentary by E. Fraenkel. Oxford: Clarendon Press, 1950. Vol. 1–3.
33. *Aeschylus. Agamemnon* / Edited by J. D. Denniston and D. L. Page. Oxford: Clarendon Press, 1957. – XXXIX, 240 p.
34. *Aeschylus. Choephoroi* / With introduction and commentary by A. F. Garvie. Oxford: Oxford University Press, 1986. – LX, 394 pp.
35. *Aeschylus. Eumenides* / Edited by A. H. Sommerstein. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – XII, 308 p.
36. *Aeschylus. Persae* / Ed. by A. F. Garvie. Oxford: Oxford University Press, 2009. – LXII, 398 p.

Переводы трагедий Эсхила на русский язык⁴⁶⁸

37. Отрывок из трагедии Эсхила «Скованный Прометей» / Пер. А. Тархова // Маяк. 1841. Ч. 17/18. С. 5–8.

⁴⁶⁷ Издания приводятся в хронологическом порядке.

⁴⁶⁸ Издания приводятся в хронологическом порядке.

38. Сцены из Промефея Эсхила / [Пер. К. Павловой] // Москвитянин. 1850. № 7. С. 153–161.
39. Персы. Трагедия Эсхила / Пер. В. Ордынского // Москвитянин. М., 1856. Т. 4. № 13–16 (Отдельный оттиск: М., 1857. – 32 с.).
40. Сквозанный Прометей: Последняя сцена из трагедии Эсхила / Пер. М. Илецкого // Современник. 1863. Т. 94. № 1–2. С. 55–62.
41. Драмы Эсхила / Пер. с греч. Н. [Котелов]в. СПб.: тип. В. Головина, 1864. Т. 1. – [4], 327 с.
42. Прометей в цепях: Драма Эсхила / Пер. с греч. И. А. Коссовича // Варшавские университетские известия. 1872. № 6. С. 13–53; 1873. № 1. С. 1–55.
43. Сквозанный Прометей: Трагедия Эсхила / [Пер. Вл. Турбина] // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Ч. 220. № 3. С. 128–150.
44. Орестейя: Единственная дошедшая до нас трилогия Эсхила, данная на греческом театре в Афинах в 459 г. до Рожд. Хр. или за 2342 г. до нашего времени / Пер. с греч. Н. Котелов. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1883. – [6], 325 с.
45. Прикованный Прометей: Трагедия Эсхила / Пер. В. Г. Аппельрота. М.: Издание Александра Ланга, 1887. – 116 с.
46. Семь против Фив: Трагедия Эсхила / Пер. В. Г. Аппельрота. М.: Издание Александра Ланга, 1887. – 51 с.
47. Персы: Трагедия Эсхила / Пер. В. Г. Аппельрота. М.: Издание Александра Ланга, 1888. – 170 с.
48. Эсхил. Сквозанный Прометей / Пер. Д. Мережковского // Вестник Европы. 1891. №1. С. 5–43.
49. Эсхил. Агамемнон / Стихотвор. пер. с греч. С. И. Радцига. М.: Типо-лит. «Труд», 1913. – 74 с.
50. Эсхил. Сквозанный Прометей / Пер. Д. С. Мережковского // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. В 24 т. М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 20. С. 9–52.

51. Эсхил. Персы; Орестея / Пер. Вяч. Иванова // Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. Пг.: Огни, 1920. Ч. 2: Образцы. С. 127–142.
52. Эсхил. Трагедии / Пер. А. И. Пиотровского. М.; Л.: Academia, 1937. – XXXII, 411, [2] с.
53. Эсхил. Агамемнон; Евмениды / Пер. Вяч. Иванова // Греческая литература в избранных переводах / Сост. В. О. Нилендер. М.: Советский писатель, 1939. С. 176–183.
54. Эсхил. Трилогия «Орестея» («Агамемнон», «Эвмениды») / Пер. В. Иванова // Хрестоматия по античной литературе: для высших учебных заведений: в 2-х т. / Сост. Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева. Изд. 5-е. М.: Учпедгиз, 1947. Т. I: Греческая литература. С. 151–177.
55. Эсхил. Агамемнон, Хозфоры, Эвмениды / Пер. под ред. Ф. А. Петровского // Греческая трагедия: Эсхил, Софокл, Эврипид / Ред. и комм. Ф. А. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 50–200.
56. Эсхил. Трагедии / Перевод с древнегреч. С. Апта. М.: Художественная литература, 1971. – 384 с.
57. Эсхил. Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова; изд. подготовили Н. И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М. Л. Гаспаров, Г. Ч. Гусейнов, Н. В. Котрелев, В. Н. Ярхо; отв. ред. Н. И. Балашов. М.: Наука, 1989 (Литературные памятники). – 589 с.

Другие греческие авторы в русских переводах

58. Алкей и Сапфо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. Третье, переработанное издание / науч. редакция, сост., вступ. статья и текстология К. Ю. Лаппо-Данилевского; комментарии С. А. Завьялова. СПб., 2019.
59. Гомер. Илиада / Пер. В. Вересаева. М.; Л.: ГИХЛ, 1949. – 551 с.
60. Гомер. Одиссея / Пер. В. Вересаева. М.: Гослитиздат, 1953. – 320 с.

61. Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. Л.: Наука, 1990. – 572 с.
62. Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского / Предисл. С. Ошерова. М.: Гослитиздат, 1959. – 335 с.
63. Еврипид. Ипполит / Пер. Д. С. Мережковского // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. В 24 т. М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 21. С. 129–192
64. Еврипид. Медея / Пер. Д. С. Мережковского // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. В 24 т. М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 21. С. 65–128.
65. Еврипид. Трагедии: В 2 т. / Подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. Пер. И. Анненского. М.: Ладомир, Наука, 1999.
66. Софокл. Драмы: В 3 т. / Пер. с введ. и вступ. очерком Ф. Зелинского. М.: М. и С. Сабашниковы, 1914–1915.
67. Софокл. Антигона / Пер. Д. С. Мережковского // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. В 24 т. М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 21. С. 5–64.
68. Софокл. Эдип-царь / Пер. Д. С. Мережковского // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. В 24 т. М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 20. С. 53–128.
69. Софокл. Эдип в Колоне / Пер. Д. С. Мережковского // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. В 24 т. М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 20. С. 129–216.

Сочинения В. И. Иванова

А. Собрания сочинений

70. Иванов В. И. Собрание сочинений. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. Т. 1–4.
71. Иванов Вяч. По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы / Отв. ред. тома К. А. Кумпан //

Иванов Вяч. Собрание сочинений. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2018. Т. 1 (Кн. I. Тексты. Кн. II. Примечания).

Б. Отдельные произведения

72. Иванов В. И. Гуманизм и религия. О религиозно-историческом наследии Виламовица / Пер. с нем., комм. и послесловие К. Ю. Лаппо-Данилевского // Символ. 2009. № 53–54. С. 168–219.
73. Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. Баку: 2 Гос. тип., 1923. – XII, 303 с.
74. Иванов В. И. Дневники Вячеслава Иванова // Иванов В. И. Собрание сочинений: В 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. С. 744–807.
75. Иванов В. И. Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / Отв. ред. А. Б. Шишкин и О. Л. Фетисенко; [пер. с нем. Дим. Вяч. Иванова и М. Ю. Кореневой; статьи А. Б. Шишкина, М. Б. Плюхановой, М. Ю. Кореневой; коммент. Н. М. Сегал-Рудник, С. Д. Титаренко, О. Л. Фетисенко при участии К. Д. Баршта, Л. Л. Ермаковой и К. Г. Исупова]. СПб.: «Издательство Пушкинский Дом», 2021. – 475 с. (в печати).
76. Иванов В. И. Древний ужас: по поводу картины Л. Бакста «Terror Antiquus» (публичная лекция) // Золотое руно. 1909. № 4. С. 51–65.
77. Иванов В. И. К вопросу об орфографической реформе: [рец. на кн.:] Архимандрит Мефодий (Великанов), член орфографической комиссии. К вопросу о реформе русского правописания. СПб., 1905 // Вопросы жизни. 1905. № 9 (сент.). С. 254–256.
78. Иванов Вяч. К проблеме звукообраза у Пушкина // Московский пушкинист / Под ред. М. А. Цявловского. М.: Федерация, 1930. Вып. II. Статьи и материалы. С. 94–105.

79. Иванов Вяч. Л. Толстой и культура // Логос: международный ежегодник по философии культуры. М.: Мусагет, 1911. Кн. 1. С. 167–178.
80. Иванов В. И. Лекции по поэтике (1921–1922) [конспект, сделанный О. Г. Тер-Григорьяном; готовится к печати К. Ю. Лаппо-Данилевским].
81. Иванов Вяч. Наш язык // Из глубины: сб. статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 145–150.
82. Иванов Вяч. О достоинстве женщины // Слово. 1908. № 650. С. 3; № 652. С. 4.
83. Иванов Вяч. О существе трагедии // Труды и дни. 1912. № 6. С. 60–63.
84. Иванов Вяч. Предчувствия и предвестия // Иванов Вяч. По Звездам: Статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. С. 189–219.
85. Иванов В. И. Повесть о Светомире царевиче / Изд. подготовили А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. М.: Ладомир: Наука, 2015. – 824 с.
86. Иванов В. И. Прометей: трагедия. Петербург: Алконост, 1919. – XXIV, 76, [5] с.
87. Иванов В. И. Происхождение греческой трагедии (подготовка текста, публ., коммент. Е. В. Глухой) // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. / Сост. С. В. Федотова, А. Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 3. С. 378–403.
88. Иванов В. И. Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 185–220; 1905. № 7. С. 122–148.
89. Иванов В. И. Человек и судьба в трагедиях Эсхила и Софокла / Публ. и примеч. Н. В. Котрелева // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи / Под ред. Е. А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010. С. 130–131.
90. Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. № 5. С. 29–40; 1904. № 9. С. 47–70.

91. Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога // Символ. 2014. № 64. С. 7–202.
92. Iwanow W. Humanismus und Religion: Zum religionsgeschichtlichen Nachlass von Wilamowitz // Hochland. 1933/34. Heft 10. S. 307–330.
93. Ivanov, Vjačeslav I.: Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass / Hrsg. von Michael Wachtel. Mainz: Liber-Verl., 1995. – 315 S.

Другие источники

94. Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост., подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Инапресс, 1995. – 366 с.
95. В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Вступ. ст. и публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. 3. С. 281–317.
96. В. И. Иванов: pro et contra, антология / Сост. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина; коммент. Е. В. Глухой, К. Г. Исупова, С. Д. Титаренко, А. Б. Шишкина и др. СПб.: РХГА, 2015. Т. 1. – 996 с.
97. Вяч. Иванов: pro et contra, антология / Сост. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина; коммент. коллектива авторов. СПб.: ЦСО, 2016. Т. 2. – 960 с.
98. Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов. Неизданная переписка (Вступ. статья, подготовка текста и примечания А. Л. Соболева) // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова, А. Б. Шишкин. СПб.: РХГА, 2016. Вып. 2. С. 277–385.
99. Иванова Л. В. Воспоминания. Книга об отце / Подг. текста и комм. Дж. Мальмстада. Paris: Atheneum, 1990. – 428, [4] с.
100. Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией (1925–1941) / Вступ. статья Ф. Лесур. Подг. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко. Комм. С. Кульюс и А. Шишкина // Символ. 2009. № 53–54. С. 458–630.

101. Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор / Предисл. А. А. Кондюриной, публ. А. А. Кондюриной, Л. Н. Ивановой, Д. Рицци и А. Б. Шишкина // Русско-итальянский архив / Сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Салерно, 2001. Т. III. Вячеслав Иванов — новые материалы. С. 151–455.
102. Переписка С. Л. Франка и В. И. Иванова / Под. текста Дим. Иванова и А. Шишкина, комм. В. Франка, Дим. Иванова, А. Шишкина // Символ. 2008. № 53–54. С. 436–457.
103. Сабашников М. В. Записки / Под общ. ред. [с предисл. и примеч.] А. Л. Паниной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 590 с.
104. Сегал Д., Сегал Н. Начало эмиграции: Переписка Е. Д. Шора с Ф. А. Степуном и Вячеславом Ивановым // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума. Вена, 1998 / Под ред. С. Аверинцева, Р. Циглер. Frankfurt am Main; Berlin; Bern [et al.]: Peter Lang, 2002. С. 457–545.
105. Соболев А. Л. Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике. Часть вторая: 1912–1917 // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 88–157.
106. Субботин С. И. «...Мои встречи с Вами нетленны...»: Вяч. Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П. А. Журова // Новое литературное обозрение. № 10. 1994. С. 209–236.
107. Шапошников Б. В. Огонь святилища Аполлона. Публ. и комм. Е. В. Кочневой // Наше наследие. 2016. № 119. С. 95–100.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

108. Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903-1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2009. – 286 с.
109. Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К. С. Горбачевича. М.; СПб.: Наука. 2006. Т. 4. – 677 с.

110. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. / Сост. И. Х. Дворецкий. Под ред. С. И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
111. Дэвидсон П. Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898–1949 / под ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Каламос, 2012. – 340 с.
112. Зобнин, Ю. В. Материалы к Летописи жизни и творчества Вяч. И. Иванова. Часть 1 (1866-1907), 2011 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/02/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf. Дата обращения: 12. 06. 2020.
113. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1985–1988.
114. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1847. Т. 1–4.
115. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольф. 1903–1911. Т. 1–4.
116. Толковый словарь русского языка / Ред. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 4-е изд. – 938 с.
117. Шишкин А. Б. Краткая летопись жизни и творчества Вячеслава Иванова. 2011 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2010/10/shishkin_kratkaya_letopis_zhizni_ivanova_2011.pdf. Дата обращения: 12. 06. 2020.
118. A Patristic Greek Lexicon / Ed. by G. W. H. Lampe. Oxford: Clarendon Press, 1961. – 1568 p.
119. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / W. H. Roscher (hrsg.). Leipzig: Teubner, 1884–1937. Bd. 1–6.

120. Bauer W. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur. Berlin: Verlag Alfred Töpelmann, 1958. – 890 S.
121. Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston: Brill, 2010. Vol. 1–2. – 1809 p.
122. Brown F., Driver S. R., Briggs C. A. A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an appendix containing the biblical Aramaic. Oxford: Clarendon Press, 1907. – 1127 p.
123. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris: Éditions Klincksieck, 1968–1980. Vol. 1–3.
124. Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Zürich, München, Düsseldorf: Artemis & Winkler Verlag, 1981–1999. Vol. 1–8.
125. Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 9th ed. – XLV, 2042; XXXI, 320 p.
126. Theological Dictionary of the Old Testament / Eds. G. J. Botterweck, H. Ringgren, H.-J. Fabry; Transl. by D. E. Green. Cambridge: William B. Eerdmans, 2001. Vol. 11.– XXIV, 615 p.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

127. Аверинцев С. С. Гномическое начало в поэтике Вяч. Иванова // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1996. Vol. 41. С. 3–12.
128. Аверинцев С. С. Единство общечеловеческого культурного предания как тема поэзии и мысли Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – Мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. С. 5–14.
129. Аверинцев С. С. Стратегия цитаты в поэзии Вячеслава Иванова // *Europa Orientalis*. 2002. Vol. 21. № 1. С. 12–26.

130. Александрова А. Дионисийский комплекс идей раннего Вячеслава Иванова // *Studia Slavica*. Budapest, 2001. Т. 46, fasc. 3/4. С. 361–394.
131. Андреев Ю. В. Русский человек между Христом и Дионисом: Вячеслав Иванов как исследователь и истолкователь греческой религии // *Древний мир и мы: Альманах*. СПб.: Алетейя, 2000. Вып. 2. С. 282–293.
132. Балашов Н. Апокатарсис и дионисийские работы Вячеслава Иванова в издании его переводов Эсхила // *Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1993. С. 58–66.
133. Белькинд Е. Л. Теория и психология творчества в неопубликованном курсе лекций Вяч. Иванова в Бакинском гос. университете (1921–1922 гг.) // *Психология процессов художественного творчества*. Л.: Наука, 1980. С. 208–214.
134. Бонди. С. М. Шестистопный ямб Пушкина // *Пушкин: Исследования и материалы*. Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 5–27.
135. Боровский Я. М. Эсхил в переводе Вячеслава Иванова. Рец. на кн.: Эсхил. Трагедии / В переводе Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989 // *Боровский Я. М. Opera philologica / Изд. подгот. А. К. Гаврилов, В. В. Зельченко, Т. В. Шабурин*. СПб.: Bibliotheca Classica Petropolitana; Дмитрий Буланин, 2009. С. 51–56.
136. Бочкарев В. А. Ранние драматические произведения Кюхельбекера // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 1961, № 1. С. 88–98.
137. Брагинская Н. В. Трагедия и ритуал у Вячеслава Иванова // *Архаический ритуал в фольклоре и раннелитературных памятниках*. М.: Наука, 1988. С. 294–329.
138. Бueva Л. П. Дионисийство как культурно-антропологическая проблема (вариации на тему Вяч. Иванова) // *Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования*. М.: Русские словари, 1999. С. 442–461.

139. Ваганова Н. А. Дионисийство как прахристианство в книге Вяч. Иванова «Дионис и прадионисийство» // Вестник СПТГУ. I: Богословие. Философия. 2010. Вып. 4 (32). С. 63–74.
140. Вахтель М. Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // *Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps*. Paris: EHESS, 1994 (Cahiers du Monde Russe. XXXV, № 1–2). С. 353–376.
141. Вахтель М. Дополнения к «Лире Новалиса» Вяч. Иванова // Русская литература. 2011. № 4. С. 61–64.
142. Вахтель М. К проблеме перевода размером подлинника у Вячеслава Иванова // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1996. Vol. 41. P. 45–54.
143. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. — 404 с.
144. Вестбрук Ф. Вячеслав Иванов о возникновении греческой трагедии и филологические дискуссии начала XX века // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 345–353.
145. Вестбрук Ф. Дионис и дионисийская трагедия. Вячеслав Иванов: филологические и философские идеи о дионисийстве. München: Verlag Otto Sagner, 2009. — 314 p.
146. Вестбрук Ф. Орфизм и возникновение трагедии в концепции Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура: материалы междунар. науч. конф., 9–11 сент. 2002 г. / ред. кол.: В. Е. Багно и др. Томск, М.: Водолей Publishers, 2003. С. 34–51.
147. Виноградов В. В. Прозабать // Виноградов В. В. История слов. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. С. 570–573.
148. Гаспаров М. Л. Анненский — переводчик Эсхила // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 2. О стихах. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 141–147.

149. Гаспаров М. Л. Античный триметр и русский ямб // Вопросы античной литературы и классической филологии. М.: Наука, 1966. С. 393–410.
150. Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм // Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1971. С. 90–128.
151. Гаспаров М. Л. Очерки истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Фортуна Лимитед, 2000. – 351 с.
152. Гаспаров М. Л. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб.: Азбука, 2001. С. 361–372.
153. Гаспаров М. Л. Русский ямбический триметр // Гаспаров М. Л. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 1997. Т. 3. О стихе. С. 214–233.
154. Глухова Е. В. Вячеслав Иванов в проектах Наркомпроса: Клуб «Красный петух» 1918–1919 // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. / Сост. С. В. Федотова, А. Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 3. С. 357–377.
155. Грек А. Г. Μουσική в поэзии Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. / Сост. С. В. Федотова, А. Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 3. С. 169–180.
156. Грек А. Г. О составных прилагательных с корнесловом -крыл- в поэтической традиции // Лингвистика и поэтика: преодоление границ: памяти Наталии Алексеевны Кожевниковой: сборник научных трудов. М; Тверь: СФК Офис, 2008. С. 95–103.
157. Грек А. Г. Поэтический язык Вячеслава Иванова: дис. ... д. филол. наук: 10.02.01: защищена 7.10.2004. М., 2004. – 550 с.
158. Грек А. Г. Стилистика стихотворений-дифирамбов в творчестве Вяч. Иванова // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи / Под ред. Е. А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010. С. 177–185.
159. Гусейнов Г. Ч. Проекция «дионисийства» в биографии Вячеслава Иванова // Символ. 2015. № 65. С. 430–470.

160. Доддс Э. Р. Греки и иррациональное / Пер. с англ., коммент. и указатель С. В. Пахомова; Послесл. Ф. Х. Кессиди. СПб.: Алетейя, 2000. – 506 с.
161. Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. 2-е изд. М.: Индрик, 2001. – 400 с.
162. Ермакова Л. Л. Трагедии Эсхила в переводе Вяч. Иванова: эдиционные проблемы // Русская литература. 2015. № 2. С. 215–320.
163. Ермолаева Е. Л. Греческое послание Вяч. Иванова Г. А. Рачинскому // *Philologia Classica*. 2019. 14 (1). С. 121–130.
164. Забудская Я. Л. Греческая трагедия в России: метрический аспект // Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе / Под ред. Я. Л. Забудская, В. В. Муханова, О. В. Осипова и др. М.: Новый хронограф, 2015. С. 290–306.
165. Забудская Я. Л. Дионисийство и трагедия: Эсхил в переводах Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения: [Материалы конф., 25–27 мая 2000 г.]. М.: Наука, 2002. С. 141–147.
166. Забудская Я. Л. О возможностях передачи звукописи в художественном переводе (на материале переводов эсхилевского Агамемнона Вяч. Ивановым и С. И. Радцигом) // Индоевропейское языкознание и классическая филология (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы конференции, проходившей 20–22 июня 2005 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005. Т. 9. С. 82–85.
167. Забудская Я. Л. Проблемы стилистики художественного перевода античных текстов // *Colloquia classica et indo-germanica IV*. (*Acta linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований РАН). СПб.: Наука, 2008. Т. 4. С. 453–470.
168. Забудская Я. Л. «Стал бык на язык»: фразеологизмы в оригинале и в переводе // Индоевропейское языкознание и классическая филология. (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной

- конференции, проходившей 22–24 июня 2009 г. / Отв. редакторы Н. А. Бондарко, Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2009. Т. 13. С. 184–188.
169. Забудская Я. Л. Эквиметризм как принцип в художественном переводе греческой трагедии // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи / Под ред. Е. А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010. С. 65–74.
170. Забудская Я. Л. Эсхил в переводах Вяч. Иванова // Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе / Отв. ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Новый хронограф, 2014. С. 631–640.
171. Забудская Я. Л. Эсхил в переводе В. К. Кюхельбекера // Литература и культура эллинизма. Сборник статей по материалам конференции памяти В. П. Завьяловой (МГУ, 14–15 ноября 2016 года). М.: Изд-во МГУ, 2017. С. 115–123.
172. Забудская Я. Л. Язык и стиль художественного перевода (на материале переводов «Агамемнона» Эсхила // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. Москва: Издательство МГУ, 2007. С. 697–698.
173. Завьялов С. А. Вячеслав Иванов в работе над греческими папирусами // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 354–370.
174. Завьялов С. А. Вячеслав Иванов — переводчик греческой лирики // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. С. 163–184.
175. Завьялов С. А., Лаппо-Данилевский К. Ю. К истории текста Первой Пифийской оды в переводе Вячеслава Иванова // *Musenalmanach*. В честь 80-летия Ростислава Юрьевича Данилевского. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 86–105.

176. Зубарев Л. Д. Вячеслав Иванов и театральная реформа первых послереволюционных лет // Начало: Сборник работ молодых ученых. М.: Наследие, 1998. Вып. 4. С. 184–216.
177. Зубарев Л. Д. Метаморфозы теории «хорового действия» Вячеслава Иванова после революции // Русская филология. Тарту, 1998. № 9. С. 140–147.
178. Зубарев Л. Д. Всенародной искусство Вячеслава Иванова и «искусство для народа» первых лет революции // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума. Вена, 1998 / Ред. С. Аверинцев, Р. Циглер. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. С. 437–447.
179. Каждан А. Обретенный и утерянный Эсхил. // Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1977. Сб. 11. С. 325–354.
180. Казанский Н. Н. Вяч. Иванов как переводчик Эсхила // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 года. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. С. 15–24.
181. Казарцев Е. В. Введение в сравнительное стиховедение: методы и основы анализа. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – 104 с.
182. Котрелев Н. В. Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила / Эсхил. Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова; изд. подготовили Н. И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М. Л. Гаспаров, Г. Ч. Гусейнов, Н. В. Котрелев, В. Н. Ярхо; отв. ред. Н. И. Балашов. М.: Наука, 1989. С. 497–522.
183. Котрелев Н. В. Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (Переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. научных трудов. М.: ВГБИЛ, 1990. С. 127–150.

184. Кочнева Е. В. Б. В. Шапошников (1890–1956): материалы к биографии // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 215–265.
185. Кочнева Е. В. «Человек Европы»: художник и искусствовед Б. В. Шапошников // Наше наследие. 2016. № 119. С. 101–111.
186. Лаппо-Данилевский К. Ю. «Алкей и Сафо» Вяч. Иванова в рецепции современников (Кузмин, Ходасевич и др.) // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда / под ред. П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова. СПб.: Реноме, 2015. С. 119–131.
187. Лаппо-Данилевский К. Ю. Из наблюдений над рукописями переводов Вяч. Иванова // Petra Philologica: профессору П. В. Бухаркину ко дню шестидесятилетия / отв. ред. Н. А. Гуськов, Е. М. Матвеев, М. В. Пономарева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 358–370.
188. Лаппо-Данилевский К. Ю. К истории библиотеки Вяч. Иванова // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 224–239.
189. Лаппо-Данилевский К. Ю. Неизвестные переводы Вяч. Иванова, предназначавшиеся для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера» // Русская литература. 2014. № 1. С. 178–205.
190. Лаппо-Данилевский К. Ю. О преподавании Вячеслава Иванова на курсах Н. П. Раева // Русская литература. 2011. № 4. С. 66–79.
191. Лаппо-Данилевский К. Ю. «Перевод-истолкование» в понимании Вяч. Иванова // Вяч. Иванов в контексте эпохи модернизма / под ред. Д. М. Сегала, Н. М. Сегал-Рудник, О. М. Левитан и др. М.: Водолей, 2021 (в печати).
192. Лаппо-Данилевский К. Ю. Переводы Вячеслава Иванова из Алкея и Сапфо // Алкей и Сапфо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. Третье, переработанное издание /

- науч. редакция, сост., вступ. статья и текстология К. Ю. Лаппо-Данилевского; комментарии С. А. Завьялова. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2019. С. V–LXIV.
193. Лаппо-Данилевский К. Ю. Римские поэты в трактате Данте «Монархия»: неизвестные переводы Вячеслава Иванова // Русская литература. 2013. № 2. С. 173–179.
194. Лаппо-Данилевский К. Ю. Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы / Отв. редактор А. В. Лавров. СПб.: Наука, 2011. С. 96–110.
195. Малеин А. И. Приложение к статье А. С. Орлова «Тилемахида» // XVIII век, сборн. статей и материалов / Под ред. А. С. Орлова. М.; Л., Издательство АН СССР, 1935. С. 57–60.
196. Нещеретов Н. И. Ритмика русского 6-стопного ямба от Ломоносова и Тредиаковского по настоящее время // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2017. Вып. 11. Славянский стих. С. 89–121.
197. Обатнин Г. В. Из наблюдений над темой «Вяч. Иванов и перевод» // Лотмановский сборник. / Ред. Л. Н. Киселева, Т. Н. Степанищева. М.: ОГИ, 2014. Вып. 4. С. 467–493.
198. Обатнин Г. В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // *Europa Orientalis*. 2002. Т. 21. № 2. С. 261–343.
199. Обатнин Г. В., Постоутенко К. Ю. Вячеслав Иванов и формальный метод (материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 2. С. 180–187.
200. Орлицкий Ю. Б. О роли переводов Пиндара в развитии русского стиха (силлаботонический логээд Иванова и «пиндарический отрывок» Мандельштама «Нашедший подкову») // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова, А. Б. Шишкин. СПб.: РХГА, 2016. Вып. 2. С. 229–247.

201. Откупщиков Ю. В. Ἀπόλλων (Мифолого-этимологический этюд) // Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. С. 293–300.
202. Павлова Л. В. «Жадным пламеням алтарным уготованы тельцы...»: о символике быка и мотиве жертвоприношения в лирике Вячеслава Иванова // Ученые записки Смоленского гос. пед. ун-та. Смоленск, 2003. С. 39–48. (Русская филология. Т. 7).
203. Павлова Л. В. Потаённые повторы в лирике Вячеслава Иванова (опыт применения компьютерной программы «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // *Retoryka tekstu artystycznego. Gry semantyczne*. Риторика художественного текста. Семантические игры. / Pod redakcją Anny Majmieskułow. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2016. С. 271–283.
204. Павлова Л. В., Романова И. В. Опыт применения программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 6. С. 138–148.
205. Проскурина В. «Cor Ardens»: Смысл заглавия и эзотерическая традиция // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 196–213.
206. Радциг С. И. Рец. на кн.: Греческая трагедия. Эсхил, Софокл, Эврипид. Переводы с древнегреческого под ред. Ф. А. Петровского, ГИХЛ, 1950, 751 стр., цена 20 руб., тираж 10000 экз. // Вестник древней истории. 1951. № 1. С. 172–176.
207. Сегал-Рудник Н. М. Дионисийство как прием: к вопросу о метафизическом хронотопе поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова, А. Б. Шишкин. СПб.: РХГА, 2016. Вып. 2. С. 27–70.
208. Силард Л. Несколько заметок к учению Вяч. Иванова о катарсисе // Культура и память. Третий международный симпозиум, посвященный

- Вячеславу Иванову. II. Доклады на русском языке / Под ред. Ф. Мальковати. Firenze: La nuova Italia, 1988. С. 143–154.
209. Силард Л. «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 210–249.
210. Снелль Б. Греческая метрика / Предисловие А. И. Зайцева, пер. с нем. Д. Торшилова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – 117 с.
211. Сумм Л. Б. Звук — значение: аллитерации в образном языке Эсхила // ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ. Вопросы классической филологии. Сб. статей в честь А. А. Тахо-Годи. М.: МГУ, 2002. Вып. XII. С. 232–248.
212. Сычева С. Г. Тема Диониса в творчестве Вячеслава Иванова // Ф. Ницше и русская философия. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. С. 158–169.
213. Тарановский К. Ф. О ритмической структуре русских двусложных размеров // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 274–282.
214. Теперик Т. Ф. Вячеслав Иванов: поэтика перевода (на материале «Гимна к Аполлону» Алкея) // Вячеслав Иванов: творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М.: Наука, 2002. С. 148–155.
215. Титаренко С. Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: Петрополис, 2012. – 654 с.
216. Топорков А. Л. Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор. М.: Индрик, 2012. – 496 с.
217. Тюрина И. И. Дионисийский миф и его воплощение в лирике Вяч. Иванова («Кормчие звезды», «Прозрачность», «Cor ardens»). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1997. – 251 с.
218. Успенская А. В. Античность в русской поэзии второй половины XIX века. СПб.: Изд-во БАН РАН, 2005. – 363 с.

219. Успенская А. В. Греческая трагедия в переводах Д. С. Мережковского // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи / Под ред. Е. А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010. С. 231–238.
220. Успенская А. В. Из истории перевода и публикации греческой трагедии в России (XIX век) // Петербургская библиотечная школа. 2004. № 1. С. 12–19.
221. Фадеева Т. М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2013. – 349 с.
222. Федотова С. В. Поэтология Вячеслава Иванова: монография. Тамбов: ТОГОАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2012. – 293 с.
223. Фридман И. Н. Щит Персея и Зеркало Диониса // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 250–285.
224. Хворостьянова Е. В. Ритмика шестистопного ямба XVIII в.: к проблеме «ритм и смысл» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Чтения памяти И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2006. С. 314–324.
225. Цимборска-Лебода М. Эстетическая мысль Вячеслава Иванова в контексте теории и антропологии театра XX века // *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1997. Т. 41. С. 279–289.
226. Эткин Е. Г. Вьючное животное культуры (Об архаическом стиле Вячеслава Иванова) // Эткин Е. Г. Там, внутри: О русской поэзии XX века. Очерки. СПб.: Максима, 1997. С. 135–148.
227. Эткин Е. Г. Поэзия Новалиса: «Мифологический перевод» Вячеслава Иванова // Культура и память. Третий международный симпозиум, посвященный Вячеславу Иванову. Доклады на русском языке / Под ред. Ф. Мальковати. Firenze: La nuova Italia, 1988. Vol. II. С. 171–185.
228. Эткин Е. Г. Поэзия Новалиса // Эткин Е. Г. Там, внутри: О русской поэзии XX века. Очерки. СПб.: Максима, 1997. С. 168–182.

229. Ярхо В. Н. Ф. Ф. Зелинский — переводчик Софокла // Софокл. Драмы / В пер. Ф. Ф. Зелинского. М.: Наука, 1990. С. 509–541.
230. Anthon Ch. A System of Greek Prosody and Metre: for the use of schools and colleges. London: Printed for Thomas Tegg, 1845. – VII, 160 p.
231. Benigni V., Masini F. Compounds in Russian // *Lingue e linguaggio*. 2009. № VIII (2). P. 171–193.
232. Bremmer J. M. Hamartia. Tragic Error in the Poetics of Aristotle and in Greek Tragedy. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1969. – XX, 211 p.
233. Brennan C. J. A Peculiarity of Choric Responion // *The Classical Review*. 1906. Vol. 20. № 7. P. 339–346.
234. Cairns D. L. Hybris, Dishonour, and Thinking Big // *Journal of Hellenic Studies*. 1996. Vol. 116. P. 1–32.
235. Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1989. – 319 p.
236. Deschartes O. Vyacheslav Ivanov // *Oxford Slavonic Papers*. 1954. Vol. 5. P. 41–52.
237. Dirat M. L'hybris dans la tragédie grecque. Thèse Toulouse, 1972. Lille: repr. Univ. de Lille III. 1973 – 919 p.
238. Earp F. R. The Style of Aeschylus. Cambridge: University Press, 1948. – 175 p.
239. Eitrem S. Moira // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* / Bearb. von G. Wissowa et al. Stuttgart: J. B. Metzler, 1932. Bd. XV. 2 (HBd. 30). Sp. 2449–2497.
240. Fehling D. Die Wiederholungsfiguren und ihr Gebrauch bei der Griechen vor Gorgias. Berlin: W. de Gryuter, 1969. – 372 s.
241. Frisk H. Ἀπόλλων // Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter, 1960. S. 124–125.
242. Frisk H. Ἑλένη // Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter, 1960. S. 489.

243. Ganschietz R. Labrys // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Bearb. von G. Wissowa et al. Stuttgart: J. B. Metzler, 1924. HBd. 23. Sp. 286–307.
244. Garvie A. F. Alliteration in Aeschylus // *Lexis: Poetica, retorica e comunicazione nelle tradizione classica*. 2002. № 20. P. 3–12.
245. Golden L. Hamartia, Ate, and Oedipus // *Classical World*. 1978. Vol. 72, № 1. P. 3–12.
246. Greene W. Ch. Moira. Fate, Good, and Evil in Greek. Thought. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1944. – 450 p.
247. Gruppe O. Orpheus // *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* / W. H. Roscher (hrsg.). Leipzig: Teubner, 1897–1902. Bd. 3. Abt. 1. Sp. 1058–1207.
248. Hey O. Ἀμαρτία. Zur Bedeutungsgeschichte des Wortes // *Philologus*. 1928. Bd. 83. P. 1–15.
249. Marcellino R. A. E. Housman's «Fragment of a Greek Tragedy» // *The Classical Journal*. 1953. Vol. 48. № 5. P. 171–178.
250. Malcovati F. The Myth of the Suffering God and the Birth of Greek Tragedy in Ivanov's Dramatic Theory // *Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher* / Ed. by R. L. Jackson and L. Nelson. New Haven: Slavica Pub., 1986. P. 290–296.
251. Marinatos N. Minoan Religion: Ritual, Image, and Symbol: Studies in Comparative Religion. Columbia: University of South Carolina Press, 1993. – 306 p.
252. Nilsson M. P. The Minoan-Mycenaean Religion and Its Survival in Greek Religion. Lund: C. K. W. Gleerup, 1950. – 656 p.
253. Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. München: C. H. Beck, 1955. Bd. 1 (Handbuch der Altertumswissenschaft, 5. 2). – XXII, 872, 52.
254. Opelt I. Alliteration im Griechischen? // *Glotta*. 1958. Bd. 37. S. 205–232.
255. Pogliani M. C. L'alliterazione nella tragedia eschilea // *Lexis: Poetica, retorica e comunicazione nelle tradizione classica*. 1994. № 12. P. 37–46.

256. Poljakov F. Kirchenslavisch als universelle Kultursprache in der mythopoetischen Konzeption Vjačeslav Ivanovs // Die Welt der Slaven. 1997. Vol. XLII. S. 252–271.
257. Prag A. J. N. The Oresteia — Iconographic and Narrative Tradition. Warminster: Aris & Phillips, 1985. — 213 p.
258. Rapp A. Erinys // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / W. H. Roscher (hrsg.). Leipzig: Teubner, 1884–1886. Bd. 1. Abt. 1. Sp. 1310–1336.
259. Rapp A. Lykurgos // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / W. H. Roscher (hrsg.). Leipzig: Teubner, 1894–1897. Bd. 2. Abt. 2. Sp. 2191–2205.
260. Riedel Chr. Alliteration bei den drei grossen Griechischen Tragikern. Erlangen: E. Th. Jacob, 1900. — 124 s.
261. Rosenberg A. Die Erinyen: ein Beitrag zur Religion und Kunst der Griechen. Berlin: Gebrüder Borntraeger, 1874. — 90 S.
262. Rosenmeyer Th. G. The Art of Aeschylus. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1982. — 393 p.
263. Sarian H., Delev P. Erinys // Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Zurich, Munchen, Dusseldorf: Artemis & Winkler Verlag, 1986. Vol. III.1. P. 825–843.
264. Scott W. C. Musical Design in Aeschylean Theater. Hanover: Dartmouth College Press, 1984. — 252 p.
265. Shaw M. C. The Bull-Leaping Fresco from below the Ramp House at Mycenae: A Study in Iconography and Artistic Transmission // The Annual of the British School at Athens. 1996. № 91. P. 167–190.
266. Sinton T. C. W. Hamartia in Aristotle and Greek Tragedy // The Classical Quarterly. 1975. Vol. 25, № 2. P. 221–254.
267. Stocker M. Alliteration bei Äschylus. Straubing: Cl. Attenkofer'sche Buch- und Kunstdruckerei, 1902. — 63 s.

268. Tierney M. Three notes on the Choephoroi // *The Classical Quarterly*. 1936. Vol. 30. № 2. P. 100–104.
269. Tribulato O. *Ancient Greek Verb-Initial Compounds: Their Diachronic Development within the Greek Compound System*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – 454 p.
270. Tümpel K. Lesbiaka // *Philologus*. 1889. № 2. S. 99–130.
271. Tümpel K. Makareus 8 // *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* / W. H. Roscher (hrsg.). Leipzig: Teubner, 1894–1897. Bd. 2. Abt. 2. Sp. 2290–2291.
272. Wachtel M. From German Romanticism to Russian Symbolism. Vjačeslav Ivanov's Reception of Novalis // *Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph*. Heidelberg: C. Winter, 1993. P. 349–364.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1. Двусоставные слова в переводах Вяч. Иванова из Эсхила

Таблица 1. Двусоставное слово в русском переводе — двусоставное слово в греческом тексте

№	Русский перевод	Древнегреческий ⁴⁶⁹
1.	Белоконный (день), Pers. 386	λευκόπωλος, белый+конь (ἡμέρα, день)
2.	Благовонный (плод), Pers. 617	εὐώδης, благой+запах (καρπός, плод)
3.	Благовонный (дым), Ag. 596	εὐώδης (φλόξ, пламя)
4.	Благовестница, Ag. 265	εὐάγγελος, благой+вестник
5.	Благодатная (почва), Sept. 18	εὐμενές, благой+дух, сила (πέδον, равнина)
6.	Благодатная (ночь), Ag. 265 ⁴⁷⁰	εὐφρόνη, благой+мыслить (μήτηρ, мать)
7.	Благодатный (напиток), Pers. 612	εὐποτον, благой+напиток (γάλα, молоко)
8.	Благомысленно, Eum. 991	εὐφρονες, благой+мыслить
9.	Благородная (жена), Pers. 704	εὐγενής, благой+род/рождаться (γυνή, жена)
10.	Благородная (кровь), Sept. 409	εὐγενής
11.	Благородный (Лилей), Pers. 970	εὐπάτωρ, благой+отец (Λίλαιος)
12.	Благосклонный, Eum. 774	εὐμενέστεροι, благой+дух, сила
13.	Благосклонно, Ag. 952	εὐμενῶς, благой+дух, сила
14.	Благочестивый (путник), Sept. 602	εὐσεβής, благой+трепет, благоговение (άνήρ, муж)
15.	Благочестно, Eum. 287	εὐφήμως, благой+говорить
16.	Бледноликий (страх), Ag. 1121	κροκοβαφής, шафрановый+окрашивать (σταγών, капля)
17.	Богобоязненный (муж), Sept. 610	εὐσεβής (άνήρ, муж)
18.	Богоданный (царь), Eum. 637	παντόσεμνος, все+почитаемый (άνήρ, муж)
19.	Боголюбимая (земля), Eum. 869	θεοφιλεστάτη, бог+любить (χώρα, земля)
20.	Богомерзкий (дом), Ch. 638	δυσφιλές θεοῖς, не милый богам
21.	Богонадменные (уста), Sept. 566	μεγαλήγοροι, великий+говорить (άνόσιοι άνδρες, нечестивые мужи)
22.	Богопреступная (жертва), Ag. 152	άνομος, незаконный (θυσία, жертва)
23.	Богопреступная (жена), Ch. 44	δύσθεος, плохой+бог (γυνά, жена)

⁴⁶⁹ Включая слова с α-privativum и с приставкой δύσ-.

⁴⁷⁰ Во второй редакции перевода «Агамемнона» (РГБ. Ф. 583. Карт. 14. № 18. Л. 10).

24. Богопротивный (кров), Ag. 1090	μισόθεος, ненавидеть+бог (στέγη, кров)
25. Богоравный (царь), Pers. 634	ἰσοδαίμων, равный+бог (βασιλεύς, царь)
26. Богоравный (государь), Pers. 857	ἰσόθεος, равный+бог (βασιλεύς, царь)
27. Богоравный (Амфион), Sept. 526	διογενής бог/Зевс+род/рождать (Ἄμφιον)
28. Братоубийственная (вина), Sept. 693	πικρόκαρπος, горький+плод (ἀνδροκτασία, муж+убийство)
29. Велелепный (щит), Sept. 642	εὖκυκλον, благой+круглый (σάκος, щит)
30. Великодержавный (царь), Ch. 357	σεμνότιμος, почитаемый+читать (ἀνάκτωρ, владыка)
Вертоградарь, Eum. 911	φυτοποίηση, растение+пастух
31. Всезрящий (отец), Suppl. 120	παντόπτας, все+видеть (πατήρ, отец)
32. Всезрящий (пастырь), Suppl. 304	πανόπτης, все+видеть (οἰοβουκόλος, пастух)
33. Всезрящий (Зевс), Eum. 246	πανόπτας все+видеть (Ζεύς)
34. Всенародный (плач), Sept. 657	δυσφορώτερος, трудно+переносить (γόος, плач)
35. Всенародный (ропот), Sept. 7	πολύρροθος, много+шум (φροίμιος, гимн)
36. Всенародный (суд), Suppl. 7	δημηλασία, народ+изгонять
37. Всенародное (добро), Ag. 29	δημιοπληθέα, народ+множество (κτήνη, скот)
38. Всенародное (мнение), Ag. 938	δημόθρους, народ+говорить (φήμη, мнение)
39. Всеохватный (плен), Ag. 361	πανάλωτος, все+ловить (ἄτη, Ата)
40. Всепромыслительный (Дарий), Pers. 855	πανταρκής, все+быть сильным
41. Высокобашенные (надежды), Suppl. 96	ὑψίπυργοι, высокий+башни (ἐλπίδες, надежды)
42. Двудержавная (мощь), Ag. 43	δίσκηπτρος, два+скипетр (τιμή, доблесть)
43. Добропобедный (град), Eum. 915	ἀστύνικος, город+побеждать (πόλις, город-государство)
44. Долговечные (боги), Sept. 524	δαρόβιοι, долгий+жить (θεοί, боги)
45. Долгодлительный (век), Pers. 262	μακροβίωτος, долгий+жить (αἰών, век)
46. Душегуб(ец) — Бог-душегуб, Sept. 343	λαοδάμας, народ/войско+губить (Ἄρης, Арес)
47. Душегуб Раздор, Sept. 726	παιδολέτωρ, ребенок+губить (ἔρις, раздор)
48. Душегубцы, Eum. 421	βροτοκτονοῦντες, смертный+убивать

49. Единокровный (род), Suppl. 225 ὁμαίμος, один и тот же+кровь (ἐχθρῶν ὁμαίμων καὶ μαινόντων γένος)
50. Единокровных бой, Sept. 681 ὁμαίμοιν, один и тот же+кровь (ἀνδροῖν, мужи)
51. Единокровный (брат), Eum. 89 αὐτάδελφον, свой+брат (αἷμα, кровь)
52. Златокованое (всеоружье), Sept. 644 χρυσήλατος, золото+бить (ἀνὴρ, муж)
53. Златошлемный (владыка), Sept. 106 χρυσοπήληξ, золото+шлем (δαῖμον, бог)
54. Копьеносные (стражники), Ch. 769 δорύφοροι, копье+нести (ὀπάονες, спутник)
55. Кровожадная (страсть), Sept. 692 ὠμοδακῆς, сырой, жестокий+кусать (ἴμερος, страсть)
56. Кровожадные (львы), Eum. 192 αἵματορρόφος, кровь+хлебаť (λέων, лев)
57. Малодушный (страх), Sept. 192 ἄψυχος нет, отсутствие+душа (κάκη, беда)
58. Малодушный, Sept. 383 ἀψυχία
59. Медногрудые (чудовища), Pers. 415 χαλκόστομοι, медь+рот (ἔμβολοι, «клюв» корабля)
60. Медножалый (бич), Ch. 290 χαλκήλατος, медь+бить (πλάστιγξ, бич)
61. Многобашенный (град), Eum. 687 ὑψίπυργον, высокий+башня (νεόπολις, новый+город)
62. Многовёсельные (дома), Pers. 679 τρίσκαμοι, три+уключина (νᾶες, корабли)
63. Многовёсельные (корабли), Pers. 1075 τρίσκαμοι (βάριδες, корабль)
64. Многолюдная (страна), Pers. 533 πολύανδροι, много+мужчина (Πέρσοι, персы)
65. Многомощный (домовладыка), Eum. 61 μεγασθενής, большой+сила (τῶνδε δόμων δεσπότης, этого дома господин)
66. Многомужняя (жена), Ag. 62 πολυάνωρ, много+муж (γυνή, жена)
67. Многосемянный (Нил), Suppl. 33 πολυθρέμμων, много+кормить (Νεῖλος, Нил)
68. Многослезный (плач), Pers. 547 πολυπενθής, много+оплакивать (μóρος, рок/смерть)
69. Многослезное (лето), Pers. 822 πάγκλαυτον, много+рыдать (θέρος, лето).
70. Многослезный — гимн, Pers. 941, 944 πάνδурτος, весь+рыдать, оплакивать (αὐδά, речь, звук)
71. Многослезный (род), Sept. 654 πανδάκρυτον, весь+плакать (γένος, род)
72. Многоценный (сок), Ag. 959 ισάργυρος, равный+серебро (κηκίς, сок)
73. Новосмешанный (хмель), Ch. 343 νεοκράς, новый+смешивать

74. Обоюдо-изошренный (рок), Ag. 643	δίλογχος, два+острие (ἄτη, Ата)
75. Огнедышащий (зев), Sept. 493	πύρπνοον, огонь+дышать (στόμα, рот)
76. Первовещунья (Земля), Eum. 2	πρωτόμαντις, первый+гадатель (Γαῖα, Земля)
77. Первоубийца (Иксион), Eum. 718	πρωτοκτόνος, первый+убивать
78. Плотоядный (пир), Ch. 1069	παιδοβόροι, ребенок+есть (μόχθοι, страдания)
79. Правомощный (взыскатель), Ag. 1648	παγκρατής, весь+мощный (φονεύς, убийца)
80. Правосудный (Зевс), Ag. 525	δικηφόρος, правда+нести (Ζεὺς, Зевс)
81. Прекраснолицый (юноша), Sept. 533	καλλίπρωρον прекрасный+нос корабля, зд. лицо (βλάστημα, отпрыск)
82. Разноголосый (гам), Ag. 321	ἄμεικτος, нет+смешивать (βοή, крик)
83. Рукомесло, Ch. 761	χειρωναξία, рука+помогать
84. Самоубийственный (бой), Sept. 681	αὐτοκτόνος, сам+убивать (θάνατος, смерть)
85. Святотатственные (путы), Ag. 1493	ἀσεβής, нет, отсутствие+почитать, благоговеть (θάνατος, смерть)
86. Святотатственная (вина), Ch. 635	θεοσύγητος (ἄγος, скверна)
87. Седмивратный (град), Sept. 165	ἑπτάπυλον, семь+ворота (ἔδος, место жительства)
88. Синегрудая (стая), Pers. 559	κυανώπιδες, темный+смотреть (νᾶες, корабли)
89. Смертоносная (дева), Sept. 777	ἀρπάξανδρα, похищать+мужчина (κῆρ, смерть, пагуба)
90. Смертоносная (кровь), Ag. 1460	ἄνιπτον, нет, отсутствие+мыть (αἷμα, кровь)
Смиренномудрым (быть), Eum. 521	σωφρονεῖν
91. Смуглоликие (девы), Sept. 155	μελανθές, черный+цвет (γένος, род)
92. Стотельчие (жертвы), Ag. 1169	πολυκανεῖς, много+закалывать, убивать (θυσία, жертвы)
93. Тонкорунная (овечка), Ag. 1416	εὔλοκα, благой+шерсть (νομεύματα, скот)
94. Цветоделки (пчелы-цветоделки), Pers. 612	ἀνθεμουργός, цветок+работать
95. Цветоносные (луга), Suppl. 44	ἀνθονομούσα, цветок+пасть (βοῦς, корова)
96. Щитоносный (полк), Ag. 825	ἀσπιδηφόρος, щит+нести (λεώς, войско)

Таблица 2. Двусоставное слово в русском переводе — несколько слов в греческом тексте

1.	Богобоязненный, Sept. 236	δαμόνων τιμᾶν γένος, род почитающий богов
2.	Вековечный (мир), Eum. 1043	ἐς τὸ πᾶν, навсегда
3.	Всезрящий (пастырь), Suppl. 303 Всезрящее (Солнце), Ch. 987	πάνθ' ὀρῶντα, всё видящий (φύλαξ, страж) ὁ πάντ' ἐλοπτεύων, всё видящий (Ἥλιος, Гелиос)
4.	Домовладыка, Eum. 61	τῶνδε δόμων δεσπότης, этого дома господин
5.	Копьеносное (воинство), Eum. 766	εὖ κεκασμένον δόρυ хорошо вооруженный копьем (ἀνὴρ, мужчина)
6.	Многомощная (власть Эринии), Eum. 951	μέγα δύναται πότνι' Ἐρινὸς, многое может владычица Эриния
7.	Мореходный (побег), Suppl. 13	φεύγειν διὰ κῦμ' ἄλιον, бежать по морской волне
8.	Смиренномудрый (помысл), Ag. 927	τὸ μὴ κακῶς φρονεῖν, не думать плохо

Таблица 3. Двусоставное слово в русском переводе — простое слово (или несогласованное определение) в греческом тексте

1.	Благородный — Имэй, Pers. 31	ἐσθλός, доблестный, благородный (Ἴμαῖος, Имэй)
2.	Благосклонный — речь, Eum. 988	ἀγαθή, хорошая (γλώσση, речь)
3.	Богоравный — Орест, Ch. 867	θεῖος, божественный (=сверхчеловеческий) (Ὀρέστης, Орест)
4.	Братоубийственный — распри, Eum. 863	ἐμφύλιος, внутриродовой (Ἄρης, Арес/воинственный дух)
5.	Вековечный — опала, Ag. 1411	ὄβριμον, сильный (μῖσος, ненависть)
6.	Венценосцы — Ag. 6	λαμπροί, сияющие (δυνάσται, владыки)
7.	Всенародный — хоры, Ag. 24	πολλοί, многие (χοροί, хоры/хороводы)
8.	Круговратный — звезды, Ag. 4	νύκτεροι, ночные (ἀστέρες, звезды)
9.	Миротворный — елей, Ag. 94	ἀγνόν, чистый, священный (χρῆμα, мазь)
10.	Многодоблестный — муж Арктей, Pers. 44	ἀγαθός, хороший (Ἄρκτης, Арктей)

11. Многомощный — супруга, Suppl. 287	ἰσχυρά, мощная (ἄλοχος, супруга)
12. Первозданный — склепы, Eum. 1035	ὠγύγιον, древний (κεῦθος, внутренняя, скрытая часть)
13. Плотоядный — пасть, Ch. 325	μαλερά, свирепая (γνάθος, челюсть)
14. Путеводный — знамение, Ag. 104	ὄδιον, относящийся к дороге (κράτος, сила)
15. Рыжеогненный — брада, Pers. 314	πυρσὴ, огненная/рыжая (γενειάς, борода)
16. Светлорусый — маслина, Pers. 616	ξανθή, желтая (ἐλαία, маслина)
17. Светозарный — череда маяков, Ag. 308	φλέγουσα, горящая
18. Светоносный — день, Pers. 504	λαμπρός, сияющий (ἡλίου κύκλος, солнца круг)
19. Седовласый — чада, Eum. 69	γραῖαι παλαιαί старые, древние (παῖδες, дети)
20. Среброкрылый — змея-летунья, Eum. 182	πτηνός ἀργηστής, крылатая/летучая блестящая (ὄφις, змея)
21. Стародавние (твердыни), Pers. 17	παλαιόν, древний (ἔρκος, оплот)
22. Стародавний (упырь), Ag. 1501	παλαιός, древний (ἀλάστωρ, Аластор, демон мести)
23. Стародавняя (кровь), Ag. 1338	πρωτέρων, первых (αἷμα, кровь)
24. Стародавнее (богатство), Ch. 865	πατέρων, отцов (ὄλβον, богатство)
25. Стародавний (устав), Eum. 727	παλαιαί, древние (διανομαί, распределение, установления)

Таблица 4. В греческом тексте нет прилагательного

1. Благовонный — дым, Ag. 91
2. Благоговейный — трепет, Eum. 700
3. Благодатный — силы, Eum. 924
4. Богомерзкий — разбойник, Eum. 607
5. Богомысленный — община, Eum. 1013
6. Богохульный — слова, Sept. 443
7. Браннолюбивый — Анхар, Pers. 996
8. Бурногривый — вал, Sept. 114
9. Быстротечный — Инах, Ch. 6
10. Вековечный — правда, Ch. 994; клейма, Ch. 74

11. Всеахейский — рать, Ch. 1071
12. Всевышний — собор, Sept. 251
13. Всенародный — сиротство, Ag. 1467
14. Двуострый — топор, Ag. 1116; Ch. 889
15. Златозорный — колчан, Pers. 1022
16. Зложелательный — узник, Agam. 953
17. Злосчастный — Ag. 1073
18. Копьеносный — рать, Ag. 46
19. Крепкозданный — тайник, Ch. 807
20. Кровожадный — глад, Ag. 731; хмель, Eum. 860
21. Медноклювые — птицы, Pers. 562
22. Милосердный — отец, Ch. 856; мать, Ag. 1539
23. Многовёсельный — сила, Pers. 352
24. Многоречивый — плач, Ch. 510
25. Многостяжательный — груз, Sept. 669
26. Многоустый — Нил, Suppl. 3
27. Многоценный — лен, Pers. 124; саван, Ag. 1381
28. Мореходный — стан, Pers. 378; поход, Pers. 720
29. Первородный — зараза, Ag. 1342
30. Правомощный — судья, Ch. 120
31. Правосудный — Зевс, Ag. 56
32. Раболепный — лесть, Ag. 919
33. Светлостенный — кремль, Eum. 917
34. Смертоносный — стрелы, Ag. 510; покрывало, Ch. 492
35. Смиренномудрый — сердце, Ag. 380
36. Сребролукий — Феб, Ag. 509
37. Стародавний — очаги, Pers. 861; Ch. 344, 624, 1066
38. Стоустый — укоризна, Eum. 96
39. Темнооблачный — гнев, Ag. 133
40. Чернопучинный — вал, Sept. 63
41. Черноустый — скалы, Ag. 1234
42. Чудотворный — власть, Eum. 968
43. Чужедальний — могила, Ag. 455

Приложение 2. Рифмы и гомеотелевты в переводах Вяч. Иванова из Эсхила

№	Перевод Иванова	Греческий текст
1.	Злополучный мой рок! Безотрадн ^{ый} удел! Беспримерный удар! Непостижн ^{ый} удар! Как свирепо Судьба покарала наш род! Что нести мне дано! Что терпеть суждено! Я расслаблен; мощь чресл истошилась моих; Я порфиру в клочки разодрал, растоптал , (Pers. 909–914)	δύστηνος ἐγὼ στυγερῶς μοίρας τῆσδε κυρήσας ἀτεκμαρτοτάτης, ὡς ὠμοφρόνως δαίμων ἐνέβη Περσῶν γενεᾶ· τί πάθω τλήμων; λέλυται γὰρ ἐμῶν γυίων ῥώμη. τήνδ' ἠλικίαν ἐσιδόντ' ἀστῶν, (Pers. 887–892)
2.	Ни масл ^{ам} не смягч ^{ить} , ни слезам не зал ^{ить} Всесожжений горящего гнева. (Ag. 70)	οὔθ' ὑποκάων οὔτ' ὑπολείβων οὔτε δακρύων ἀπύρων ἱερῶν ὀργὰς ἀτενεῖς παραθέλξει.
3.	Всем родимым богам, что царят в вышине И живут в глубине, Что врата стерегут и свой град берегут... (Ag. 88–90)	πάντων δὲ θεῶν τῶν ἀστυνόμων, ὑπάτων, χθονίων, τῶν τε θυραίων τῶν τ' ἀγοραίων...
4.	Как тебя мне встреч ^{ать} ? как тебя велич ^{ать} , Не умалив, о царь, не превыся хвалы, Соразмерной делам? (Ag. 785–786)	πῶς σε προσείπω; πῶς σε σεβίζω μήθ' ὑπεράρας μήθ' ὑποκάμψας καιρὸν χάριτος;
5.	Восстенает он, востужит, — Обнаружит преступленье. Плач окрест, окрест смятенье, Возмущенье за страдальца... (Ch. 327–330)	ὀτοτύζεται δ' ὁ θνήσκων, ἀναφαίνεται δ' ὁ βλάπτων. πατέρων δὲ καὶ καλπεσόντων γόος ἔνδικος ματεύει...
6.	То глубинный закон, чтоб не канула кровь, Черных капель другой за собой не влача. Пролитая бежит, громогласно крича, И, Эринию тьмы разбудив от дремы, На губителя гибель накличет. (Ch. 400–404)	ἀλλὰ νόμος μὲν φονίας σταγόνας χυμένας ἐς πέδον ἄλλο προσαιτεῖν αἷμα· βοᾷ γὰρ λοιγὸς Ἑρινὸν παρὰ τῶν πρότερον φθιμένων ἄτην ἐτέραν ἐπάγουσαν ἐπ' ἄτη.
7.	Злых зверей, лютых змей Мало ль ты родишь, Земля? Страшных чад, мрачных гад Хляби вод Питают... (Ch. 585–588)	πολλὰ μὲν γὰρ τρέφει δεινὰ δειμάτων ἄχη, πόντιαί τ' ἀγκάλαι κνωδάλων ἀνταίων βροτοῖσι

		πλάθουσι [βλαστοῦσι] καὶ πεδαίχμοι...
8.	<p>О святыня Земли! О священный курган, Что над мертвым царем, корабельным вождем, Поднялся, словно мыс, где пристал мореход, В этот час нам внемли, поборая за нас! Умышление, Пейто, соучастница, ты В этот час повершишь, а владыка ночной, А подземный Гермес знак подаст роковой К состязанию мощи булатной. (Ch. 722–729)</p>	<p>εἶεν, φίλαι δμῳίδες οἴκων, πότε δὴ στομάτων δείξομεν ἰσχὺν ἐπ' Ὀρέστη; ὦ πότνια χθῶν καὶ πότνι' ἀκτὴ χώματος, ἢ νῦν ἐπὶ ναυάρχῳ σώματι κείσαι τῷ βασιλείῳ, νῦν ἐπάκουσον, νῦν ἐπάρηξον· νῦν γὰρ ἀκμάζει Πειθῶ δολίαν ζυγκαταβῆναι, χθόνιον δ' Ἑρμῆν καὶ τὸν νύχιον τοῖσδ' ἐφοδεῦσαι ξιφοδηλήτοισιν ἀγῶσιν.</p>
9.	<p>Вскликните дружно в лад, Громко ликуй весь град: Славься, державный дом! Полная чаша ты! Нет ни скверн в тебе, ни тли, Нет воровской четы! (Ch. 942–945)</p>	<p>ἐπολολύξατ' ὦ δεσποσύνων δόμων ἀναφυγᾶ κακῶν καὶ κτεάνων τριβᾶς ὑπὸ δυοῖν μιστόροις δυσοίμου τύχας.</p>
10.	<p>С новоселием вас поздравляю! Чертог Уготован; кровь жертв окропила порог. Всем собором пойдѐм — и, при свете святом Предносимых огней, вас в обитель введем. Вы ж, сокрывшись в жерло, Все, что городу зло, Удержите во мгле! Все, что благо, — земле! Так ведите мой город к победам! Вы же следом идите, Краная сыны: Час святой тишины Богомысленной общине ведом. (Eum. 1003– 1013)</p>	<p>χαίρετε χῦμεῖς· προτέραν δ' ἐμὲ χρῆ στείχειν θαλάμους ἀποδείξουσιν πρὸς φῶς ἱερὸν τῶνδε προπομπῶν. ἴτε καὶ σφαγίων τῶνδ' ὑπὸ σεμνῶν κατὰ γῆς σύμεναι τὸ μὲν ἀτηρὸν χώρα κατέχειν, τὸ δὲ κερδαλέον πέμπειν πόλεως ἐπὶ νίκη. ὑμεῖς δ' ἠγεῖσθε, πολιτισσοῦχοι παῖδες Κραναοῦ, ταῖσδε μετοίκους. εἴη δ' ἀγαθῶν ἀγαθὴ διάνοια πολίταις.</p>